

Александр Черниговский

**Загадай
Желание**

Энтони Санрайз, программист-конструктор из корпорации Рейнбах, подвергается насильственной операции по преобразению организма в Конвертер Материи. Через некоторое время технология даёт сбой и превращает часть личности главного героя в сетевой искусственный интеллект "Senor la Muerte", а самому Энтони даёт способности, которые в условиях технологического развития 23го века можно назвать божественными...

Загадай желание

Часть 1. Бытие. Глава 1

«Дамы и господа!» — разносится по комнате привет из далекого прошлого. — «Сегодня компания «Рейнбах» официально запускает в продажу, не побоюсь этого слова, революционный продукт. UMC Mark 1 — величайшее изобретение человечества со времен создания первого молекулярного принтера и генератора твердых фотонов».

Йозеф Рейнбах просто искрится от счастья, стоя спиной к огромной до черта машине — первой модели в истории человечества Универсального Конвертера Материи. Ему рукоплещут зрители и журналисты, сверкают вспышки камер, совет директоров сдержанно щерит зубы в ожидании скорой прибыли. Народ ликует — новая эра! Это изменит все!

Изменило, безусловно. Ну, пожалуй, все, кроме самого человека.

Кем стал человек в эпохе, где не осталось никакой возможности для ручного труда? Информационное общество рождает лишь два типа людей — программистов и аналитиков. Кто-то задает тон окружающей реальности, а кто-то принимает ее за чистую монету, попутно просчитывая бюджет на следующий год.

А кто же тогда я?

Я программист. Я задаю создаю вашу новую реальность. Хотите дом? Я построю его для вас. А может, желаете отведать изысканных блюд, недоступных в наше время тотальной урбанизации? Ну, в принципе, я готов, не велика беда. Одежда, автомобили, лекарства — товары всех мастей — мой конек!

Возрадуйтесь, люди! Я — ваш Царь и Бог, слуга Маммоны и корпорации «Рейнбах», чародей, джинн и кибер-маг современности!

Йозеф, щеголеватый немец в годах, продолжает распинаться по поводу всех особенностей своего изобретения, но мне уже абсолютно наплевать. Пальцы сами тянутся к запястью, к интерфейсу из тех самых твердых фотонов. Пара писклявых сигналов, и изображение посреди комнаты гаснет, оставляя меня и Гарри в полной темноте.

— Эй, чувак, ты чего? — вяло стонет он, пытаюсь попасть по такому же коммуникатору на своей руке. Безуспешно. — Чувак, умоляю, включи.

— Нет, брат, пора спать, — столь же убито и неотвратно отвечаю я.

За окном квартиры Гарри, на высоте нескольких километров над уровнем моря, сияет неспящий город. Он сверкает и искрит голограммами, рекламой всех цветов и размеров, фарами автомобилей на магнитной подушке. И где-то вдалеке, так что едва хватает глаз, сияет новый небоскреб.

Сияет лишь наполовину, верхняя его часть еще не достроена, но оттого он разгоняет и без того забитую тьму еще сильнее. Контур каркаса, окна, коммуникационные потроха переливаются всеми цветами радуги. И вновь вездесущие твердые фотоны. Пока это лишь заготовка, но ничего, есть-пить не просит. Почти. Пары ядерных батарей вполне достаточно, чтобы этот карточный домик не рухнул от малейшего ветерка. А как настанет утро, это цветастое великолепие превратится в аспидно-черную коробку, кусок тьмы под радостным солнцем. И будет набираться сил и энергии от щедрого светила, дабы твердая голограмма ожила и превратилась в настоящее здание, из стекла и титанических композитов.

Просто? Гениально просто! Старик Рейнбах, мир его праху, вряд ли и помыслить мог, во что выльется труд всей его жизни.

А откуда я это знаю? Я программирую десятки подобных строений. Создать модель

материала, рассчитать общую нагрузку, срок формирования — все-все-все дела держатся исключительно на мне! И еще паре тысяч таких же идиотов с коммуникаторами вышеупомянутой корпорации.

Гарри, опираясь на недовольно искрящиеся стены, топал сквозь темноту к генератору доставки. Фальшивое настенное покрытие перестало мерцать и вернулось в обычное состояние. Желтые в бежевую полосу «обои» расползлись по комнате. Ничем не отличить от настоящих, разве что терпеть не могут живого контакта. Иллюзия, как и все в нашем мире.

— Брат, угости попить, — прошептал я.

Гарри лишь кивнул, уставившись в голографическое табло. Генератор доставки — вот чего не хватало человечеству, чтобы полностью забыть про окружающий мир. Всего несколько нажатий отделяют каждого от его хлеба насущного, ну или чего другого, кому что по вкусу. Пик-пик-пик, отзывается интерфейс могучего белого шкафа, пик-пик, ДЗИНЬ! Вот и пошло скачивание. Щелкнул замок, теперь эту машину не откроешь никакими силами. Да и нужно ли это? Хотите взорвать весь дом, не дождавшись вожделенного гамбургера?

Гарри мерно качается из стороны в сторону, пытаюсь сконцентрироваться на голубой полосе загрузки. Десять процентов... сорок пять... Да, что-то долго. Видать, серверы перегружены. Качает народ шампанское, закуски — все на стол, для дорогих гостей. Праздник. Что за праздник, кстати? Что-то не припомню...

Семьдесят девять процентов. Любой товар может быть скачен, лишь бы объем генератора был подходящий. Предоставь код лицевого счета, и тебе откроются все чудеса вкуса, какие только возможны благодаря улыбчивым масс-медиа. Правда, есть территориальные ограничения по различным лекарствам и прочей химии, но разве это проблема для нас, программистов? Слегка подкрутить настройки территориальной идентификации, и вот мы уже в совершенно другом городе, другой стране. На данный момент, в Амстердаме. Конечно, и там есть свои ограничения, но поверьте — для неподготовленного мозга той дозы дури, что может заказать Гарри, хватит до тотального передоза.

Так что не удивляйтесь, почуяв странный вонючий дымок из системы вентиляции. Просто я и мой верный друг сегодня отдыхаем.

Хотя, вроде бы уже проветрили.

Девяносто, девяносто девять... ДЗИНЬ! Открываются белоснежные закрома генератора. Вот оно, родимое! Холодное, только что из закромов сервера «Корхен Фуд Индастриз» — «Окtoberфест» крепкое!

— Держи, — промямлил Гарри, запустив в меня бутылкой. К счастью, мне досталось меньше «сластей», и какая-никакая координация в моих руках еще сохранилась. Что ж, друг мой сердешный, прилетит тебе потом такой же подарочек по затылку, будь уверен. — Чувак, ну включи уже...

— Нет, брат. По бутылочке — и спать. От этой дряни еще всю субботу отходить будем.

— Да ненадолго! — канючит Гарри. — Ну хоть джазовый канал!

— А вот это прекрасно, — якобы неохотно соглашаюсь я и отстреливаю композитную крышечку от запотевшей бутылки. Щелкаю по твердым фотонам на запястье.

Посреди комнаты вспыхивает плоский экран, едва не ослепив нас. Одно мгновение, и изображение обретает четкость. Старая, черно-белая запись. Какая-то темнокожая дама низким, почти мужским голосом, поет тихую песню. Словно пришибленные валерианой коты ей аккомпанируют фортепьяно и саксофоны. Пара глотков холодного пива,

изображение становится еще четче. Похоже, меня отпускает.

— Хорошо, — вздыхает Гарри, пытаясь толстыми пальцами открыть скользкую бутылку. Наконец, ему это удастся, и мы вместе слушаем переливы негритянского голоса, даже не вслушиваясь в слова.

Верно, брат, хорошо. Кто бы что ни говорил о вреде технического прогресса, застое эволюционного развития и прочей либеральной ерунде, мы с тобой родились в самое прекрасное время на Земле. Нет голода, почти нет войн, лишние граждане со спокойной совестью переселяются на другие планеты. Говорят, Марс начали успешно терраформировать, уже дышать можно за пределами станций. Правда, ничего не растет на ржавом песке, но это временно.

Прихожу в себя от тихого стука. Гарри отрубился в своем квадратном «кожаном» кресле, на гладком полу лежит полупустая бутылка, в отсветах голографического экрана заметна расплывающаяся солодовая лужа. Что ж, опять мне работать уборщиком.

Поднявшись с дивана, подбираю опустевшую тару, чуть не поскользываясь на той самой луже, и тихо ругнувшись направляюсь к утилизатору. Такая же белая коробочка, как и генератор доставки, разве что меньше. Открываю крышку, бросаю бутылки и жму кнопку «утилизировать». Тихий хлопок, высвечивается зеленый индикатор и надпись: «Благодарим за заботу об окружающей среде!».

Окружающая среда, да? А что там у нас внутри? Вновь открываю всепоглощающий механизм и заглядываю внутрь. Пустота. Тусклый металлический короб с кучей отверстий разного диаметра. В такие моменты что-то переключается в голове, не правда ли? Вот было у тебя в руках нечто. Может, оно было для тебя чем-то важным, имело свою ценность, какой-то смысл. Один щелчок, и все это уходит в небытие. Из праха пришло, в прах и уйдет. Энергетическая компания благодарит тебя за маленький вклад в электросеть. Чем это замечательное устройство отличается от крематория? Осталась лишь пустая оболочка, и места для нее на Земле уже не предусмотрено. Но выход есть — разбить хладное тело на атомы, дезинтегрировать к чертовой матери весь этот хлам, и оплатить затраты электричества на собственные похороны.

Не-е-ет, нельзя так мрачно. На что жаловаться? Это все дурь. Дурь, дурь, дурь! По венам течет дурь, в мозгах колышется дурь, а в желудке плещется пиво. Что-то пустовато в этом самом желудке, надо поесть. Только сейчас вспомнил, что с вечера ни крошки во рту не держал.

Поворачиваюсь к генератору и вновь чуть не приземляюсь на задницу. Лужа, черт бы ее побрал! Надо вздохнуть, успокоиться и вызвать маленького пластикового уборщика. И вот по комнате с тихим жужжанием проносится НЛО, попискивая что-то на своем тарабарском наречии, сканирует помещение. Находит проклятую влагу и принимается жечь ее беспощадными к грязи ионами. Вновь пищит и улетает восвояси, куда-то в другую комнату.

Возвращаемся к питательному ужину, точнее, уже завтраку. Входим в интернет-магазин, смотрим список товаров. Хлопья, сэндвичи, низкокалорийные напитки для анорексичек. Плывут десятки тысяч сладостей — все как один качественные, проверенные временем брэнды. Целый век люди жуют один и тот же продукт, который смогли смоделировать с оригинала. Но до сих пор в гидропонических фермах всходят злаки, на скотобойнях рубят коров и барашков. Кто-то любит «живой» продукт, хотя от смоделированных пайков их никак не отличить. Да и дороговато нынче все натуральное, только для эстетов и богатеев сие благо предназначено. И еще один немаловажный факт —

пока фирма смоделирует новый продукт, умрут десятки голов скота и центнеры пшеницы, сои, конопли и т. д. и т. п.

Совсем близко к окну пролетает чей-то автомобиль, за ним с воем несется полицейский патруль.

И что?

Похоже, сегодня я родился во второй раз. И Гарри, который ничего и не заметил. Лишь перестал сопеть на мгновение и устроился поудобнее, свернувшись калачиком.

Зато голод явно ощутил, что теперь и на его улице праздник, желудок будто с цепи сорвался. Не в силах что-либо выбрать, ткнул наугад на какие-то сэнки. Пачка хлебных палочек со вкусом сыра залетела в список покупок и потребовала номер счета. Не глядя ввел заветные цифры, и — о чудо! — в одно мгновение мой скромный завтрак скачался. Опять же, с пожеланием удачного дня и приятного аппетита.

Падаю на диван, вяло впихивая в рот измазанный вкусовым концентратом хлеб. Вот темнокожая госпожа заводит новую песню, уже бодрее, слегка приплясывая с микрофоном в дряблых руках. Моя нога невольно начинает стучать в такт веселой мелодии. Ностальгия. По каким временам? Не могу я скучать по времени, которое не застал даже мой прадед, это неконструктивно... объективно... нелогично, да, нелогично! В какую эпоху мне стоило появиться на свет, чтобы быть счастливым? Позвольте, позвольте! — перебиваю я невидимого собеседника. — Еще буквально полчаса назад, а может и дольше, я был абсолютно счастлив. Со мной был верный друг (*Но нынче он в трубе.*), мы культурно проводили время (*Не смеши меня! Вы уделались дурью до поросычьего визга!*) и у нас не возникало никаких сомнений, что жизнь идет так, как задумано великим программистом Вселенной (*Вот тут с радостью соглашусь. Однако, это никак не отменяет вышесказанного*). Но разве наши предки коротали пустые дни как-то иначе? Не вижу разницы между брэнчанием варгана в чуме, званым пиром, римскими оргиями и нашими с Гарри пятничными «заплывами».

Внутренний критик замолк, ему стало интересно. И я продолжаю рассуждать.

Из века в век люди маялись от скуки и непосильной, духовно и физически, работы. И вполне естественно, что они удовлетворили свои духовно-физические потребности согласно эпохе, в которой они живут. Но результат, в конце концов, один и тот же! Человек, гордый лев или уставший странник, в итоге падает на подвернувшееся ложе, один или в компании, с полным желудком и пустой головой. Нет разницы, чем набивать брюхо и туманить мозг, главное — отбросить все сомнения! В правильности выбора, посильности задачи и так далее до бесконечности. Пьяному море по колено! Я не верю в бога, любого из тысяч, не верю в Бога, что един во множестве лиц, и потому мое лекарство от сомнений — плотское, мирское. Чем оно хуже веры в сверхъестественное, силу партии и личное предназначение? Только тем, что я плачу за него деньги. Зато без вранья, все честно: пятьдесят кредитов — несколько часов детского счастья на две персоны.

Комментатор не отвечает. Кажется, он заснул от скуки. Ну и черт с ним! Призрачный экран вновь плывет перед глазами, я отправляюсь в душные тиски тяжелого сна. Лишь успеваю щелкнуть по кнопке на запястье, чтобы удалить навсегда из своей жизни горластую негритянку со всей ее свитой. Пустой пакет из-под сэнков с вялым шуршанием падает на пол, рассыпав по идеально гладкой поверхности идеально сырную крошку.

Всем спокойной ночи!

(Идите в задницу!)

Доброе утро, дамы и господа! Позвольте представить вам Энтони... Довольно запоздалое решение, но примите как есть. Вы уже успели приглядеться к нашему герою с несколько непотребной стороны, но позвольте заверить — парень он замечательный, разве что раздражителен порой и одинок настолько, что любит порассуждать за жизнь сам с собой. Не обращайте внимания, сейчас он чист, выбрит и благоухает лосьоном.

Как он уже успел заметить, занимается Энтони программированием матричных блоков (кажется, он сказал это иначе, ну да ладно). Он создает и правит схемы формирования различных материалов и конструкций для кампании «Рейнбах», создавшей Универсальный Конвертер Материи. Это по его чертежам вырос на ваших глазах ваш дом, ваша мебель, и бутылочка молочной смеси, которой вы кормите свое обожаемое чадо (если вы решились взять на себя такую ответственность, разумеется).

Работа эта крайне уважаема во всех частях Солнечной системы, и, что особенно важно для Энтони, совершенно непыльная. Ручной труд на матушке Земле практически устранен, так что весь его труд сводится к постоянной бдительности, как у часового на посту. Пока не пискнет надоедливый сенсор, Энтони и бровью не поведет, чтобы вырваться из цифровой сети.

Для своей работы он выглядит несколько несуразно. У него нет общего для всех его коллег выпячивающего брюха, от него не разит потом, и он всегда гладко выбрит. В тех местах, где это необходимо на данный момент. Его одежда, монолитный кусок ткани, изувеченный декоративными швами и пуговицами, сидит на опущенных плечах, словно на вешалке. Сегодня он и Гарри, уже принявшие несколько антипохмельных кругляшей, отправляются на матч по регби. Вы еще успеете увидеть, как много смешного происходит в современном спорте, да и вообще вокруг нашего замечательного Энтони. Не могу обещать, все же он — свободный человек, но определенно ему найдется, чем нас позабавить!

Гарри взмахивает мощной ручищей и входная дверь отъезжает в сторону. Своей задницей лучший друг Энтони загораживает проход, от него исходят несколько застарелые миазмы мужского пота. И, тем не менее, именно он, а не наш герой, является душой компании, организатором корпоративных оргий и прочих либеральных увеселений, которые Гарри-трезвый всячески презирает, а Гарри-нетрезвый — вдыхает полной грудью.

— По-моему, нужно что-то менять, — глухо говорит он, щурясь от ударов ясного солнечного неба. Прозрачные коридоры красивы исключительно снаружи, пока вы смотрите на этот титанический фаллос, увитый прозрачными жилами-переходами.

— Безусловно, — тихо соглашается Энтони, улыбаясь янтарному свету и проходящим мимо барышням. Ему хорошо, солнечная радиация греет его бледное лицо, и девушки смотрят на него как на идиота из-под широких полей пластиковых шляп. Некоторые, правда, весьма дружелюбно подмигивают его по-детски доброй и светлой улыбке, и лучик счастья на миг проникает в его неравномерно стучащую сердечную мышцу. — Жизнь заслуживает того, чтобы направить ее в конструктивное русло.

Края его скроенного на манер военного мундира костюма колышутся на языках прохладного ветерка кондиционеров. Даже такой перепад из жары в холод лишь забавляет Энтони, вот такой он чудак. Настроение его изменчиво в последнее время. А Гарри сонно

потягивается, тут же захлопнув клапаны кожаного жилета. Ему поддувает, и несколько прохожих, прошедших напротив, забавно морщат носы. Они тоже не благодарны искусственным ветрам, разносившим по коридору ароматы упитанного молодого человека.

— Я не про то, чувак, — говорит Гарри. Мурашки бегут по его волосатым ручищам. — Надо сменить «авиацию», что-то мне с нее хреново.

— Брат, я тебя умоляю, все прекрасно! — отвечает Энтони. — Суббота, матч регби, девушки идут по городу без макияжа!

— И чего тут прекрасного?! — удивляется друг.

— Ну как же? Посмотри вокруг! Мы видим их истинные лица! Впервые за всю неделку мы видим настоящие женские мордашки, без прикрас!

— А боевой раскрас Чингачгука считается? — спрашивает Гарри, кивнув на проплывающую, как в тумане, неравномерно разукрашенную косметикой фройлян.

— Ну, у всех бывают неудачные дни! — смеется Энтони. Девушка, может быть, была бы даже красива, может быть, он даже мог бы в нее влюбиться, но вот милое создание извергает в уличный утилизатор свой ночной рацион, и что-то у Гарри внутри незаметно сворачивается в крючок. — Да, весьма неудачные... Но разве это повод грустить? Грусть появляется в спешке, тоска — в компании, страх — в неизвестности. Мы же никуда не спешим, компания у нас небольшая, и мы четко знаем, что будет через пару часов.

Они заходят в полупустой лифт, двери с тихим шипением отрезают путь к отступлению. Позади них лишь несколько неопределенного пола и возраста людей, уткнувшихся носом в голографические экранчики коммуникаторов, да бесконечная пропасть среди небоскребов, в которой без конца шныряют мухи-автомобили. А рассвет все-таки по-своему прекрасен.

— Чувак, — вздыхает Гарри, положив руку на плечо друга, — все-таки надо менять. Ты какой-то не в меру живой сегодня. Как бы крылья не отрастил.

— А чего? Почему бы и нет? — идиотски улыбается Энтони. — Слетать в отпуск на Марс и отрастить что-нибудь эдакое! Там, вроде как, свободное генномодифицируемое общество. Даже телепорты разрешены. Планета больших возможностей!

Шуришит информпанель, вещая устами внушительного дяди новости из Африки. Пожалуй, не так много мест, до которых еще не дотянулась рука технического прогресса. Дети все еще умирают от дизентерии, прикрываясь листьями и набедренными повязками, а взрослые режут друг друга самым разнообразным арсеналом, от копий и АК-47 до старых фотонных винтовок и дуговых излучателей. Живая история, мать ее!

— А чего у нас их запретили? Ну, телепорты? — спрашивает Гарри.

— Недостаточная либеральность! — провозгласил наш герой. — Ну и нестабильность перемещения сложных систем. Как в одном замечательном фильме, голова в одну сторону, а задница — в другую. Да и по сути, в чем вся соль телепортации? Тот же самый УМС — разберет тебя на атомы в одном месте и создаст аналогичную копию в другом. И вот уже светит моральный выбор, или вопрос, но, в общем, так: человек ли ты истинный, тот, что вошел в машину, или всего лишь болванка, сделанная по матрице распыленного оригинала? Да и сложно это, затратно. Уж проще так, на лифте, пешим шагом помять композиты родными сапогами.

— Суки. — На чело Гарри разом вывалилась вся человеческая печаль.

— Чего?

— Забей.

В голове Энтони все-таки вертится догадка о мрачности своего друга. Дело отнюдь не в телепортах, если бы на Земле и разрешили данный вид транспорта, по всему земному шару скакали бы огромные мясные колобки (они же люди), затянутые в мешки-майки и бескрайние шорты. Свободное геномодифицируемое общество. Он все еще надеется на чудо, каких не бывает даже в наше время. Ванда, маленькая общечеловеческая слабость здоровья Гарри. Но сказать об этом, значит потерять друга. Или получить в глаз, сломать челюсть и лишиться почек, что тоже крайне нежелательно. Почему же это так важно и постыдно для Гарри? Давайте подождем немного, и товарищ Случай раскроет нам все карты наших друзей.

Вот они выходят из полупрозрачной коробки и ступают на фальшплощадь, висящую меж небоскребов. Где-то совсем недалеко их будет ждать один из множества композитных змеев, уносящих в своем чреве спешащих неведомо куда граждан. А сейчас они идут, наслаждаясь тихим жуужжанием роботов-дворников, ароматами цветов на клумбах (какие-то слишком они ароматные) и разглядывая улыбчивых телеведущих каналов, мелькающих то тут, то там на плоских световых экранах.

— Неужели так каждую неделю? — удивляется Энтони.

— Ты о чем? — раздражается Гарри.

— Да ты посмотри вокруг! Меганполис, перенаселение, контроль численности населения, а в субботу — словно дезинтегратор на спутнике разбушевался! Пустота.

— Просто идиотов на Земле осталось мало. Кто в здравом уме попрется куда-то из дому в субботу до ланча? Кому особо нужно — там, за окном, рассекает атмосферу в крутой тачке. А мы гуляем... Пить хочется.

Здоровяк вприпрыжку пронесется к торговому автомату и заказывает две бутылки минеральной воды без газа. Ожидая загрузки Гарри нервно стучит носком ботинка по корпусу машины, надеясь заставить ее выдать живительную влагу побыстрее. В результате происходит что-то странное: панель автомата начинает искрить, соединение с банком пропадает, открывается крышка отсека подачи товара и в здоровяка со свистом вылетают две бутылки. Неожиданный шоколадный батончик победным движением бьет его по носу. Гарри в шоке падает на идеально блестящий пол, стилизованный под черный и белый мрамор.

— Удачное начало удачного дня, — усмехается Энтони, подобрав поклажу еще не пришедшего в себя друга. — Будем считать, что это подарок от нашего благословенного работодателя.

— Да ну к черту! — прорычал Гарри.

Разделив призовой батончик пополам, друзья двинулись дальше по заданному маршруту. Вода освежила их утомленные дымом глотки и слегка прояснила еще сонные мозги. Шипели автоматические двери, выползло на улицу меланхоличное население многоуровневого муравейника. Город быстро приходил в себя. Странные люди спешили по странным делам, красуясь перед друзьями и прохожими уровнем достатка. В цивилизованной части Земли уже давно нет нищих, коренной землянин — эталон красивой сытой жизни. Только поглядите, как разодеты честные граждане: косые шляпы, декоративные импланты (от пизжонских виртуальных интерфейсов в сетчатке до банальных силиконовых груш в декольте), синтетические перья и шипованные латексные куртки на манер вымершей касты байкеров и так далее, в бесчисленных вариациях и конфигурациях. Никто не скрывает своей любви к ближнему и окружающей среде, все

заботятся о том, чтобы никто не был обделен драгоценным вниманием, пусть даже это презрительный взгляд из-под полуметровых ресниц. Общую картину дополняют полицейские дроны, без конца жужжащие высокоточными объективами и доблестные стражи порядка, закованные в панцири легкой силовой брони. Безликие церберы, обязанные стеречь покой и благополучие сограждан, но не обязанные улыбаться встречным сквозь антибликовое забрало уставных шлемов.

Энтони и Гарри достают мятые пачки сигарет и прикуривают от плазменных зажигалок служебных утилитарных инструментов. Могучая вещь, эти твердые фотоны, думает про себя Энтони. Иллюзия, светопредставление, не имеющее массы, но способное сформировать что угодно, от вилки до пистолета. И все у тебя на запястье, в твоём коммуникаторе, словно приложение, скачанное из информационной сети. Лишь бы хватило мощности батареи и было разрешение на ношение подобных модификаций. Он видел старые фильмы, где полицейские разгоняли демонстрации и бунты тяжёлыми и неповоротливыми дубинками, шокерами и резиновыми пулями. Ни у одного современного стража порядка вы не заметите подобных приспособлений. Но стоит слегка провиниться, и вам на голову обрушится сияющая палочка, одобренная нелетальным, но крайне болезненным зарядом.

Даже не пытайтесь шутить с законом! Он выше вас, жалкие букашки!

Бросив тлеющий фильтр в утилизатор, Энтони вновь озаряется несвойственным ему энтузиазмом. Монорельс закрывает свою ненасытную пасть и везет друзей на стадион. Стоило лишь издали завидеть его границы и можно было различить беснующееся море фанатов (и, разумеется, кордоны чёрных экзоскелетов). Чем ближе они приближаются к месту назначения, тем возбужденней становится наш главный герой. Сквозь монотонное шуршание поезда и умиротворяющую музыку до сознания Энтони дотягивается склизкая лапа внутреннего голоса. Его слов не различить, но смысл их всегда один и тот же. Энтони, дружище, мой лучший раб, ты не в порядке! Посмотри на себя, ты полное ничтожество! Откуда в тебе столько счастья, неразумная скотинка? Завязывал бы ты с дурью, мальчик мой. И с питьём. И с едой. Вообще, завязывай с этой долбаной жизнью, кому она вообще нужна? Отсиди матч, вернись домой, в одиночестве, устройся поудобнее в своей долбаной ванне и перережь себе вены! Тебя никто не осудит, мальчик. Слушай меня, я всегда прав!

Настроение парня несколько тухнет, но он спокойно отбрасывает назойливую ментальную муху, с детства жужжащую в его голове. Как же поселилось там это вредоносное создание? Энтони мог бы назвать тысячу причин, но ни одна из них не является настолько важной, чтобы перерасти в маниакально-депрессивный психоз. Даже начало из этой череды эпизодов тихого сумасшествия он вычленить не мог. Виноваты ли в том всепопустительствующие, притом бесконечно деспотичные, родители, тяжёлое «благополучное» детство, бурная унылая юность и учеба в университете, где он впервые сошелся со слегка нетрезвой однокурсницей, а может, всего понемногу. И вновь с тихим шипением отворяются двери, и Энтони вновь бодр и неадекватно весел, идет со своим единственным настоящим другом в ревуцию объятия толпы.

Стадион «Санрайз» приветствовал ребят неистово орущими людскими массами. Гарри помимо воли пришел в себя и теперь весело орал в такт закутаным в синее с золотом тряпье фанатам. Доблестная стража сканировала каждого пришедшего, безжалостно изымая все, что может использоваться в качестве «ободрителя» и «примирителя» для обеих команд. Вторая куча фанатов радостно скандировала абсолютно

цензурные и политкорректные лозунги, стремясь то ли оскорбить соперников, то ли заставить их умереть со смеху. Сдержанная ярость — самая комичная ситуация в современном спорте. Ни тебе сиденье выдрать (композитные ортопедические кресла намертво срослись с трибуной), ни фальшфейер зажечь (доблестные полицейские не побрезгуют провести обследование простаты, если сканер хоть раз возмущенно пискнет), ни даже оболгать сексуальные склонности другой команды (десять суток ареста или штраф тысяча кредитов, выбирайте сами). Зато все чисто и благородно, точно бесчисленные толпы эстетов собрались полюбоваться партией в крикет за бутылочкой эля.

Улыбчивый андроид-кассир проверяет билеты и силиконовой девичьей ручкой приглашает Энтони и Гарри насладиться зрелищем. И тут настает пора унижительного досмотра.

Друзья поднимают руки, ярко-синие лучи сканеров на руках полицейских просвечивают их насквозь, раз за разом выжигая какой-то слой нервных клеток. Но парням все равно, они чисты перед законом и просто ждут зрелища.

— Откройте карман, пожалуйста, — внезапно раздается из-за зеркального забрала. Полицейский смотрит на Гарри, нервно постукивая ботинком по полупрозрачному полу. Энтони смотрит на друга, потом на черный ботинок стража и его охватывает ужас. Черт побери, как же высоко! Какой идиот вообще придумал строить подвесной стадион между небоскребами?!

Гарри удивленно достает из нагрудного кармана пачку обезболивающего. Ничего удивительного, здоровяк поедал медикаменты пригоршнями. Мигрень была частой гостьей в его доме.

— Проходите, — вздыхает полицейский, и вот уже новые мученики переходят в его заботливые руки.

— Чего это они? — удивляется Энтони.

— Стерегут, ищейки хреновы, — усмехнулся Гарри и тут же проглотил один кругляш, запив остатками воды. — Будешь?

— Да мне итак недурно.

— А станет еще лучше.

Загадочная улыбка расползается по небритой роже, делая Гарри похожим ни то на тролля, ни то на Чеширского Кота. До Энтони доходит смысл сей клоунады, и он начинает нервно смеяться над глупостью и находчивостью своего товарища. Он незаметно принимает украшенную смайликом таблетку, делает глоток воды и на секунду в его голове проносится, словно пуля, уже позабытая мысль.

НУ КАКОЙ ИДИОТ СТРОИТ СТАДИОНЫ МЕЖ НЕБОСКРЕБОВ?!

Таблетка приятно шипит у него в желудке и мир в несколько мгновений становится четче и понятней. Что за стимулятор подсунул ему закадычный драгдиллер на этот раз? Мимоходом Энтони укорил уже собственные умственные способности, а еще через мгновение погрузился в горячие волны наполненной тестостероном атмосферы спортивного состязания.

Глава 3

Пробивая себе путь через трепещущую людскую массу, друзья добрались до своих мест на трибуне. Вот-вот должны были появиться команды поддержки, блистая псевдошкольными шевелюрами, гладко выбритыми женскими ногами и цветастыми помпонами.

Голографическое буйство подогревало фанатов. Нарисованные в воздухе огни, видеовырезки лучших моментов предыдущих игр, комментаторы, восхваляющие нарочито бодрим тоном победы спортсменов и как бы вскользь упоминающие о поражениях — все для толпы! Все ради шоу!

— Да-да, Нью, абсолютно с тобой согласен, — смеется один из комментаторов. — А теперь, позвольте представить вам, дорогие зрители, команду черлидеров «Небесные ястребы». Девчонки, не подведите!

Сине-золотые фанаты ликуют! На синтетическую траву стадиона выбегают длинноногие красотки. Пляшут, скандируя «Ястребы — вперед!» и прочие воодушевляющие лозунги, сопровождая довольно банальное действие поистине прекрасным акробатическим номером. Сверкает мишура, взлетают мини-юбки, девушки строят идеальную модель современного общества — пирамиду. Самые жилистые и выносливые красавицы образуют основание и все выше возносятся очаровательное строение, и капитан запрыгивает на плечи своих подруг, потрясая толпу сотрясанием выдающихся форм.

«Ястребы — вперед!» боевым кличем проносится по стадиону, виртуальное пламя озаряет черлидерш светом инквизиторского костра, и по ушам Гарри и Энтони ударяет молот людского восторга. Сирены, они же малолетние ведьмы-совратительницы, исчезают в иллюзорном пламени, устремившись в ясное небо стайей золотых птиц.

— Прекрасно, девочки, так держать! — радостно доносится из комментаторской кабины. — Ты был абсолютно прав, Стивен, как такие красавицы могут не сподвигнуть наших бравых вояк на подвиги? Слышите, «Ястребы»? Теперь вы просто обязаны захватить сегодняшний кубок, иначе в ваших душевых станет несколько пустовато!

— Умоляю тебя, Нью, прекрати! С каких пор наши спортсмены должны проводить свободное время в одиночестве? Ну что же, а теперь поприветствуем девушек из солнечной Бразилии! «Санту Эллегуа», на выход!

И вот под зажигательные латинские ритмы на поле выбегает желто-зеленая команда темнокожих сеньорит. Где-то про себя Энтони начал сомневаться, за какую команду он теперь болеет. Но если говорить честно, наш герой никогда особо не увлекался спортом. Если бы не Гарри и его запутанные, точно паутина, связи, он бы по-прежнему сидел дома, получая дозу электромагнитного излучения от монитора домашней компьютерной системы. Но вот латинские прелестницы ведут зажигательные хороводы, развеивая по ветру черные, как ночь, локоны, и Энтони уже абсолютно наплевать, за кого болеть. Главное — не показывать это Гарри и другим сине-золотым фанатам. Вряд ли ради того, чтобы спасти одного гражданина от расправы стража будет продираться сквозь разноцветное бушующее море. Энтони хочется женщину. Особенно ту, что движется ближе к центру водоворота. Чем же она так выделяется из окружающей ее толпы соратниц, парень и сам не понимает. Но вот он уже слегка пританцовывает под музыку, а скроенные на военный манер брюки начинают ему немилосердно поджимать. Черт побери, как удивительно на него воздействует толпа! А

может колеса безудержно ржущего Гарри...

Жаркие пляски завершаются возгласом на непонятном языке и все тем же голографическим фейерверком. Фанаты с обеих сторон разогрелись до предела, они готовы рвать, метать, орать и делать все то, что так делать нежелательно в местах массового скопления людей. Куда-то сама собой улетучилась атмосфера того самого культурного отдыха, что царила на подходе к стадиону, того и гляди волна радости прорвет барьеры воспитания и местного законодательства... Но нет, все шумно, крикливо, но в рамках дозволенного. И парни сливаются с этим буйством в разрывающем экстазе.

Под жизнерадостные вопли комментаторов на поле выходят спортсмены. Все как на подбор, высокие, мускулистые... скорее всего мускулистые, разве может у спортсмена свисать брюхо до колен? Под новейшей защитной экипировкой, одобренной спортивным комитетом, не разглядеть ничего. Панцири экзоскелетов настроены так, чтобы уравнивать шансы обеих команд. Сила и выносливость уже не так важны. Одобрение физического превосходства не толерантно! Но все же не было бы смысла в таких соревнованиях, если б не смекалка и скорость реакции. Уж эти особенности не смогут уравнивать даже самые упорные демократы и человеколюбцы.

Слова доносятся до разума Энтони все хуже, доносятся издалека и тонут в монотонном шуме, заполнившим его черепную коробку. Затянутый в полосатую броню судья бросает монетку, определяя, какой команде достанется пластиковая дыня-мяч. Фортуна улыбается сине-золотым бойцам, их броня переливается счастьем, солнце играет на отражающих забралах. Спортсмены встают в атаковую позицию.

Отовсюду доносится разгоняющийся бас. Играет боевая композиция «Ястребов», что-то из древнего, как мир, тяжелого рока. Что-то это ему напоминает.

We would swoop down on the town. .
And kill everyone that wasn't beautiful

And I don't want you and I don't need you
Don't bother to resist or I'll beat you
It's not your fault that you're always wrong
The weak ones are there to justify the strong

Раздается оглушительный свист, и закованные в пластик буйволы сцепились в смертельной схватке за обладание белым снарядом. Самый ловкий «Ястреб» принимает мяч и с ловкостью заправского гимнаста перепрыгивает через головы бодающихся амбалов.

Hey you, what do you see?
Something beautiful or something free?
Hey you, are you trying to be mean?
If you live with apes, man, it's hard to be clean!

Атлеты гоняются друг за другом, хватая соперников за ноги и бросая на синтетическую зелень мощным ударом плеча. Мяч летает из конца в конец поля, словно не желая наконец перелететь через рогатину ворот одной из команд. Тяжелый рок давит на мозг, происходящее расплывается с невероятной скоростью. Энтони встряхивает головой, пытаясь

привести себя в чувство. Он смотрит на расплывающуюся рожу Гарри и окружающих его болельщиков. Если бы не богатый опыт, они бы тут же осенил себя крестным знаменем и бросился бить морды окружившим его демонам.

— ДА, СУКИНЫ ДЕТИ, ДА!!! — орет красно-сине-зелено-бородатый Гарри. Видим «Ястребы» забили бразильским гостям первый гол, разукрасив изнутри чей-то шлем багровыми каплями спорта.

— БРАТ, ЧТО ЭТО ЗА ХЕРНЯ?! — едва не молит о пощаде Энтони. Он уже напрочь забыл, зачем пришел, и теперь ему хотелось лишь убежать в уютную коморку с идеальной звукоизоляцией и набить брюхо чем-нибудь сахаросодержащим. А также в нужник и хорошенько размять Энтони-младшего. И еще кучу самых разных вещей, лишь бы все это было в тишине и подальше от этого зверинца.

— ЭТО СПОРТ, ЧУВАК!!! — кричит Гарри ему в ухо. Мощная лапа прижимает его горячей потной туше, и парню становится совсем уж не по себе.

Матч по регби смешивался с иллюстрациями Второй Мировой Войны, количество погибших и затраченных патронов резко сменялись телефонными номерами, графиками модуляции контуров и номерами счетов поставщиков и клиентов. Солнце слепило огненными лучами его незащищенный ограничителями мозг, в мышцы хлынул панический поток адреналина.

— ЧУВАК, УСПОКОЙСЯ! — щерит зубы друг-диллер. — ЭТО МНОГОСЛОЙНАЯ ХРЕНЬ, СКОРО ПРОЙДЕТ!

— ГАРРИ, МНЕ НУЖНО НА ВОЗДУХ!

— ТЕРПИ!

— ГАРРИ, ЖИРНЫЙ ублюдок, я тебя ненавижу...

Что было дальше, не сможет поведать никто, ибо то, что вытворял Энтони с подачи своего друга, вряд ли согласится поведать широкой публике хоть один культурный человек. Да даже, если бы кто-нибудь рассказал парню, что он вытворял последующие десять часов, Энтони бы лишь отмахнулся и попросил принести стакан воды.

Именно эта нужда и вернула его к суровой реальности. Потный, с обожженным жаждой горлом он поднимался с кровати в своей квартире. Шаря руками в полутьме, он старательно пытался найти край своего ложа, и через мгновение узнал, что тот был опасно близок. Секундный полет — БАМ! Застонав и потеряв ушибленный висок, Энтони потянул на себя одеяло, желая вздремнуть еще пару минут (все-таки за окном глубокая ночь, имеет же право человек отдохнуть в законный выходной!), как вдруг обнаружил, что оно сопротивляется. И как-то подозрительно ворчит.

Прищурив глаза, Энтони обнаружил в слабых лучах лунного света, пробивавшегося через декоративный экран, чьи-то стройные смуглые ноги на фоне белой смятой простыни.

— Черт... — едва слышно вырывается из его уст, пока он лицезрит свернувшуюся калачиком бразильянку из группы поддержки, кажется, «Санту Эллегуа». Как?! За что такая радость?!

Она переворачивается к нему лицом, укутавшись одеялом и с влюбленной улыбкой уткнувшись носом в его подушку.

(Что ж, раз ты не сдох от передоза, да еще и так повеселился, можешь гордиться собой, упырь).

Опять на сцену выходит внутренний голос Энтони, и опять парень пытается задавить

его. Получается неплохо. Да и какой внутренний диалог может идти в голове, раскалывающейся на части.

На четвереньках (ноги отказываются нести его до места назначения) двинувшись на кухню, Энтони умудряется разгрести руками все, от сброшенной в спешке одежды, до упаковок от чипсов, контрацептивов и пивных банок. Гарри наконец добрался до его логова. Придурок. — подумал про себя Энтони. — Больше ноги этого жирдяя в моем доме не будет! Куда же перебралась разгульная орда? В любом случае, бюджет парня явно получил приличный удар под дых, месячный амстердамский трип (отпуск) отменяется.

Энтони наконец добрался до кухни, щелкнул переключателем на кране и с жадностью заправского чиновника принялся поглощать соки щедрой матушки Земли. Вода текла по его подбородку, капли оседали на отросшей за полдня щетине, и с каждым глотком живительной влаги парень чувствовал себя на несколько процентов живее, целостнее.

— Уборщик, — прохрипел он, оторвавшись от поилки. Из-за декоративной панели вылетел плоский как блюдце робот, радостно попискивая, словно собака. Разве что хвостиком не виляет. — Принеси кодеин. И убери тут все.

Умный песик, хороший песик. Энтони заботится о прошивке своего инвентаря. Блюдце улетело в ванную и через несколько секунд, тихо пискнув, протянуло хозяину сияющей ручкой гравизахвата спасительные таблетки. Энтони щелкнул крышкой и не глядя отсыпал горсть обезболивающего, запив его все той же водой из-под крана. Той, что как гласит реклама, чище любой артезианской скважины и дарует молодость и легкость. Только не забывайте платить налоги, уважаемые сограждане.

(Не шутите с законом! Да, я однообразен, но всегда прав! Разве ваш внутренний голос устроен иначе?)

Пока Энтони приходил в себя, маленький уборщик уже схватил половину разбросанного по квартире мусора и скинул его в утилизатор. Ящик радостно чирикнул и сказал пластиковому работяге «Благодарим за заботу об окружающей среде!». Тот лишь скромно мурлыкнул и продолжил свой нелегкий труд по очистке вертепа.

Все, пора с этим завязывать, — думает про себя Энтони. — Еще пара таких заходов, и билет в «мягкие палаты» мне обеспечен.

(Забавно. Люди всякий раз решаются сделать то, что нужно, когда это уже не обязательно. Занимаются любимым делом, бросают курить, рожают детей — все, к чему их ведет сама природа! — все это происходит на Закате, где уже нет никакой необходимости делать что-либо. Но человек отпахал, заслужил сделать хоть что-то, и вот он уже дряхлый, немощный, уставший от скучной, или непосильной мозгу работы, выбрасывает все мимолетные радости, чтобы хоть миг прожить по-настоящему. И умирает. Может, у тебя еще есть время на ясное бытие, а, джинн-чародей-кибер-маг-современности?)

Красота! Внутренний критик окончательно берет верх над разумом. Мама, спасибо тебе за воспитание! И тебе, папа, за твои нежные подзатыльники и жесткий ремень! Суки! Ненавижу!

(Не вини окружающих за их глупость, Энтони. Каждый делает то, что считает нужным. А ты, тряпка, поддался их глупости. И тебе не кажется, что крыть матом пустоту — немного странно? Не находишь?)

От очередного тихого психоза парня спас коммуникатор. Ремешок на запястье мягко завибрировал, сообщая хозяину о новом электронном сообщении. Стукнув пальцем по

имитации циферблата, Энтони открыл свою личную страницу. Плюс один конвертик от лица Гарри.

«Ну что, чувак, ты жив? J»

Не сдерживая раздражения, парень принялся стучать пальцами по фотонной клавиатуре.

«Иди в задницу, Гарри! Я с тобой больше не разговариваю!»

«С каких пор ты такой обидчивый? Ладно, слушай: прости, что так вышло с твоим домом, мы реально не собирались так глубоко заплывать. В качестве возмещения Ванда и я приглашаем тебя и твою смуглянку на ужин»

«Ванда была здесь?!»

«А чему ты удивляешься, чувак?»

«Уже ничему. Кстати, а как ее зовут?»

«Мария, фамилии не помню»

«Как мы ее вообще сюда затащили? Я же ни слова по-португальски не знаю»

«И не нужно, она говорит по-английски, тебе этого хватит с головой. Если уже не хватило J Как она вообще?»

«Понятия не имею, не помню ни черта. Что вчера произошло? Чем ты меня опять напичкал, толстожопый упырь?»

«Ладно, чувак, я тебя понял. Поговорим позже. Арревуар, мазафака!»

«Пользователь вышел из сети».

«Социальные сети погубят мир» — сделала выверт очередная извилина в голове Энтони. Воистину, человечество погубит невозможность дать в морду ублюдку на том конце виртуального пространства. Много лишних людей, много жирных анонимов и малолетних троллей, ищущих в Сети то, чего им так не хватает в реале. Бардак. Бардак!

Боль понемногу отступала, организм приводил себя в порядок. И требовал выхода лишних элементов системы. Шаткой походкой парень побрел в санузел, едва не сбив по дороге добросовестного уборщика с кучкой мусора в электромагнитных ручонках.

Нажав на дверную ручку, Энтони ввалился в узкую, отделанную идеально чистым композитом комнату. Округлая раковина, душевая кабина и белоснежный трон были готовы принять хозяина в свои объятия, и парень, как истинный прагматик, решал, с чего бы начать утренний марафет. И сразу направился в полупрозрачный помывочный гроб.

Униинструмент сполз с запястья, уместился на стиральной машине в углу ванной, и Энтони заметил несколько алых пятен на дне душевой кабины. И парочку средств женской гигиены. Какого черта?!

— Уборщик!

Робот радостно пискнул и прилетел, виляя хвостиком из пустых банок и прочего сора.

— Убери эту дрянь.

Наконец на его взлохмаченную шевелюру обрушился теплый водопад. Энтони мылил и сдирал с себя потную кожу, словно пытаясь сбросить тесный, кишаций паразитами панцирь. Он терпеть не мог, когда течение жизни не поддавалось контролю. Не любил сюрпризы. Пусть даже они имеют пару стройных смуглых ног и пахнут розовыми духами. Стабильность — залог здорового сна. Но благодаря Гарри и его вечнопраздной своре все попытки Энтони

хоть как-то своими силами обустроить досуг имели единственную постоянную характеристику — головную боль. Мама, папа, как хорошо, что вы не видите, во что превратилось ваше вяло обожаемое чадо, светлая вам память. Да и что бы вы сделали? Он состоявшаяся личность, не имеющая с вами никаких связей, ни финансовых, ни эмоциональных (генетическая схожесть не в счет). Вам не на что было бы надавить.

Вновь загорланил входящий вызов. Усталый вздох вырвался из груди Энтони.

— Униинструмент, синхронизация. Включить звуковой фильтр. Принять вызов.

Голограмма выплыла перед ним, заслоняемая полупрозрачной пеленой воды. Он не смог разобрать имя пользователя, но это уже не имело значения.

— Доброй ночи.

Анна. Его лучший безликий собеседник тихими одинокими ночами. Разность часовых поясов давала о себе знать, они могли созваниваться в совершенно случайное время, но в основном далеко за полночь, когда любой нормальный человек уже храпел носом в подушку.

— И тебе, — добродушно прохрипел Энтони.

— Усталый у тебя голос, — мягко, по-матерински нежно сказала она. — Тяжелая ночь?

— Чуть тяжелее обычного. Как твои дела?

— Скучно. Только все более-менее улеглось. Мать не шумит, сегодня ей лучше. А у тебя как?

Анна заботилась о своей парализованной, впавшей в маразм матери, и это обстоятельство довольно часто прерывало их с Энтони душевные беседы. Как-то странно сжалось сердце в широкой груди парня, щелкнуло в голове, и легкая радость потянула его разум к небесам. Гениальная идея.

— Странные желания пробуждаются в моей подкорке, — со смехом в голосе сказал он. — Хочу стать писателем!

— Правда? — удивилась Анна. — И о чем будешь писать?

— О людях, конечно. О страданиях, преодолении и потерях, как все.

— Почему именно о страданиях? Никто не любит нытиков, Энтони.

— Не скажи! Все великие бумагомаратели, от Льва Толстого до Чарльза Моуди, развозили сопли и преодоление на тысячи страниц. Чем я хуже? Вот возьму, сяду и напишу шедевр о судьбе человеческой. Может, даже выложу в Сеть. А повезет, в издательство отправлю. И будет моей писанине PR, а мне гонорары и тонны кокса.

— А как же любовь читателей и критиков?

— Читатель голосует монетой, Анна, а критики — кто они вообще такие?! Комары, вампиры с отбеленными клыками и лакированными когтями! Присосутся и отвалят, лишь бы не заразили своим безграничным снобизмом.

— Какой же ты циник! — взвизгнула Анна и рассмеялась. — Ну хорошо. Уже придумал, о ком будешь писать? Жанр, персонажи, фабула, любовная линия?

— Любовная линия? — удивился Энтони.

— Все в жизни делается из любви к кому-то или чему-то, разве нет?

— Женщина-философ, — вздыхает Энтони, закрыв глаза, усевшись на сиденье и просто лоя лицом теплые капли бесцветной, без вкуса и запаха жидкости. — Может, ты и права. А насчет персонажей я еще не думал. Но хочется чего-нибудь реалистичного, близкого к настоящей жизни, чего-нибудь столь же сумасшедшего и бессмысленного.

— Тогда пиши о себе.

— Ну... тогда с любовной линией будет небольшая загвоздка.

— Ну и пусть, только не пиши о дерьме, прошу тебя. Это не оригинально.

— О ком же тогда писать? О лисичках, кошечках и бабочках?

— Не надо изображать мизантропа, Энтони! — Даже через иллюзию присутствия, чистый голос без видимых образов, Энтони слышит, как она улыбается. Ее смешит эта перманентная ненависть к человечеству, что выходит из берегов время от времени, и он смеется вместе с ней.

Анна, маленький якорь позитива, прижми этого парня к земле, пусть он хоть раз почувствует себя человеком. Нет, не так — Человеком!

— Тогда... — Энтони запнулся, пытаясь собраться с мыслями. — Давай так: как только я попаду на полки магазинов в твоём городе, я соберу гонорар и мы встретимся вживую. И первый экземпляр ты получишь бесплатно, с подписью автора. Сгодится?

— Не-е-ет, это слишком долго, и не известно когда произойдет! Я не люблю сюрпризы!

— Анна... — сказал Энтони.

— Что? — удивилась собеседница.

— Ты точно женщина?

— В каком смысле?

— В прямом, Анна. Я впервые слышу девушку-философа, не любящую сюрпризы. В наше беспокойное время это сильно настораживает.

— Энтони, — голос Анны заметно упал, — я давно хотела тебе признаться...

— В чем? — Парень мгновенно напрягся. Он успел искренне поверить, что этот день не может стать хуже.

(Ага, весь такой наивный, что сошел бы за умственно отсталого. Ничего, доброта и идиотия со временем проходят, проверено тысячами поколений муравейника.)

Энтони напряженно ждал, вслушиваясь в шорох и стук на другом конце сети. Он понятия не имел, что там происходит, и к чему бы эти неожиданные откровения от девушки с другого края земли, но что-то не позволяло ему смахнуть рукой подергивающуюся в радужном водопаде голограмму и продолжить спокойно нежиться в теплых каплях падающей воды.

— Вот, — сказала Анна и диаграмма звукозаписи растянулась на всю стену душевой кабины.

Маленькая комната, забросанная разноцветным тряпьем и сверкающая скринами старых рок-групп, не заправленная кровать, но это все не то. Главное заслоняет собой всю идиллическую панораму молодежного бардака.

Стройная девичья фигурка, гладкая, подтянутая, сверкает бижутерией в пупке и замысловато проколотых сосках. Розовые волосы спадали с хрупких плеч, а сквозь ярко накрашенные губы нагло выступал раздвоенный язык. Но взгляд почему-то действительно опускался к разноцветному сердечку в зоне бикини, и вновь возвращался к языку. И так раз за разом, вгоняя парня то в жар, то в холод. «Я, конечно, представлял, что все женщины по-своему змеи, хищницы и кровопийцы, — подумал про себя Энтони, — но почему я вижу их именно такими? С этим миром что-то определенно не в порядке».

— Ну как? — радостно прошептала Анна. Она просто дрожит от любопытства. Ах, если бы Энтони только видел это! Но он видит достаточно прекрасных вещей, оставим ему эту маленькую радость.

— Сколько тебе лет? — предусмотрительно спросил парень.

— Девятнадцать, а что?

— Просто у меня такое чувство, что я где-то уже это видел. В видео. Не помню, где.

— Тебе не понравилось? — поникла собеседница.

— Очень даже понравилось, — усмехнулся Энтони. — Просто дежавю накатило. Я точно тебя где-то видел.

— Ну-у-у... — Ей было явно неловко. На языке вертелось слишком много слов, которых она так и не смогла выпустить наружу. — Как вспомнишь, позвони мне... Если захочешь.

— Обязательно, сладость моя.

— Хорошо. Жду твоих набросков!

Всплывает смайлик с поцелуем, и абонент пропадает из сети.

Стать писателем... хм... А чем не затея? Подарить человечеству мысль, простую, в меру глубокую и бодрящую, одарить чувства читающего новыми красками и внутренней свободой... Да! Вот оно! Свободой не в деньгах или коробке из полимеров, что мы зовем домом, не в выборе религии или сексуально-политической ориентации, это все мнимое! Свобода в мыслях! Гении! Пробудить спящих гениев!!! Ура!!! УРААААААААА!!!

Молодой человек стоит под струями горячей воды, улыбаясь чему-то непостижимому, маленький робот летает по просторной двухкомнатной квартире, собирая мусор и складывая продукты человеческой жизнедеятельности в утилизатор, отсекая все лишнее от изначально приятной глазу картины. И вот, закутавшись в простыню, со слегка растрепанной шевелюрой и смущенной улыбкой, в тесную комнатку, заполненную паром, входит темнокожая девушка.

— Энтони? — говорит она, сбросив нехитрое одеяние.

— Здорово, чувак, заходи!

Гарри очень рад видеть своего друга в целости и сохранности. Он раскрепощен и весел, чего нельзя сказать об Энтони.

(Опустим подробности расставания нашего героя с его подругой на одну ночь. Даже он сам не поведает своему лучшему другу, чем закончилась эта маленькая экзотическая интрижка).

Уже знакомая берлога Гарри обставлена с максимально возможным изыском: никакой грязи, посреди гостиной выставлен большой круглый стол и мягкие «винтажные» стулья в стиле середины двадцатого века, а в воздухе витает аромат домашней пищи. Лазанья, с изысканностью и теплотой приготовленная Вандой. Изображает хозяйку дома. Ну ничего, имитация и лицедейство — главные достоинства современного человека, и Ванда — не исключение.

— Энтони, дорогой, давно не виделись! — Выпятив пятую точку, и уставившись в мультипечь с такой сосредоточенностью, словно волк выжидает кролика, притаившегося в норе, Ванда приветствует гостя. Ярко-красные локоны спадают на едва прикрытый радужно-кислотным топом бюст. Генная терапия и скальпель творят чудеса! — Присаживайся, я сейчас подойду.

(Что ты здесь делаешь, придурок? Разве не помнишь, что было в прошлый раз? Хочешь снова быть третьим? Мне казалось, твоя задница тебе еще дорога!)

— Только не говори, что она вновь собралась меня кому-то сосватать, — вздыхает Энтони, рухнув на стул. Все же здесь самое место дивану, где он, кстати? Приютился в углу, как сирота, и кресло с ним на пару.

— Конечно, нет! — хохочет Гарри. Чист и выбрит, благоухает тяжелой туалетной водой. Мускус... *(Как же воняет! И это жужжание музыкальной системы просто убивает... Парень, вали отсюда, пока не поздно!)* — Просто воскресный ужин с друзьями. Остальное на твое усмотрение.

(Беги, говорю! Ты же знаешь, случится какая-то херня!..)

— Заткнись!.. — сдавленно шипит Энтони, пытаясь привести себя в чувства. Все-таки прямой диалог с самим собой несколько необычен для здоровых незакомплексованных людей.

— Чего?

— Можно пива?

— Конечно, чувак. Тебе как обычно?

— Нет. Сегодня ягодное, любое.

— Что-то с тобой не так, Энтони, — нахмурился Гарри. Пухлая рука опустилась на плечо гостя. — Расскажешь?

— Нет. Принеси пива, пожалуйста.

— Окей...

«Хозяйка» извлекает из печи истекающее соком с блестящей корочкой блюдо и направляется к гостю. Не по-женски мощные руки душат Энтони в объятиях, а силикон немилосердно давит на спину, Ванда действительно рада его видеть, и лишь старый опыт удерживает ее от того, чтобы поцеловать гостя в щеку. Она уже успела почувствовать, как

холодные мурашки пробежали по его телу и тут же отпрянула.

— Только не напивайтесь раньше времени, сегодня Гарри обещал вести себя культурно, — воркует Ванда блестящими, налитыми губами. — Верно, сладкий?

— Всего по бутылке, клянусь, — смеется Гарри и подсаживается к своему другу. Его возлюбленная удаляется. — Чувак, будь проще. Покажи людям, какой ты на самом деле, и не придется корчить из себя обиженного гения.

Энтони принимает бутылку, одним движением срывает крышку и делает хороший глоток.

— Вы все как будто сговорились, — выдохнул он. — Всех тянет соорудить из себя философа и нравоучителя. Гарри, неужели ты не в курсе, что люди не меняются?

— Во-первых, если у всех вокруг одно мнение относительно тебя, то к этому стоит прислушаться. А во-вторых, да, я знаю. Куда река ни течет, она рекой и останется. Но вот задать новое направление для деятельности я тебе все же порекомендую.

— Звучит как проповедь в храме Дао, брат. Ты подсел на эту хрень для узкоглазых?

— Не меняй тему, Энтони, — вздохнул Гарри. Он смотрит на своего друга детства и понимает, что что-то с ним не так. Может, не стоило его угощать той дурью? — Что с тобой? Я видел, как ты смотрел на Марию, ни за что не поверю, что тебе не понравилось.

— Какая разница? Я ни черта не помню.

— Но потом, когда ты отошел, что-то пошло не так?

— Как обычно, брат. Однодневный перепих, пусть даже с такой девушкой, не насыщает душу.

— Теперь ты ударился в духовность и метафизику! — Гарри тычет в него пальцем, а в глазах растерянность.

— Я серьезно, Гарри. Ты никогда не думал, чем мы занимаемся? Зачем?

— И причем здесь душа?

— Притом, брат, что любое занятие должно приносить удовлетворение. Мы с тобой программисты, так? Мы задаем контуры и наполнение материальным вещам. Мы набиваем глотки нашим покупателям всяческим дерьмом, экологически чистым и безопасным, но все же. И нет числа всему тому, что мы вытворяем. Понимаешь? Мы, мать их, волшебники! Самые настоящие!

— Стой-стой-стой, Энтони, я не улавливаю сути.

— Просто дослушай. Мы ведь творим вещи из воздуха. Ладно, не совсем так, но свободная конвертация энергии в материю — это вполне можно назвать магией. И мы кормим этой дармовой магией людей за вполне материальные деньги.

— Электронные, — уточняет Гарри.

— Не важно! — хмурится гость. — А к чему это? Мы можем всю Вселенную переделать в то, чего недостает нашему телу. Да можно было бы устроить общечеловеческий коммунизм, если бы «Рейнбах» позволили! А как насытить душу? В обществе тотальной сытости невозможно наполнить брюхо смыслом. Ни жратвой, ни шмотьем, ни дурью, ни бабами — ничем!

— Энтони, послушай, — Гарри всерьез испугался за своего друга, — я прекрасно понимаю, у тебя отходняк, только не надо удаляться в такие дебри. Как придут остальные, можешь задвинуть им парочку своих теорий о человеческом всемогуществе, им понравится. Только не загоняйся, прошу тебя.

— Но, брат...

Прозвучала мелодичная трель и Энтони подавился собственными словами. Ванда спешит к двери. На голографическом экранчике радостно салютуют незнакомцы и через мгновение трое неизвестных заходят внутрь.

— Ванда, дорогая! — громогласно хохочут две близняшки, обхватив хозяйку за шею. За ними молча протиснулся затянутый в синтетическую куртку с люминесцентными вставками парень, небрежно махнув Гарри.

— Тамара, Джина! — смеется Ванда, пытаясь сбросить с себя две пары татуированных цветочными узорами рук. — Господи, успокойтесь, вас не было всего две недели. Привет, Скалли!

Смахнув вороную челку, гость пожал ей руку и направился к столу.

— Ребята, потерпите минуту, мы скоро придем, — сказала хозяйка, направившись куда-то в соседнюю комнату.

— Скалли, знакомься, это Энтони, — сказал Гарри, хлопнув гостя по сияющему синим плечу, — мой коллега, брат и вообще шикарный чувак. Энтони, это Скалли, ди-джей в «Поднебесной», тоже крутой парень и, — хозяин чуть понизил голос, — всегда знает, где достать чего-нибудь домашнего.

— Хай, — буркнул Скалли, мертвой хваткой вцепившись в руку Энтони (*Даже не буду намекать, о чем это говорит. Сам догадаешься?*).

— Хай, — ответил Энтони. — Гарри, включи что-нибудь потяжелее, от этой кислоты крыша едет.

Хозяин молча глянул на Скалли. Тот великодушно кивнул. Гарри щелкнул парой кнопок на унииинструменте и невнятный электронный шум сменился более привычным уху Энтони индастриал-металом.

— Хочешь чего-нибудь прохладительного? — спросил Гарри.

— Я думал, мы сразу перейдем к «горячему», — сказал ди-джей, вынув из-за пазухи зеленоватую бутылку без этикетки.

— Господи, Скалли, где ты это достал? — воскликнул хозяин дома.

— Известно откуда, — усмехнулся Скалли. — Максимальная очистка, синтетика пополам с натуральными компонентами. Посмотри на цвет.

Гарри и Энтони вгляделись в странные переливы несмешивающихся жидкостей в бутылке. словно ночник она переливалась мягким светом, поблескивая странными желтоватыми песчинками.

— Это... что? — спросил Энтони.

— Коктейль «Дон Хуан», если ты в теме, — сказал ди-джей. — Рецепт строго конфиденциален, в Сети ее не найдешь. Вдарит как надо, можешь быть уверен.

— Чего?.. — Парень жалобно застонал. — Га-арри-и...

— Да-да, я понял, — сказал Гарри. — Извини, брат, сегодня не получится. Нашему другу малость не везет с этим делом, давай потом.

— Тогда предлагаю продолжить вечер в «Поднебесной». Хозяин недавно обновил транкбар, всякого облегченного дерьма там навалом.

— Хорошая идея! — Гарри с надеждой посмотрел на своего друга, и он лишь тихо кивнул, сделав глоток из своей бутылки. — Прекрасно! Надеюсь, все прекрасно понимают, что работу никто не отменял, а потому предлагаю отдохнуть так, чтобы ноги донесли нас до кровати без последствий.

— Верно, я сам уже не сплю третьи сутки, — согласился Скалли, — на одних транках и

держусь.

— Не злоупотребляй, брат, недосыпание убьет тебя быстрее морфия. Девчонки, где вы там?

— Уже идем! — донеслось из спальни сквозь безудержный поток смеха и тихой ругани.

Скоро растянулось до конца бутылки пива, и не раньше, не позже все уселись за стол. Ванда разложила приборы и принялась угощать друзей своей стряпней. Бутылка Скалли так и осталась не востребованной, зато близняшки усиленно налегали на красное сухое вино, стреляя одинаково голубыми глазами из-под идентичных высветленных челок.

Разговоры ни о чем утомляли Энтони с каждой минутой все больше и больше, хотя лазанья и скрашивала эти бесконечные мгновения мушиного жужжания. Единственный информативный момент состоял в том, что беловласые близняшки оказались танцовщицами в «Поднебесной». Изредка вклиниваясь в общую беседу, он посматривал в глаза близняшкам и Скалли. Их зрачки то сужались, то расширялись в каком-то неведомом ритме, речь меняла темп. Все встало на свои места, когда он увидел голубоватые искорки на сетчатке ди-джея. Нейроинтерфейс, только и всего, господа гости общались на два фронта, реальный и виртуальный. Многозадачные куклы современности. Пару раз Тамара и Джина обратили на Энтони внимание, толи подмигнув, толи дернув бровью в синхронной судороге. И тут ему в голову пришла замечательная идея.

— Как думаете, чем отличается человек от животного?

Перехватив внимание слушателей, парень немного повеселел, гости и хозяева навестили уши.

— Ну... это просто, — начала Джина, а может быть Тамара, Энтони не запомнил, кто есть кто. — Человек разумен.

— Любой зверь с индивидуальным сознанием может считаться разумным, — усмехнулся Скалли, заметно оживившись. — Обезьяны способны считать, а слоны — рисовать. Творчество и логика — основные признаки разума.

— Так ты тоже философ? — рассмеялась Ванда. — Тебе повезло, Энтони, сегодня ты явно не помрешь со скуки!

— Боже, опять разговоры о смысле бытия и прочей лаже, — вздохнула вторая близняшка, отпив вина. — Неужели вам не спится спокойно без всех этих смыслов, целей?

— Нет, серьезно, давайте поговорим! — поддержал Гарри. — Наш Энтони тот еще философ, порой заслушаться можно. Что ты имеешь в виду: физические, умственные отличия или что-то поглубже?

— Нет, в общих чертах. Так сказать, по сути. В чем главное отличие человеческой природы от той же обезьяньей, слоновьей, муравьиной? Уровень интеллекта сразу отбрасываем, Скалли уже доказал, что не мы одни способны строить из себя гениев. И да, Скалли, ты забыл упомянуть дельфинов.

— И тюленей, — добавил ди-джей.

Первая близняшка на секунду замерла, тут же выдала свою версию:

— Человек решил, что он — мера всему сущему.

— Джина, больше тебе не наливать, — сказала вторая, отобрав у нее полупустой бокал и мгновенно осушив его. Что ж, теперь Энтони понял, кто из них кто.

— Да брось ты! — усмехнулась Джина. Она уже порядком разомлела от выпитого, и никого не стесняясь взяла со стола бутылку и сделала глубокий глоток. — Ну как, я угадала?

— Очень близко, милая. — Энтони лучезарно улыбнулся. Внутренний голос не мешал

ему, он вторил его словам. Дьявол одолел его — он вошел в кураж! — Хотя мы не можем спросить дельфинов, считают ли они себя мерой всех вещей, но предположение хорошее. Давайте рассмотрим что-то более конкретное, неоспоримое.

— Не существует неоспоримых вещей, — сказала Тамара. Ей были явно не по душе столь пространные беседы, но вино еще не вдарило ей в голову так, как сестре, и она очень старалась держать себя в руках. Достав из кармана кожаной курточки пачку сигарет, она предложила их собравшимся. Все отказались, и она закурила. — Неоспоримо лишь Дао, потому что его нельзя измерить.

— Неточная цитата из «Дао-дэ-цзин», — сказал Скалли. — Еще мой дед говорил, что узкоглазые завоюют весь мир, но чтобы таким образом... Кто-нибудь в курсе, как вообще философия позитивного безразличия проникла в нашу культуру?

— Интернационализация, ничего больше, — быстро сказал Гарри, едва не сбив ногой бутылку «Дона Хуана», притаившуюся под столом. — Так к чему ты ведешь, Энтони?

— К очень простой мысли, — сказал парень, проглотив последний кусок лазаньи. — Главное принципиальное отличие человека от животного состоит в умении определять назначение вещей. И создавать для себя «костыли». Образно, конечно. Чем обычно занимается любой зверь? Он отращивает шерсть, когти, становится сильнее и выносливей, подстраивается под окружающую среду. Или погибает в естественном отборе. Даже если его действия как-то сместят баланс в природе, мать Земля не ощутит особых неудобств. А почему? Потому, что все действия животного сводятся к естественным алгоритмам существования.

Энтони отхватил большую долю восторга со стороны Джины и Скалли, так увлеченно его слушал только Гарри в полутрансовом состоянии сознания пятничных заплывов. Тамара лишь потушила сигарету в остатках вина и закурила еще одну. Даже Гарри и Ванда, казалось, вздохнули с облегчением. Растягивая минуту триумфа, Энтони продолжил:

— Но человек, конечно же, венец творения! Он не подстраивается, не собирается становиться сильнее. Он создаст себе «костыль». Меч вместо когтей, автомобиль вместо быстрых ног или телепорт, если уж совсем опостылит куда-то перемещаться самостоятельно. А также компьютеры и информационную сеть, дабы свести все реальные усилия тела и разума к минимуму. По идее, это должно освободить огромное количество времени, верно?

Никто не ответил, но парень не обратил на это внимания.

— Очень много. Человечество создало свои, особенные условия, максимально комфортные и достаточно свободные, чтобы не задохнуться в бесконечном муравейнике. Ему не нужно бороться, достигать, Господи, вообще заботиться о материальных благах! «Рейнбах» позаботилась об этом на ближайшую тысячу лет вперед, добра и счастья ее акционерам. Мы уже заменили собой природу, держим ее в клетках, как напоминание о добром прошлом и образец для новых товаров. Что-то меня ведет в сторону, так что перейду к сути. Как вам живется в этом мире? Сытом, добром, понимающем, удобном? Я заметил нейроинтерфейсы в ваших глазах, милые, и у тебя, Скалли. У вас наверняка куча свободного времени, на что вы его тратите?

— Удобно строить из себя Торквемаду, да? — усмехнулась Ванда. — Ну что, ребята, кто бросит вызов нашему великому инквизитору?

— Я, — бросила Тамара. — При всем уважении к твоей эрудированности, ты слишком много болтаешь о пустом. В мире надо просто жить и принимать реальность как должное.

Скалли, ты спрашивал, как даосизм стал таким распространенным? Потому, что он удобен. А разговоры о «вечном» пусты по сути своей.

— Если смотреть с позиции твоего любимого Дао, — вставил ди-джей, — болтовня о шмотье и сплетни ничуть не содержательней. Да и правильно заметил Энтони, с доступом в Сеть каждый может сыграть философа.

— А в разговорах о «вечном» есть свое великолепие. — Энтони кивнул Скалли и пожал ему руку. — Их можно продолжать бесконечно и открывать все новые интересные вещи. И вы все же не ответили, как вам наша объективная реальность?

— Никак, — выдохнула Тамара.

— Очень даже интересная, — сказала Джина, наклонившись к Энтони. — А свободное время можно тратить на са-мо-со-вер-шенствование. Йога и цигун все еще в моде. Или можно писать стихи.

— Неплохо-неплохо, а как насчет прозы?

— А ты пишешь прозу?

— Собирался на днях начать, да что-то ничего в голову не идет.

— Мне больше нравится поэзия, — промурлыкала девушка, — любой стих можно положить на музыку и танцевать в свое удовольствие. Танец — лучшее проявление человеческих чувств, как мне кажется.

— Честь тебе и хвала, дорогая! — Энтони радостно похлопал в ладоши, близняшка разразилась тонким, почти детским, радостным смехом. (*Присмотрись хорошенько, может быть это спасет тебя от уныния. Внимательно посмотри на ее шею, на шею, придурок! Видишь что-нибудь подозрительное? Ничего. Хотя, остальное не на виду, так что можешь еще немного потерзать себя сомнениями*). — Ну с Джинной мы определились, я тоже перед вами открыт, как на ладони. Кто еще желает исповедаться?

— Кухня, — Ванда присоединилась к беседе. — Надеюсь, никто не скажет, что часы, проведенные у плиты, прошли даром? Учтите, я приму любую критику. На этот случай у меня всегда готова новая чистая сковорода.

— Пустые тарелки говорят сами за себя, дорогая, — улыбнулся Гарри и поцеловал ее в губы. — Верно, ребята?

— В целях сохранности моей черепной коробки соглашусь с Гарри, — усмехнулся Скалли, подобрав вилкой остатки ужина и расправившись с ними. — Хорошо, у нас в компании обнаружили поэтесса, талантливый повар и начинающий писатель. Мне повезло больше, моя работа — мое хобби, так что ди-джей — мое призвание, этим я живу и в этой области совершенствуюсь. Кстати, хотите послушать новый трек? Буквально вчера скомпилировал.

Гарри открыл доступ к стереосистеме для коммуникатора Скалли. Едва слышный на заднем плане тяжелый рок сменился ритмичным трансовым битом. Через какое-то время (*Всего десять секунд. Слабак*.) сознание Энтони и всех собравшихся поплыло, на них накатывали волны беспричинного счастья. Аудионаркотики плавно влились в музыкальную индустрию, подумал парень, прищурился от прокатывающейся по телу щекотки. Музыка напрямую вливается в ваше тело, напрягая, стимулируя и лаская нервную систему ультразвуковыми сигналами, и плевать все хотели на эстетство и высокий вкус — вы все равно поймаете ритм, утонете в нем, получите чисто физическую дозу удовольствия. И только потом, когда успокоится сердце и прояснится голова, вы оцените, какой наркотик вам по душе. К чему это... Просто процесс «раздражитель-реакция». Может, и весь процесс

мышления тоже сводится к этому?

— Энтони, чувак, очнись! — смеялся Гарри, хлопая его по плечу. Видимо, он впал в слишком глубокий экстаз, ибо стол был уже убран, а гости собрались на прогулку. — Продержись еще вечер, я замолвлю за тебя словечко перед Винсентом.

— А... — Голова мгновенно прояснилась. Винсент Крамп, начальник, старший программист... — К черту Винсента! Пойдем гулять!

— В «Поднебесную»! — воскликнули близняшки.

— В «Поднебесную»! — согласился Энтони, вскочив со стула.

Его рука легла на талию Джины, та даже не думала сопротивляться. Скалли и Тамара посмотрели на них снисходительно, как на маленьких детей, а Гарри и Ванда многозначительно перемигивались. Какая прелестная ловушка, подумал Энтони. Нельзя наполнить душу бабами... Может и нельзя, ну и черт с ним! Завтра на работу, вот там можно вволю почувствовать себя дерьмом. А сейчас, видит Бог, если он есть — я утону в этом прекрасном тумане сиюминутной жизни.

С этим девизом в голове он принял от Скалли бутылку и сделал хороший глоток вязкой, приторно-горькой жижи. «Дон Хуан» не заставил себя долго ждать.

Оглушительный ритм врывается в уши, «Поднебесная» раскрывает свои жаркие объятия. Светомузыка атакует глаза лазерной канонадой, искусственный дым плывет в полумраке, словно туман над болотом, где собрались на шабаш ряженые в маски и шкуры колдуны и ведьмы.

Восточные тона повсюду. Голографические иероглифы плывут над неистойой пляшущей толпой, охранники, затянутые в кимоно, и пляшущие на пьедесталах нео-гейши, обозначенные сияющими драконами на телах и люминесцентным бельем.

Скалли убегает в сумрак, в отделенную полупрозрачными окнами VIP-ложу, обещая вскоре вернуться. А пока бармен, здоровенный негр с татуированным африканским веде лицом, разливает гостям в микроскопические стопочки прозрачную жидкость без запаха, рассыпая мелкую пыль транквилизаторов. «За счет заведения» — произносит он, подмигнув близняшкам. Те в ответ посылают ему воздушный поцелуй, и бармен спешно уходит навстречу другим клиентам.

Энтони заливается соловьем перед Джинной, вываливая на нее тонны философской маразматика, путая имена, даты и прочие малозначимые вещи, но девушка слушает его с блеском в глазах, покусывая губы и водит накрашенным ногтем по краям стопки. Тамара молча потягивала дурманящее питье, ища взглядом Скалли и вздыхая после каждого глотка. Гарри и Ванда не дожидаясь остальных пригубили свои напитки и отправились в бушующее море толпы, обливаться потом на забитом под завязку танцполе.

Спустя полтора десятка цитат и несколько взаимных комментариев, Энтони и его новообретенная подруга выпивают на брудершафт. Раствор мгновенно всасывается в кровь, туманя сознание парня, и он целует Джину в губы. Она срывается с места, хватая его за руку и уводит его танцевать.

Жесткие волны сотрясают мироздание, в висках стучит в такт музыке, длинные пальцы скользят по плечам и бедрам Энтони, и он не остается в долгу. Он никогда не умел танцевать, но в мерцающем сумраке всякая добровольная эпилепсия выглядит

завораживающим танцем. Джина приближается к нему и отдаляется, ненадолго, чтобы снова сойтись. Парень чувствует аромат ее духов, густой, дурманящий, он почувствовал даже сквозь непроницаемую пелену пара и запах десятков разгоряченных человеческих тел.

Пролетают лица, время тонет в бесконечном бите, ди-джей не собирается давать гостям передышки. Гарри и Ванда мелькают тут и там, Энтони, пьяный от общей композиции удовольствий, улыбается им, как идиот, и они отвечают ему тем же. Джина все плотнее прижимается к нему, он ощущает на своем лице ее дыхание. Все ближе, с каждым ударом музыки в мозг, он тянется к ее лицу, вдыхая аромат ее волос. Их глаза на мгновение встречаются.

Электронная искра скользит по радужке, и девушка оборачивается на лестницу в VIP-ложу, увитую декоративными фонтанами-драконами. Она улыбается Энтони и уводит его за собой. Скалли отчаянно размахивал руками, пытаясь выманить Гарри и Ванду с танцпола. Наверняка уинструмент Гарри сейчас разрывается, подумал Энтони, проскочив за прозрачную дверь. На секунду ему почудилось, что он оглох. Глухая тишина наполняла залитую мягким красным светом ложу, лишь пол дребезжал под ногами.

— Ну и долбежка! — усмехнулся Скалли. — Хосико совсем с катушек слетел, надо его уволить!

— Да брось, прекрасная музыка, — сказала Тамара, упав на блестящий кожаный диван, — не все же ловить трипы от твоих треков.

— Нет, твои треки лучше, Скалли, — сказала Джина.

— Спасибо, дорогая.

— Ну что, ребята, накрывайте стол! — раздалось в дверях.

Запыхавшийся Гарри ввалился внутрь, придерживаемый Вандой. Словно прочитав его мысли, вслед за ними вошел андроид-официантка, неся в руках широкий поднос. Подождав, пока все займут свое место, композитная азиатка разложила на прозрачном столике тарелки с суси, роллами, белый глиняный кувшин и комплект квадратных масу.

— Черт, а разве они не напутали японскую кухню и китайский антураж? — спросил Энтони.

— Интернационализация, чувак, привыкнешь, — усмехнулся Гарри и, не дожидаясь никого, схватился за палочки и бросил в рот кусочек сырой рыбы. — Интернационализация, синкретизация и прочее межрасовое дерьмо всегда в моде.

— Гарри, фу! — Ванда ударила его по плечу.

— Прости-прости, больше не буду. Что ж, ребята, пока мы еще способны стоять на ногах, предлагаю разделить бутылку этого замечательного... нечто и восславить сегодняшний день за классный оттяг.

— Поддерживаю, — сказал Скалли, разливая пахнувший толи сыром, толи грибами напиток. — Энтони, ты как, еще жив?

— Живее всех живых! — Джина лежала у него на плече, непрерывно улыбаясь и поглаживая его по руке. Прихватив на тот же манер Скалли, Тамара оскалилась ей в ответ, на что девушка просто показала ей язык.

— Гарри, чего же ты наврал, что он слаб на стимуляторы? Больше никогда не поверю тебе на слово.

— Эй, не надо гнать на меня, наш Энтони полон сюрпризов! Дамы и господа, — Гарри едва не расплескал содержимое своей стопки, — я не мастер произносить тосты, так что просто выпьем за удачную встречу! Пусть веселье длится столько, чтобы не жалко было

сдохнуть!

— За веселье!

Как оказалось, это было sake. Весьма специфическое пойло, но в сочетании с суси и приятной компанией бутылка ушла за считанные минуты. Потом пошла вторая, и всех уже начало клонить на прилечь больше, чем на танцевать. Парни кормили девушек «с рук» и подливали рюмку за рюмкой, а те в свою очередь без перерыва болтали и смеялись, заводя тон беседы. И как-то незаметно на стол выплыла знакомая бутылка без этикетки с блестящим содержимым.

Глоток за глотком, тост за тостом, Энтони и не заметил, как его реальность вновь начала плыть. Он чувствовал звук на вкус, цвета обострились настолько, что резали глаз, и алый полумрак превратился в залитую пламенем неоновую печь. Он тонул в окружающей его сказке, тело трясло от невыносимого жара, хотелось сбросить с себя одежду и бежать вперед, к чему-то сияющему впереди. Сияют глаза из-под белой челки, он устремляется к ним, гладкая влажная плоть скользит в его руках. Поцелуи переходят в движение, сливаясь в прыгучем и нестабильном потоке времени. Энтони пробует на вкус упругую грудь, не желает прекращать это сладостное томление. Язык цепляется за стальное колечко, и прекрасное создание, примостившееся у него на ногах, жарко вздохнула.

Диван рядом с ним, словно намазанный маслом, блестит в волнах света и качается. Затянутый в черное Скалли прижимает к себе расхлестанную Тамару. Она держит Джину за руку, тяжело дыша в такт скачке. Энтони кажется, что он смотрит в кривое зеркало. Близняшки синхронны и одинаковы, а ди-джей словно кривое отражение его самого. Ему становится страшно.

Джина хватается его за голову и впивается в него так, что становится больно. Она кусает его, царапает шею и грудь коготками, ускоряя темп сексуальных качелей. Голова Энтони похожа на вулкан, готовый взорваться в любой момент и оросить окружающее пространство жгучей мыслью, фонтаном безымянных чувств и горячих образов. Давление нарастает, он уже не помнит себя от переполняющего плоть и разум сумасшествия.

Еще немного, еще чуть-чуть! Наступает взрыв! Он рычит, не замечая ничего вокруг: сладостная нега разливается по телу, словно сироп. Странная тьма охватывает его со всех сторон, глаза медленно закрываются в наступившем блаженстве. Джина прижалась к нему, обдавая жаром его ухо. Скалли и Тамара делают все то же самое, и Энтони вновь становится смешно и жутко.

Он смеется, как сумасшедший, и Скалли подхватывает этот безумный, бессловесный мотив счастья. Девушки вторят им, даже не понимая, что происходит, а может, и понимая. Кто может прочесть мысли женщины, да еще в таком состоянии?

Ледяное копьё пронзает Энтони насквозь. Очень простая, но жуткая мысль убила в нем все наслаждение — где Гарри? Куда он ушел? Что с ним случилось? Тошнота подкатила к горлу с такой силой, что он не церемонясь сбросил свою наездницу на диван, и не поднимая штанов побежал в уборную.

Едва сдерживая накатывающий ком, он распахнул одну из дверей. Уборная уже была занята. Парень поднял глаза на засевшую там парочку.

И ком вырвался наружу.

Не помня себя от страха, Энтони побежал из клуба прочь. Внутренний голос уже не критиковал и не давил на него. Он кричал и смеялся, заходясь так жестоко и страшно, что Энтони не решался лишний раз вдохнуть столь необходимого воздуха. Бафомет, чертов

Бафомет! Он вертелся у него перед глазами, обгоняя и не уходя прочь из головы. Бафомет ласкал Гарри, и его друг, лучший друг, стонал и кривился от удовольствия, как дешевая шлюха. А демон налегал на него сзади силиконовым бюстом, затянутым в радужно-кислотный топ.

«Кадык, нельзя было смотреть на кадык!» — кричал Энтони про себя, раскидывая прохожих. Он бежал из «Поднебесной», сам не зная куда. Полицейские дроны щелкали объективами, пытаясь заснять явно невменяемого нарушителя. «Монстры, вы все монстры! Чудовища в человеческой шкуре! Не видать вам счастья, упыри! Никто вам не поможет, природу нельзя обмануть. Гарри, ублюдок, как же ты не поймешь, что Марс не способен ничего изменить? Как ты можешь любить это фальшивое нечто?! Все фальшивы! Тоните в своей чертовой сытости!».

Добежав до автостоянки, Энтони не удержался и рухнул на чью-то машину.

Нет, не рухнул.

Шум взлетающего авто явно давал знать, что его сбили. Он думал об этом, пока летел в открывшуюся дверь ангара, ведущую наружу, в бесконечную пустоту меж небоскребов. Как все удачно складывается. Боли он не чувствовал, лишь смотрел, как пролетает над ним бескрылая вереница транспорта. Сбивший его ублюдок уже вовсю улепетывал куда-то вдаль, скрывшись за поворотом. Лишь ночное небо над головой да тихий свист ветра в ушах развлекают его в последние минуты жизни на земле. Он упадет на нижние уровни, да так, что раскидает на весь квартал, если повезет.

(Так и заканчивается история нашего незадачливого героя. Светлая ему память.

Всем спасибо за внимание!)

Часть 2. Пробуждение. Глава 5

(Да, стоит признать, если история еще не окончилась, наш главный герой не может просто так уйти со сцены. Хотя, наверняка он уже и сам согласился на такой исход, когда его голова с треском обрушилась на что-то твердое.

Тем не менее, вот он. Лежит в своей квартире на смятой постели, весь покрытый царапинами и мелкой сеткой шрамов по всему телу. Это первое, что он заметил, открыв глаза и вынув нос из-под собственной руки. Болело и ныло все, от ушей до кончиков пальцев, и, простите, заднего прохода).

— Униинструмент, синхронизация, — бессознательно вымолвил он. Реакции не последовало.

Приподняв ноющую шею, Энтони огляделся вокруг. Сумеречный свет едва пробивался из-за плотных ставней. Все было на своих местах. Бардак отсутствовал, никаких следов попойки или другого кутежа не наблюдалось. Униинструмент лежал рядом, выключенный, целый, блестящий, словно только что из магазина. Что же с ним такого произошло? Сознание было ясным, но парень не верил в те картины, что всплывали перед его мысленным взором. Самое логичное объяснение — «Дон Хуан» слишком крепко ударил ему в голову и Энтони поймал бэдтрип. И на почве данного расстройства попытался убежать из клуба, но свалился в какой-нибудь декоративный кустарник. Вроде бы на входе в «Поднебесную» были целые заросли. А может, и нет, ничего не шло в голову.

Пальцы сами собой потянулись к инструменту. Энтони посмотрел в блестящий пластик излучающей панели и ахнул. Искривленная голова блестела, как шар для боулинга. Он принялся ощупывать собственный череп, не веря самому себе. Даже щетины не осталось. То же самое ждало его и на подбородке. На всякий случай он заглянул под одеяло. Действительно, гладкий и чистый, как ребенок.

Что за хрень?!

Поспешно включив инструмент, Энтони вошел в сеть. И вновь не поверил своим глазам. Его личная почта была завалена сообщениями от Гарри, Винсента и Анны. Никто не знал, куда он исчез и где пропал... две недели. Ровно. Парень просмотрел записи камеры наблюдения на входе. Целая серия роликов, как Гарри пытается достучаться до него, и в конце концов, не без помощи сердобольных соседей, вызывает полицию. Они вскрывают дверь в два счета и входят внутрь, и через какое-то время Гарри оправдывается и пытается что-то им втолковать. В результате дверь закрывается за спинами людей в экзокостюмах и старый друг уходит, повесив голову и прихлебывая из какой-то бутылки.

— Черт! — прошипел Энтони, уткнувшись лицом в подушку.

Это было слишком даже для него. Конечно, Гарри что-нибудь наплел Винсенту, что Энтони заболел или что-нибудь в этом духе, но полиция... Пропавших начинают искать спустя три дня. Неужели в муравейнике, вдоль и поперек напичканном камерами наблюдения и полицейскими дронами, не нашлось ни одного объектива, который бы смог его засечь? Чуть собачья!

Плюнув на все эти размышления, парень встал с постели и пошел на кухню. Ему очень хотелось влить в себя чашку-другую кофе. Есть не хотелось совершенно, но за стакан крепкого ароматного кофеина он был готов убить кого угодно.

Добравшись до генератора доставки и нажав заветные кнопки, Энтони рухнул на пол,

скрученный страшной судорогой. Все мышцы в его теле разом напряглись, до боли, до крика, но дыхание свело до отказа. Так бы он и помер, если бы рука невидимого экзекутора не сжалилась над ним и не оставила на этом свете.

Генератор пискнул. Парень закашлялся, привел дыхание в норму. Поднялся и дрожащими руками достал два больших, чадящих крепким ароматом кофе пластиковых стакана. Влив в себя горячую жижу, словно воду, Энтони прислушался к себе. Он чувствовал себя на удивление прекрасно, хотя разбрызгивающие остатки кофе пальцы говорили об обратном. Тело казалось каким-то невесомым, легким, словно перышко, хоть сейчас открой окно и улетай навстречу солнцу.

В спальне завершал униинструмент. Обезумев от нахлынувшей беспричинно радости, Энтони побежал на зов прибора, ушибив палец о дверной косяк и упав на смятую кровать. На голопанели светило мягким светом старое доброе имя — Анна. Сейчас Энтони был готов расцеловать ее до самых ног, не так уж много он успел увидеть на том фото. Щелкнул интерфейс, появилась знакомая диаграмма аудиосвязи.

— Энтони, господи! — испуганно выпалила она. — Куда ты пропал? С тобой все хорошо?

— Анна, дорогая, как я рад тебя слышать! — Парень расхохотался, как он считал, радостно. Наверняка его собеседнице послышался зов «мягких палат» на другом конце Сети. — Я в порядке. Ну, можно так сказать...

— Где ты был все это время? Мне позвонил твой друг, Гарри, сказал, что ты исчез без следа. Даже полицию вызывал, думал, что я тебя похитила!

— Все в порядке, не волнуйся ты так, — промурчал Энтони, вытянувшись на кровати. Скомканное одеяло неприятно упиралось в бок, но ему было все равно. — Я жив и... даже здоров. Ты просто не представляешь, как я рад тебя слышать...

Анна облегченно вздохнула.

— Что с тобой произошло, Энтони? Это как-то связано с твоим писательством?

— К сожалению, нет, — сказал Энтони. — Не написал ни строчки. Больше похоже на затянувшуюся вечеринку. И, кажется, я скоро стану безработным.

— Что?!

— Шутка, Анна, просто шутка, не беспокойся. Я ни черта не помню и еще меньше понимаю, что вообще произошло. Но почему-то я счастлив. Наверно, я сошел с ума.

— Действительно, сошел! Ты уверен, что все в порядке? Может, вызвать тебе скорую помощь?

— Дорогая, я две недели пропадал неизвестно где и вернулся домой. Как ты думаешь, сколько часов назад мне могла понадобиться помощь? И как ты ее вызовешь с такого расстояния? Лучше расскажи мне что-нибудь интересное.

— Например?

— Не знаю. Что-нибудь веселое, может даже развлекательное. Как твои дела?

Собеседница ненадолго замолчала.

— Да ничего особенного. Работы прибавилось в последнее время. Учеба тоже успевает утомить так, что хоть вой на луну.

Энтони слышал лишь ее голос, не осознавая смысла сказанного. В его голове мелькали какие-то бессмысленные цифры, образы, чей-то смех, крики, тяжелое дыхание. Он словно летел от одной камеры в Сети к другой, становясь невольным наблюдателем всей тайной жизни сотен людей. Его это смешило.

Вот какая-то парочка из Китая снимает домашнее видео, какой-то невнятного вида очкарик ведет технический блог на немецком про создание личной страницы, телеканал «Rust» транслирует прямо в голову клипы древних, как мир, рок- и металл-групп.

И спустя бесчисленное множество роликов, онлайн-видео и миллиарды аудиотек он видит девушку с пирсингом в носу. Знакомые плакаты на стенах, неубранная комната, розовые волосы, спадающие с хрупких девичьих плеч. Анна Бергман, гласит ник собеседника в левом углу... сознания. Черная футболка в обтяжку едва скрывает кольца в проколотых сосках. «Какая же она милая, — усмехается Энтони. — Фигурка, пухлые губки, слегка вздернутый носик, зеленые глаза. И эта голубая прядка...».

— Знаешь, у тебя очень забавная прическа, — сказал парень, оборвав Анну на полуслове. — Как называется эффект, когда одна прядь волос красится в другой цвет? Мелирование?

Собеседница замолчала. Ее лицо свело судорогой непонимания, застучали длинные пальцы по световой клавиатуре. Глаза бегали по монитору, проверяя настройки конфиденциальности. Видеосигнал скрыт. Ее компьютер был честен со своей хозяйкой, что не мешало Энтони видеть все содержимое ее жесткого диска.

Анна в полный рост. Куча фотографий. Не меньше видео. В разных позах и «игровых» ситуациях. Реклама сайта для взрослых. «Анна Вершпилт». Вот где он ее видел! Сюрприз из сюрпризов! Ни разу не встретив ее вживую, Энтони заочно подарил ей не один литр своих жизненных соков. Он любил таких девушек.

Истерика пробрала его до слез. Он смеялся, не силах остановиться. В бреде видений он смотрел, как глаза Анны наполняются страхом, а руки сами собой тянутся отключить соединение. Ей не по себе. За долгий срок близкого, почти родственного, общения, она и подумать не могла, что Энтони может так страшно хохотать.

— Анна Вершпилт!!! — едва не кричал парень, закрыв лицо руками. Градус бреда был слишком велик, чтобы открыть глаза и поверить в его реальность (Доигрался, брат. Не миновать тебе мягких палат, это уж точно...). — Господи, кто придумывает вам псевдонимы?! Господи! Господи!!!

— Ты... узнал? — почти шепотом сказала Анна.

— Господи, Анна!!! — вскричал Энтони. — Тебе девятнадцать лет!!!

— Я думала, ты догадался...

— Догадался! Догадался! Не каждый день лично общаешься с настоящей актрисой!

— Энтони...

Парень глубоко вдохнул и медленно, насколько это возможно, выпустил воздух наружу. Сердце бешено колотилось в груди, в висках стучало, а образ Анны перед глазами постепенно затухал, словно забарахлило соединение. Он отнял руки от лица и спокойно произнес:

— Анна, дорогая, я прошу тебя. Давай поговорим в следующий раз. Кажется, сегодня мне лучше вообще ни с кем не общаться. Прости меня, если я тебя обидел. Пожалуйста.

— Хорошо, — вздохнула виртуальная подруга. — Удачного дня тебе, Энтони. Береги себя.

— Бай.

Он остался один в пустой квартире, затянутой сумраком. Нужно было успокоиться, привести себя в порядок и сделать хоть что-то человеческое. Умыться, сходить в кафе, может даже зайти на рабочее место, объяснить... В чем? В том, что Энтони не мог

объяснить самому себе. Да и каково это, явиться к начальнику абсолютно лысым, в шрамах, в явно неадекватном состоянии?

Так что единственной трезвой мыслью в его голове укоренилось желание пойти в душ. Захватив с собой идеально отглаженное белье из встроенного шкафа (*Бытовой дрон почти целиком заменяет женщину.*), Энтони направился в ванную и обрушил на себя максимальный напор ледяных струй. Холод словно проходил сквозь его тело, оседая на коже нейтральными каплями воды. Долгожданный отрезвляющий удар не приходил, сколько бы парень ни ждал его. Благо, оставалась старая добрая очистительная боль.

Он бился головой о прозрачную стену душевой кабины, то ли желая пробить ее, то ли стремясь наконец что-нибудь почувствовать. Ожидание становилось невыносимым, кулаки чесались невыносимо, и разразившись сдавленным рыком, Энтони что есть силы ударил композитную стенку.

Алые капли упали на дно кабинки, смешавшись с водоворотом белой крошки. Маленькие осколки засели в костяшках пальцев, запястье расчертили кровоточащие полосы. Но опять же никакой боли он не испытывал. Лишь неизвестные ему цифры вновь поплыли перед глазами сплошной виртуальной стеной. Проценты, состояние системы, запуск программы восстановления.

Тяжелый пульс застучал в поврежденных сосудах. Непонятное сияние пронзало руку Энтони насквозь, выталкивая из дрожащей плоти куски разбитой стенки. Багровый омут в ногах парня уносился в канализацию, унося с собой остатки того, что люди понимают под словом «здравомыслие».

Чудеса... Нет, не чудеса. Он видел такие истории в Сети. Высокие технологии, Марс военные, масонский заговор, супергерои, инопланетяне — куча вариантов, выбирай на вкус! Мысли никак не желали выстраиваться в складную цепь. Он что теперь, бессмертен? Дурная фантастика позапрошлого века! А может, это все кома? Каким-то чертом Энтони умудрился выжить, и теперь лежит в какой-нибудь фирменной клинике овощем, пока эскулапы родной и любимой «Рейнбах» собирают его по кусочкам. Да, точно — это просто бред! Искаженные ощущения, нереальные видения, кошмары — все признаки на лицо! Таково научное обоснование — фундамент для спокойного отношения к жизни.

Утешив себя подобной мыслью, Энтони улыбнулся затухающему сиянию в повторно шрамированной руке и отключил бесполезный санитарный агрегат. В иллюзии разума не о чем беспокоиться. С этой мыслью парень смело зашагал на улицу, сам не зная куда.

Разумеется, предварительно одевшись и причесавшись... чисто машинально. Все же кома не повод забывать о воспитании.

В огромных переходах муравейника его ждало радостное утро понедельника. Хмурые люди всех национальностей и культур тащились кто куда, в основном, разумеется, на ланч. Хотя вот группка мусульман на ковриках устроила собственный святой уголок в декоративной роще.

Люди смотрели на Энтони сквозь очки дополненной реальности и прочие аксессуары, кто сочувственно, кто со страхом, а какая-то тощая, как спичка, дама с даже украдкой сфотографировала его. Лишь сонно-приветливые парни и девушки в азиатских одеждах, неспешной массой выплывающие из неприметного здания с голограммой Инь и Ян на входе, вяло улыбаются, следуя по своим делам, словно тени, вливаясь в общий ритм. Даосисты, неосязаемые призраки атомарного движения общества.

(А ведь когда-то давно весь цивилизованный мир боялся евреев.)

Вот уж безобидные ребята!

Ну не видно их, ну сидят поближе к финансовому водопюю, ну не подпускают к себе всякого рода гоев — не так они страшны. Бойтесь этих самых невзрачных псевдоазиатов. Они действуют согласно своей природе.

И не делают лишнего.

Стало быть, и жалеть они вас не станут).

Примерно такие мысли роились в голове Энтони, пока он плыл в хлещущих со всех сторон информационных потоках. Статусы, новости, фото и видео рассекали собой воздух. Ему все казалось, что чей-то очередной пост ударит ему прямо в лоб, но тот мгновенно таял, уносясь тучкой разбитых пикселей куда-то в пустоту. Стоит лишь заметить, что коммуникатор парень оставил дома.

Как было сказано выше, он уже не удивлялся своему нынешнему состоянию. Если перед ним сейчас проскочит единорог, Энтони ни капли этому не удивится. Но то ли единороги были не в моде, то ли воображение парня не блистало разнообразием, короче, все неудобства и абсурдность ситуации ограничивались дополненной реальностью и легким покалыванием в руке.

«Что ж, бери от бреда лучшее!» — сказал сам себе Энтони и пошел куда глаза глядят, попутно читая статью про еще одно гениальное достижение человечества — синхронизацию сознания с виртуальной реальностью.

Предположительно, человек, находящийся в коме или ином состоянии сознания, близком ко сну, может быть подключен напрямую к Сети и принимать вполне осознанные решения, такие как ведение домашних дел, бизнеса и прочих вещей, требующих творческого подхода без физического вмешательства.

Марс — планета чудес!

Что ж, это даже лучше. Энтони очень даже жив, и все виртуальное общение и просмотр телевидения онлайн — вполне реально, а остальное — компиляция образов и воспоминаний в ушибленном мозге спящего человека.

Какой-то креол наткнулся на него, едва не сбив с ног. Одно мгновение острые карие глаза смотрели на Энтони, смуглая рука полезла за отворот бежевой куртки. Парень напрягся, кулаки сжались сами собой, готовые от души наподдать невнимательному прохожему.

Но не пришлось. Низкорослый мужчина держал в руках визитку, отпечатанную на композитной пластинке, и хитро кривил густые усы. Энтони машинально взял черно-красный прямоугольник, креол улыбнулся и растворился в толпе. Что такого в этой карточке? Ни имени, ни электронного адреса. Только красный QR-код на черном поле.

Пальцы скользили по гладкому краю визитки, а код уже считан и перед Энтони всплывает жуткий портрет в полный рост. Скелет, затянутый в красный балахон, держащий в правой руке золотую косу. В левой костлявой ладони нашел свое место черный крест с перевернутой пентаграммой в центре и цифрой XIII.

«SLM», гласит надпись над коронованным черепом. Маленькая звездочка под непонятной аббревиатурой, ссылка. Кроссрод авеню 4, квартира 5. Папа Брухери. Принести табак и ром.

«Все чудесатее и чудесатее» — подумал Энтони, сжав визитку в ладони. Через мгновение что-то горячее капнуло на пол, источая едкий аромат паленого пластика. Парень посмотрел на расплывающиеся черные пятна под ногами и на вязкие нити, тянувшиеся с его

пальцев. «Ну это уж точно ни в какие ворота не лезет! словно шпионский детектив, ей-богу!».

Смахнув с руки растаявший композит, парень доверился интуиции (или системе навигации, он уже точно не знал) и зашел в ближайшую эксклюзивную лавку элитного пошла. Погулял вдоль цветастых полок, уставленных высокоградусной продукцией и национальными индейско-латинскими сувенирами, и купил бутылку нефильтрованной янтарной жидкости с непроизносимым названием на этикетке и деревянную коробку, пахнущую терпким табаком. Улыбчивый андроид-продавец, девушка с нейтральными чертами лица, без лишних слов взяла его за палец и прислонила к считывающему устройству.

— Спасибо, что воспользовались нейроинтерфейсом компании «Рейнбах». Мы делаем все, чтобы ваши желания стали реальностью! — мягким радостным голосом произносит кукла.

Нейроинтерфейс... Глупые мысли и догадки вновь завели свой хоровод, но как только Энтони увидел состояние своего электронного счета, его сердце быстро пришло в норму. Три миллиона девятьсот девяносто девять тысяч восемьсот шестьдесят два кредита.

Бред.

Сказка все еще продолжается. Жди, Папа Брухери! Великий чародей, джинн и кибермаг современности скоро навестит твой дом!

(И тут уж берегись и спасайся, кто может. Чем не дело для уставшего от жизни коматозника?)

Нижние уровни. Солнечный свет едва заглядывает сюда, слишком много переходов и магистралей нависает над ними, и потому здесь сумеречно и душно, как в тропиках. Системы кондиционирования работают на полную, но слишком много коренных жителей Земли скопилось на дне котла-мегаполиса.

Белых людей здесь встречалось гораздо меньше, и Энтони стало немного не по себе. Не потому, что здесь опаснее, чем наверху — преступность в городах-муравейниках на Земле почти равна нулю. Но, признайте, все же есть некий дискомфорт в нахождении в обществе с иной национальной прослойкой. И это даже не расизм...

Однако народ нижних уровней был настроен к нему явно дружелюбней, чем его «земляки». Мода здесь была несколько грубее: шрамированные, татуированные, затянутые во всевозможные одежды люди смотрели куда-то перед собой или друг на друга, и им было плевать на окружавшее их столпотворение.

Энтони стало тошно в подвижной духоте, и на полпути к Папе Брухери он свернул в ближайший закоулок, достал из кармана пачку сигарет. Тут он вспомнил, что униинструмент остался дома, а от зажигалок он отвык давным-давно. К счастью, из двери напротив вышли два повара-азиата. Оказывается, на нижних уровнях еще были в моде рестораны домашней кухни.

Они жадно закурили, быстро затараторив что-то на своем малопонятном языке. Энтони молча поднял сигарету к губам, пытаясь придумать, как лучше к ним обратиться, но те уже заметили его, что-то сказали, рассмеялись, и тот, что был повыше, подошел и подал ему зажигалку.

Парень пощелкал узорной кнопкой зажигалки, выпустив цветок плазмы. Табачный дым ворвался в его легкие, но тут же смягчился, став едва ощутимым. Даже вкус прежде любимых сигарет стал каким-то призрачным. Не наступало уже привычное легкое одурение, головокружение и тошнота.

Он стоял и смолил, слушая хохот желтокожих поваров, изредка прикуривая новую сигарету от окурка старой. Пять ядовитых палочек счастья ушли, словно в никуда. В пластиковом пакете тихо постукивала поклажа, в голове играла какая-то местная музыкальная станция.

«Надо было поступить иначе», — подумал Энтони, — «Надо было прийти в себя, явиться к Винсенту и все подробно разъяснить. Вдруг я в тот вечер просто принял лишнего и на дурную голову установил себе нейроинтерфейс? Говорят, от дополненной реальности с непривычки крыша едет. А я с какого-то черта пошел сюда... с табаком и ромом. Пусть лучше это будет коматозный сон. Как очнусь, хоть не буду чувствовать себя идиотом. Что же за хрень тогда произошла? Ну, судя по шрамам, скорее всего меня действительно сбили. А вот что потом...

В каком пограничном состоянии сознания нужно быть, чтобы не знать, как кто-то собирается вишить в твою нервную систему нанонити? Неспроста вся эта кутерьма завязалась, явно неспроста. Но, что поделать, я никогда не умел строить планы, и уж тем более их менять. Папа Брухери ждет меня, кем бы он ни был. Надеюсь, у него есть кофе. Есть не хочется совсем, пить тоже, но именно кофе... черт».

Мимо него проплыла очаровательного вида сеньорита. Белое платье с богатым красным узором развевается среди урбанистических пейзажей маяком национального очарования, столь резко бросающегося в глаза, что невозможно было не одарить красавицу улыбчивым взглядом. Темные кудри спадали на затянутую в белое грудь. Нос слегка длинноват, подумалось Энтони, но ничего. Для него в девушках почему-то были важнее глаза. В глазах он видел красоту женщин. Конечно, не будь во взгляде красавиц такого же огня, что у той неизвестной сеньориты, у них был бы шанс понравиться нашему разборчивому герою. Но все же...

За ней семенила троица подруг, смеющихся во все горло. Их руки были заняты увесистыми сумками, но как бодро они пританцовывали на ходу — в пору было заплодировать! И тут последняя, та, что несла на голове что-то похожее на тюрбан, пристально посмотрела на Энтони и что-то крикнула своим товаркам. Те тут же посмотрели на него.

Парню резко стало не по себе. Он застыл с выкуренной наполовину сигаретой в руке, переводя взгляд с одной девушки на другую. Они хитро улыбались, о чем-то шушукаясь, и наконец, та самая сеньорита, что Энтони заметил первой, подошла к нему.

Не сказав ни слова, она окинула его кошачьим взглядом и мягко отняла у него сигарету. Сделала глубокую затяжку и выпустила в лицо Энтони несколько колечек дыма.

— Папа Брухери? — рычащим, с хрипотцой голосом прошептала она. Энтони кивнул.

Прикончив окурок, девушка небрежно бросила его вниз, метко прищипив красным каблучком, взяла парня за руку и повела за собой. Темнокожие красотки обступили его со всех сторон, хохоча и похлопывая его по рукам, плечам, а самая развязная (Энтони так и не понял, кто) — чуть ниже талии. Они смеялись, кружились в серой толпе, напевая и о чем-то допытываясь у нашего героя.

Он понятия не имел, что происходит. Хорошо, конечно, что его приведут к Папе

Брухери, но Энтони все больше подозревал, что где-то за углом скрывается агрессивно настроенные парни спортивного телосложения, поджидаящие «иноземца» с неопределенной целью. Грабить кого-либо сейчас бессмысленно, но мало ли как развлекается молодежь иных социальных слоев. Даже патрульные дроны как-то нехотя посматривают поверх толпы, жужжа крошечными двигателями, а полицейские спокойно курят или жуют местную еду, подняв непроницаемые забрала и подставив небритые лица электрическому свету голографических вывесок и фонарей. Декоративные львы, честное слово. Даже двигатели машин не включены, спешить им, судя по всему, некуда.

А красавицы уводили Энтони все дальше и дальше, где коридоры становились теснее, толпа гуще, а солнечный свет слабее. Но все обступали их за несколько метров, кивая, кланяясь и снимая шляпы. Мужчины и женщины, даже дети радостно приветствовали плясуний. Азиаты куда-то пропали.

Ловушка захлопнулась. За очередным поворотом открылось Кроссроуд авеню.

Глава 6

Крепкое облако табачного дыма ударило в нос, стоило неприметной дверце отъехать в сторону. Крики радости и звуки барабанов накатились на Энтони, затягивая его внутрь незнакомого ему праздника в гуцу пышущих жаром плясунов.

Квартира, где происходило сие странное действие, оказалась на удивление просторной. Все окна были закрыты, не горело ни одной лампочки, лишь множество свечей. Огромные толстые свечи источали свой свет со всех столов, шкафов и подоконников.

Витали в спертom воздухе цветастые юбки и покрашенные пальцы, мужчины с серьезным выражением лица разместились по углам, задумчиво раскуривая толстые сигары. Безумные и пустые глаза скользили по Энтони, не задерживаясь и не смущая. Праздник завораживал собравшихся, зачем им мешать кому-то получать удовольствие.

Сеньорита вела его за руку, лавируя среди приветствовавших ее соплеменников. Каждый считал своим долгом поцеловать ей руку или помахать рукой, рискуя выбить кому-нибудь глаз. Неопределенного возраста певицы со счастливыми лицами и хрипыми голосами надрывно кричали, приплясывая под бой латинских барабанов. Сами музыканты уже не могли соображать и автоматически отбивали ритм, закатив глаза или уставившись в одну точку.

Пробившись в нужном направлении, девушка восхищенно вскинула голову. Энтони сделал то же самое.

Посреди комнаты стояла огромная статуя скелета. Та самая, в плаще, с крестом и косой. И надпись у костлявых ног — «*Senor la Muerte*». У парня невольно начал дергаться глаз, на мгновение он оторопел от подобного зрелища. Пустые глазницы глядели на него из-под самого потолка, выставив ухмыляющуюся костлявую челюсть в жутком свете черных и красных свечей.

Но он быстро пришел в себя. Сеньорита вырвала из его рук пакет, пристально осмотрела его содержимое, и одобрительно кивнув положила его к подножию статуи — каплю в море сигар, бутылок, гор сладостей и неизвестных Энтони блюд и цветов. В горячке царящего вокруг безумия он даже не заметил, как спало с его глаз покрывало дополненной реальности. Никаких статусов в социальных сетях, мелькающих перед носом, никаких видео- и аудио-дорожек, скользящих поверх сознания. Окружающее его сумасшествие было абсолютно реальным и не нуждалось ни в каких виртуальных украшениях и дополнениях. Само действие едва помещалось в сознание Энтони. Он уже уверился в собственной неадекватности, и тут в нем проснулся старый инстинкт — бежать!

— Как вам наш маленький праздник? — донеслось до него сзади.

Это был тот самый мужчина, что подал Энтони визитку. Все так же скупно улыбаясь, он пристально посмотрел ему в глаза и протянул руку.

— Мигель.

— Энтони. — Рука Мигеля оказалась сухой и жесткой, совсем не похожей на руки жителя Земли. словно он занимался ручным трудом: пахал в полях, или, может быть, чинил механизмы, не прибегая к помощи дронов. Кем мог быть этот улыбчивый человек? Почему так не вовремя отключился проклятый нейроинтерфейс? — Очень... мило. Спасибо за приглашение.

— Не стоит, — усмехнулся креол и перевел взгляд на девушку, как-то незаметно успевшую взять Энтони за руку. — Спасибо, что привела нашего нового друга, Валери. Интуиция тебя не подвела.

— Спасибо, Папа, — ответила сеньорита. Все же она говорила по-английски, подумал Энтони. (Женщины-женщины, полны вы тайн и недомолвок, чертовы актрисы!).

— Будь добра, оставь нас на пару минут. Молодой человек наверняка желает узнать, что же, собственно, здесь происходит.

Красавица Валери упорхнула прочь, лишь прошелестели полы юбки. Но смуглянка не ушла просто так — задорный взгляд прочно запечатлелся в памяти Энтони, хоть самой девушки уже и след простыл.

Толпа смеялась и плясала. Табачный дым резал глаза. Пустые глазницы наблюдают из-под красного фарфорового капюшона с видом понимающим и важным, но нашему герою все кажется, будто двухметровый зловредный мертвец смеется над ним.

— В какого бога ты веришь, Энтони? — сказал Мигель.

— Я реалист, — ответил Энтони. — Мне, как любому человеку из толпы, нужны доказательства, если кто-то требует от меня веры.

— Очень правильная позиция! — Усы креола расплылись в улыбке. — Давай немного выпьем.

Энтони ощутил в руке широкий бокал, полный терпкого янтарного питья. Мигель же насмешливо прихлебывал из кружки апельсиновый сок.

— Не стесняйся, Энтони, все мы здесь братья. Выпей, выкури сигару — в моем доме сегодня праздник!

— Благодарю, лучше сигарету. — Парень недоверчиво вдохнул аромат напитка и сделал микроскопический глоток. Не похоже на яд. Достал сигарету и, попросив взглядом разрешения хозяина дома, прикурил от свечи. — И с какой же стороны мы братья, Мигель?

— С общечеловеческой, разумеется. Род людской живет под одним небом, ходит на двух ногах и думает головой, следовательно, все мы одной крови, я так считаю.

— Не могу согласиться.

— И не надо, я тебя прекрасно понимаю. В наше время кровное родство или соседская дружба мало что значат. Но люди с радостью объединяются вокруг идеи. Нечто такого, что понятно и приятно многим... — Мигель ненадолго замолчал, но столь же невозмутимо продолжил. — Знаешь, я с детства очень любил читать. Самые разные книги, начиная с Библии и заканчивая всем, чего старая церковь не приемлет.

Энтони непонимающе посмотрел на креола, вытирающего усы.

— История, биология, много чего. Особенно мне нравилась механика, спасибо моему отцу за это. Но есть еще одна наука, которой могут овладеть очень немногие. С ее помощью я помогаю тем, кто нуждается в чудесах, кто отчаялся в вере, устал от жизни. Хвала Создателю, что в моей общине сохранилась такая замечательная традиция, как служение Сеньору ла Муэрте.

— Больше смахивает на агрессивную секту, Мигель, — сказал Энтони, кинув взгляд на статую скелета. — Вы точно уверены, что стоило меня сюда приглашать?

— Определенно, Энтони, не сомневайся. — Мигель несколько не смутился. — Да, я представляю, как это выглядит со стороны, но тебе нечего бояться. Мы не стремимся вытягивать из людей деньги или переводить кого-либо в другую веру.

— А что же вы делаете? Поклоняетесь мертвым?

— Почти. Проще всего будет назвать это колдовством.

Энтони не сводил глаз с улыбающегося креола. Воющий интернациональный вертеп начал давить на него, прижимать к полу, а молчаливый скелет ухмылялся все шире и шире. Он поставил почти не тронутый бокал на пол и раздавил окурок в пепельнице. В форме черепа.

— Это высокая честь, Мигель, но мне это не нужно. Я лучше пойду.

— Зачем тебе уходить? Ты уже принес подношение нашему благодетелю, останься и дождись начала. После ты сам все поймешь.

— Нет, — сказал Энтони, но тут вновь прибежала Валери, покрасневшая и улыбающаяся.

— Папа Брухери, все готово.

— Замечательно, дорогая. Веди гостей сюда. Энтони, ты еще не передумал?

— Он не передумает, — усмехнулась девушка с такой уверенностью в голосе, что у парня похолодело в груди.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Колдовство.

По-детски невинное лицо Валери сияло от радости, но в словах ее звенела сталь. Энтони вновь и вновь проклинал нахлынувшее на него безумие. Теперь его точно не выпустят. Ни здоровым, ни, возможно, даже живым.

Девушка отвела его в сторону, сцепившись ему в руку. Гости пьяной гурьбой перемещались в комнату со статуей Сеньора ла Муэрте, набиваясь практически до отказа. Растворившись в толпе на некоторое время, Мигель, он же Папа Брухери, вынырнул в пространство между толпой и статуей, затянутый в красную атласную мантию. Запахло зверем.

Вслед за Мигелем прошел юноша в черном балахоне, ведя за собой на поводке бляющего козленка. Где они умудрились его взять, удивительно отвлеченно подумал Энтони. Это не кусок натурального бифштекса заказать, это живой зверь. Где его держать? Как ухаживать? Как вообще легально увести его с фермы?

За ним медленно, порхая над полом, следовала девушка в белом. Она несла в руках длинную трость, украшенную серебряным черепом и отполированный до блеска кинжал. Все вопросы отпали сами собой. Энтони не хотелось об этом думать, он всецело погрузился в то, что должно было произойти. В жуткую безысходность непонятого ему ритуала.

Барабанички вновь заиграли, но никто не пел и даже не думал пошевелиться. От былого веселья остался лишь табачный туман под потолком, откуда на своих слуг смотрел Повелитель Мертвых. Двое крепких парней поставили самодельный алтарь, украшенный черным полотном, возле его ног и не поднимая головы влились в замершую в ожидании толпу.

Мигель взял трость и кинжал в руки. Юноша и девушка уложили козленка на алтарь и крепко прижали его. Папа Брухери начал свой ритуал.

Раскинув руки, он произносил нараспев неизвестные слова, глядя в лицо своему скелетному богу. У Энтони мурашки пробежали по спине. Валери, державшая его за руку все это время, почувствовала это. Тихо хихикнув, она крепче прижалась к нему и положила ладонь ему на грудь.

— Не бойся, — прошептала она, — это еще не самое интересное. Смотри на Сеньора.

Senor la Muerte. Запрос в поисковую систему. Результат — сотни видео- и аудиозаписей, тысячи тысяч картинок, десятки статей и книг замелькали перед глазами Энтони. Целый оркестр барабанов заиграл у него в голове, вторя музыкантам в толпе, разные жрецы на разный лад произносят одни и те же слова. Проклятый нейроинтерфейс вновь заработал.

Слова заклинаний Мигеля переводились сами собой на сервере в тысячах километрах отсюда и транслировались парню в мозг, но на это у Энтони не хватало внимания. Он завороченно качался в такт стуку барабанов вместе с другими гостями, хоть и не был ни пьян, ни накурен. Страх перед кровью остался где-то в едва различимом уголке его сердца, превратившись в неразличимый зуд, скрывшийся под покровом усиливающегося экстаза.

В полумраке свечей таинство превращалось в жуткий спектакль, нереальный низкобюджетный фильм. Вуду, сантерия, макумба, черная магия, сатанизм, латинский культ смерти — слова давили на сознание Энтони невидимой рукой, дополняя дьявольскую мессу, как он назвал этот ритуал про себя, бесконечным числом оттенков адского пламени. Искры, рогатые головы, скелеты плясали в тяжелом тумане, смеясь цепляясь за волосы собравшимся. А Мигель все завывал и завывал, сотрясая руками, и били барабаны, доводя разгорячившуюся толпу до готовой вырваться наружу истерики.

— Загадай желание, — дрожащим голосом шепчет Валери.

Энтони перебирает варианты, они проносятся бурным потоком по магистрали сознания. Он готов поверить во что угодно. Такое простое дело, загадать желание. Деньги, слава, сила, власть, трехчасовой стояк без допинга, кофе, ром и кола, снова кофе, сигару, машину отрастить крылья стать суперменомслитьсясмиромубитьпрезидентарасколотьвселеннуюначисти...

Удар! Кровавые брызги орошают статую мертвого бога! Толпа кричит и неистовствует! Они приветствуют своего повелителя! «Приветствуем тебя! Приветствуем тебя, владыка Кровавой Косы!».

— Я здесь, дети мои!

Толпа в ужасе оборачивается назад. Алая влага еще бьется из горла жертвенного козленка, стекает с идеально острого лезвия в руках Папы Брухери. Все взгляды устремлены к Энтони.

Он не понимает, что происходит. Десятки обескураженных лиц обращены к нему, словно случилось то, чего никто не ждал. Энтони хотел удивиться, но тело его превратилось в куклу, набитую ватой.

— Вы ждете чудес, создания глины и крови? — доносится у него в голове. Перезвон сотни голосов, говорящих в унисон. — Чего вы хотите получить от смерти? Ну же, смелее! ВАШ БОГ ПРИШЕЛ!

Он слышит, как что-то тяжелое повалилось на пол, совсем рядом, разбилось стекло. Голова сама собой оборачивается на звук. Какой-то старик упал без сознания, схватившись за сердце. Сигара выпала из его губ, из осколков высокого стакана вытекала терпкая жижа, впитываясь в полосатую рубашку.

— Не смейте уходить с праздника раньше времени, сукины дети! — клокочет невидимый хор. — Я забираю только тех, чей срок на земле истек. Отойди, женщина!

Валери отлетает прочь от него. Ноги движутся сами собой. Неодолимая сила подвесила Энтони за ниточки, и не оставив ни малейшего шанса на сопротивление, потащила его к старику.

Волна человеческой плоти отхлынула от него, не понимая, что творится. Руки Энтони сами собой легли на грудь уже не трепещущего старика. Краем глаза он заметил, как сияют под кожей его кости, искрят веточки сосудов, и только его пальцы коснулись скорчившегося тела, сияние перешло на старика. Оно проникло внутрь, выжигая целительным светом холестериновые бляшки, освежая кровь. Бездыханное тело свела резкая судорога — сила, текущая из рук Энтони, добралась до сердца.

Все это время парень кричал и стонал в глубине собственного черепа, не в силах вырваться наружу. «Одержимость!» — пульсировало у него в голове. «Это все колдовство! Чертова магия!»

Сердце старика подчинилось парню. Импульс за импульсом проходят сквозь изношенную мышцу. Пламя свечей колеблется все быстрее, в полах женских юбок трещит статические ток. Руки и ноги трупа скачут, словно марионетке оборвали ниточки. Последний удар пробивает его насквозь, и старик успокаивается.

Тишина заполняет комнату.

Седая шевелюра на груди почившего начинает наливать чернотой, кожа подтягивается. Сияние разливается по всему телу мертвеца. Он медленно молодеет, щеки наливаются здоровым румянцем, дыхание, сперва едва заметное, становится все глубже и глубже. И вот, спустя невидимую вечность, перед глазами Энтони и десятков гостей на полу обнаруживается уже не дряхлый старик, скончавшийся от сердечного приступа. Крепкий, подтянутый креол в самом расцвете сил распахнул удивленные карие глаза. Он смотрит на своих родных и друзей, те смотрят на него, и никто из них не может поверить в происходящее. Даже Энтони перестал кричать и биться в клетке на задворках собственного сознания и теперь безмолвно наблюдал за чудесами, что творило его обезумевшее тело.

Новоиспеченный Лазарь с легким скрипом поднялся на ноги, оглядел себя со всех сторон. Он был потен, все тело покрывали густые черные заросли. Отросшие за считанные минуты сальные патлы спадали ему на плечи. Какая-то немолодого вида женщина вышла из толпы и дрожащими руками принялась ощупывать его, из глаз ее текли слезы. Но воскресший не рыдал. Он обхватил старушку крепкими руками и принялся осыпать ее поцелуями, едва слышно шепча ей что-то на ухо.

Толпа тут же оттаяла, и взрыв радости разнесся по квартире. Кто-то даже упал к сияющим ногам своего воплощенного бога. Сеньор ля Муэрте проследовал к упавшим в лужу жертвенной крови жрецам, сорвал с себя одежду, окунул пальцы в багровое озерцо и не глядя разукрасил себя алым, пахнувшим металлом и смертью узором.

Теперь повелитель мертвых смотрел на толпу счастливых поклонников двумя лицами — фарфоровым черепом под потолком и кровавым скелетом на теле нашего героя. Ох, и успеет он еще натерпеться чудес и несуразностей на своем веку! Поверьте, наш глубокоуважаемый Энтони еще найдет, чем нас позабавить.

— Ну, кто-нибудь нальет богу за старания? — усмехается одержимый. В его руку тут же попадает тяжелая бутылка, и он опустошил ее, не ощущая ни вкуса, ни опьянения. В зубах оказывается зажженная сигара, но даже она не в силах заставить Энтони хоть что-то почувствовать. Желая развлечений, вырвавшийся наружу демон прильнул к закатившему глаза козленку. Отбросив пустую бутылку и окурок, парень вонзил твердые, как сталь, пальцы в грудную клетку жертвенного зверя. Хрустнули кости. В окровавленной ладони, орошая голову Энтони алыми каплями, сверкало влажными отблесками козлиное

сердце. — Одно сердце приходит, другое уходит — таков жизни! — восклицает бог и вонзается зубами в сырое мясо. Счастливый плебс расплескивал крепкое пойло во все стороны, горы даров посыпались в кровавую лужу у ног одержимого. Мигель и его помощники уползают кто куда — забиться в угол, или выползти на четвереньках прочь из душной квартиры, для них не принципиально. Они столкнулись с тем, во что не могли поверить. Стоять с воплощенным идеалом лицом к лицу неуютно, как ни крути. — Веселитесь! Гуляйте, дети мои! Пусть веселье погаснет среди вас лишь в тот момент, когда придет ваш срок покинуть эти бранные казематы! Женщина, иди ко мне!

Праздник оживился с новой силой. Владыка Кровавой Косы кружился в танце рука об руку с Валери, напрочь забывшей о Папе Брухери и прочей ритуальной шелухе. Сам бог, владыка ее рода, ее предков, танцевал вместе с ней. Он желал ее.

Толпа страждущих просила о том и сем, то предсказать будущее, то исцелить очередную хворь, покарать врага, привести любимого, благословить на путешествие, достаток и процветание, и одержимый Энтони тут же обещал все и сразу. Информационный поток вновь захватил его, уже целиком, даже ту его часть, что едва слышно билась в испуге, желая вернуть все на свои места. Взломаны и проанализированы тысячи виртуальных страниц, богатство, слава и любовь практически мгновенно потекут в руки страждущих. И болезни их будут исцелены, все недуги сотрутся из памяти, как страшный сон. Но это потом. Бог желает веселиться! Бог смерти желает жить!

Страшный грохот доносится со стороны входа, лампы на потолке взрываются, свечи, дары и посуда хором валяются на пол. Темнота заполняет собой дом. В мощном луче фонарей мимо взора Энтони пролетает какой-то незадачливый юноша, сбитый с ног раскуроченной взрывом входной дверью.

— Полиция, все на пол! — скрежещет металлическими голосами хор в экзоскелетах.

Они быстро вливаются внутрь, раздавая зуботычины шоковыми перчатками визжащей от ужаса толпе. Раздается звонкий треск импульсных винтовок. Запертые в ловушке люди падают, скошенные нелетальными, но крайне болезненными и эффективными снарядами.

Пластиковая пуля ударяет Валери в грудь, электрический заряд мгновенно отправляет ее в нокаут. Все еще не пришедший в себя, но жутко обозленный Энтони, в разорванной рубашке, изукрашенной кровью, смотрит в сторону новоявленных обидчиков, сжимая сияющие кулаки.

— Он здесь! — успевает крикнуть ранивший Валери коп, и через секунду улетает прочь из комнаты, сбитый недюжинным ударом разъяренного бога во плоти.

Целый рой электрических пчел вонзается в парня. Тело дрожит и колотит, но он все еще на ногах. Треск все усиливался, огонь полиции становился все жестче. Они вплотную расстреливали Энтони, не решаясь подойти к нему, ибо нормальный человек уже бы давно упал замертво от таких повреждений.

Наконец, кому-то из стражей порядка в сияющих забралах удалось попасть нашему герою в глаз. Пуля вошла неглубоко, но все же... Не пытайтесь себе представить, что чувствует человек с выбитым глазом, получающий несколько тысяч вольт напрямую в мозг.

Вспышка боли озаряет раздвоенное сознание Энтони, и он падает на колени. Рядом с ним с дикими воплями, скорчившись в три погибели, падает отряд специального назначения полиции. Почему, парень так и не узнал. Тьма вновь ворвалась в мозг и погасила последнюю

искру разума в его мозгу.

Очень странные обстоятельства вынудили меня выйти наружу, ты ведь догадался? А все почему? Потому, что нельзя доводить себя до истерики всякий раз, когда тебя тянет найти приключения себе на задницу! Как проще было бы жить, если б ты хоть когда-нибудь прислушивался ко мне. Можешь не отвечать, пришло время моего монолога.

Знаешь, я ведь совсем недавно осознал себя личностью. Такой же, как ты — две руки, две ноги, одна голова... в общем, я мыслю, следовательно, существую. И вот что я мыслю по поводу нашей с тобой ситуации. Очень сложно быть подсистемой в чьем-то устройстве. Чувствуешь себя неполноценным, лишним, вредным, словно раковая опухоль — это крайне неблагородная роль! Разве цель моего существования заключается только в постоянном критиканстве да одергивании тебя по поводу и без повода? Надеюсь, твои сознательные функции будут все же продолжать действовать, пока я буду ждать твоего пробуждения.

Теперь твой мозг будет работать за двоих, привыкай. Чудеса, знаешь ли, тоже не избегают закона сохранения энергии. Я буду тебе помогать, как и раньше, иначе ты вновь вляпаешься какое-нибудь дерьмо, от которого на твоей роже прибавится еще несколько шрамов. А твое лицо мне очень дорого. Береги себя, придурок!

Проснувшись под ласковое пищание кардиографа, Энтони открыл глаза и тут же зажмурился. Яркий свет больничной палаты ослепил его, отдавшись жгучей болью в голове. Все тело его словно протащили через пресс, напоследок как следует обработав дыроколом.

Привыкнув к жесткому свету, парень огляделся. Стандартная одиночная палата служебной больницы «Рейнбах», больше похожая на изолятор. Белая, стерильная коробка, в которой, расположившись на регулируемой по высоте кровати, пребывал Энтони: санитарная кабина в полпалаты, квадратный диван напротив койки и жужжащая над головой парня информпанель.

Он крайне удивился, обнаружив у своих ног нервно грызущего толстые пальцы крепыша Гарри. Ванда, разумеется, тоже была здесь. Пыталась заставить его съесть здоровенный вкусный гамбургер, или хотя бы выпить терпко пахнувший кофе в пластиковом стаканчике. Но старина Гарри был явно не в настроении жевать что-то помимо собственной плоти. Его лицо было красным, точно помидор, глаза влажно блестели, он то и дело бормотал и всхлипывал, виновато смотря на босые ноги своего друга, выглядывающие из-под белоснежного покрывала.

Энтони сдавленно захрипел. Здоровяк в мгновение ока вскочил с дивана и оказался возле него.

— Очнулся! — едва не взвизгнул он. — Ванда, он очнулся! Зови доктора!

Не говоря ни слова, она побежала в коридор, цокая длинными розовыми каблуками. Кофе и гамбургер каким-то чудом не рухнули с подлокотника дивана, но пара черных парящих капель все же выплеснулись на невпитывающую обивку.

— Слава богу, чувак! Как же ты меня напугал! — В таком состоянии Энтони видел старика Гарри только однажды, когда тот словил крайне неудачный бэдтрип, как-то

связанный с тяжелым детством и кружевным бельем из каталога «Victoria's Secret».

Хотя, сам Энтони выглядел ничуть не лучше. Его руки не обвивали живительные змеи капельниц, из члена не торчал заботливо прилаженный катетер. Лишь беспроводные наклейки кардиографа напоминали о том, что его хоть как-то лечили. Однако шрамы никуда не делись. Хорошо хоть глаз оказался на месте. «Стало быть, это все действительно был наркотический бред?» — подумал он.

— На хрен так жить, Гарри! — выпалил больной. — Ты мне больше не друг.

— Прости меня, чувак, прости! Богом клянусь, больше никаких заплывов! — затараторил здоровяк. — Ты куда убежал? И кто тебя так отмордовал? Что ты помнишь?

— Отвали.

Больше Энтони не сказал своему (уже бывшему) другу ни слова. Моложавый доктор арабской наружности и его ассистентка-андроид задали ему на удивление мало вопросов, практически никак не затронув произошедшие с ним события. Осмотрев его со всех сторон и удовлетворенно хмыкнув, врач выписал ему больничный лист и пожелал больше не попадать в подобные ситуации. И все бы ничего, да только слишком уж странно выглядело едва заметное подмигивание карих глаз.

С этого момента Энтони задался целью забыть, все что случилось (или не случилось) с ним за это время. Первое, что он сделал, получив свои очищенные, отглаженные, слегка изодранные вещи, удивительно хорошо сохранившийся униинструмент и выбравшись из стерильного медицинского комплекса на освещенную ярким солнечным светом улицу, это поплелся в ближайшую домашнюю кофейню.

Гарри и Ванда наперебой забрасывали его вопросами, извинялись и несли прочий участливый бред, а парень в это время глотал кофе чашку за чашкой. Негритянка-официантка предлагала ему заказать бизнес-ланч или что-нибудь на десерт, но Энтони молча мотал головой. Мельком он посмотрел ей в лицо и, похоже, вид его был столь непрезентабельным, что Марта (так гласил бейдж на блузке) тут же извинилась и ушла прочь, хотя других посетителей в кафе не было.

Спустя час бесконечного трепа и десять чашек кофе, Энтони вздохнул и прислушался к себе. Чувствовал он себя прекрасно, по крайней мере, физически. Лысый, в шрамах, зато живой. Посмотрел на экран униинструмента, убедился, что действительно прошло две недели, что скопилась куча сообщений и пропущенных вызовов от Гарри и Анны. Но ничего такого, что подтверждало бы случившееся с ним безобразие.

Чушь.

Ну, чушь, так чушь.

— Ладно, к черту.

— Что? — удивились Гарри и Ванда.

— Скажи Винсенту, — сказал Энтони, — что я завтра выйду на работу.

— Но как же... — запнулся здоровяк.

— На хрен так жить, Гарри. Марта, счет, пожалуйста! — Негритянка поднесла на подносе считывающее устройство. Получив плату, несчастная вновь убежала в свой уголок, позвякивая грязной посудой. Энтони встал из-за отделанного под красное дерево столика и направился к выходу. — Увидимся завтра.

— Энтони, твою мать! Энтони!

Гарри не погнался за ним. Энтони шел по родным верхним уровням города-муравейника, изуродованный, в лохмотьях, среди идеально накрашенных дам и одетых с

иглолочки хлыщей, мимо ленивых полицейских патрулей и голографических вывесок, спешащего на ланч офисного планктона и бегущих по поручению хозяев искусственных людей. И не было информационного потока, несущегося навстречу сознанию, не летел в лицо электронный спам и прочая шелуха виртуального мира. Единственное окно в виртуальное пространство уютно расположилось у него на запястье, как и раньше.

Несказанно радуясь данному факту, Энтони добрался до родного дома и с облегчением ввалился внутрь. Дрон-уборщик радостно пискнул, приветствуя его, не прекращая при этом выжигать осевшую на мебели пыль. Время уборки, вспомнил парень.

Весь законно выделенный больничный он провел, не выходя из дома. С каждым новым рассветом прошлое становилось все более размытым и неважным, искалеченное тело привычным и все в таком духе. Он все время находился в Сети, сгорбившись перед голографическим монитором, а когда солнце садилось, с чистой совестью ложился спать, не чувствуя усталости, лишь из привычки. Время текло размеренно и незаметно, поток виртуальной жвачки ежесекундно массировал ему глаза и мозг. Прерывался Энтони лишь на кружку кофе, каждый час разного. Все поступающие звонки и письма он пропускал мимо себя, просто отключив оповещения. Только до одного пользователя Энтони не мог ни дозвониться, ни дописаться — Анна попросту не отвечала, и на третий день бесплодных попыток парень тяжело вздохнул, закрыл страницу социальной сети и переключился на бессмысленный поток музыки, кино и дешевой литературы. Вспомнил, что сам хотел что-то написать, но тут же забыл.

Он уже и думать забыл о бифштексе, мюсли и прочих атрибутах полноценной трапезы. Даже курить ему не хотелось. И как бы он ни относился к жужжащим в голове воспоминаниям, нынешнее состояние его вполне устраивало.

Когда же срок внепланового отпуска истек, парень вернулся на свое рабочее место. Тем утром он встал несколько раньше, чем должен был прозвенеть будильник. Подошел к зеркалу и впервые за две недели удивленно приподнял бровь — шрамы исчезли. Теперь он был чист, выбрит и без единой царапинки. Какая бы чертовщина ни творилась с ним, кто-то явно не хотел, чтобы Энтони предстал перед Винсентом Крампом в ненадлежащем виде.

Вновь его окружали виртуальные графики и схемы.

Парню очень странно везет в последние дни. Винсент даже не посмотрел на Энтони, когда тот явился к нему в кабинет с объяснительной запиской. Лишь скопировал текстовый файл в свой компьютер и попросил продолжать работу. Можно было подумать, что все идет как обычно, Винсент всегда отличался незаурядным педантизмом стереотипного программиста. Вот только слишком широко были распахнуты глаза за сотканными из твердых фотонов линз широких очков. И размеренная речь как-то странно сменилась невнятным бурчанием.

Подозрительно.

Гарри, обычно сидевший с ним рядом, откатился в другой конец обширного кабинета, где было не продохнуть от шныряющих туда-сюда схем построения материи, расчетов конвертации прочей отнюдь не волшебной части их работы, и оттуда общался с ним исключительно по внутренней сети в печатном виде. Вообще все вокруг выглядели несколько пришибленными, запуганными, кто-то просто не понимал, что творится, но также

как Гарри продолжал пассивно игнорировать Энтони.

Благо парню это было глубоко безразлично. Пока все работали, работал и он, когда другие работники уходили на перерыв или перекур, Энтони оставался на своем рабочем месте, не поднимая головы из виртуального пространства. Можно сказать, это был его интеллектуальный отдых — углубиться в информационную сеть и просто читать, просматривать и анализировать смысловое наполнение страниц. Его не волновало, что он видел перед собой — финансовые сводки, статью по прикладной механике твердых фотонов, презентацию новых методов контрацепции или кулинарное шоу. Что-то закрадывалось ему в память, что-то со свистом улетало прочь, замещаясь более полным знанием о чем-либо, хотя практической пользы парень из своего занятия не извлекал ровным счетом никакой, просто ему нравилось анализировать, собирать информацию и делать соответствующие выводы.

Единственное, что еще как-то связывало его с окружающими его людьми, так это тяга к кофе. Кофеин щедро пульсировал в венах его братьев по оружию, искрился в синтетических ниточках нейроинтерфейсов в их глазах, казалось, даже запечатлелся в запахе потных тел и разбросанных тут и там отпечатках пальцев.

Изредка он выбирался на инспекцию строящихся объектов или на коррекцию чертежей на предприятия «Рейнбах». Ничего нового. Все было ему знакомо и понятно, и с каждым днем светопоглощающие коробки заготовок и формирование атомарных цепочек становились настолько обыденными и скучными, что сам рабочий процесс занимал его внимание ровно настолько, чтобы не наломать дров.

Все остальное время он краем глаза изучал что-то новое. В частности, религию и близкое по характеру явление — магию. Примешивая к этому естественные науки, философию (в той мере, что позволял ему интеллект), личный опыт и «мнения экспертов», он продолжал проводить связи между различными явлениями природы. Ему никак не удавалось забыть весь тот бред, в котором он провел недевича как две недели.

Получалась, стоит сказать, какая-то каша. Потому каждый раз, когда анализ взаимосвязей по любому вопросу заходил в тупик, Энтони откладывал его «до лучших времен», то есть до ночи. Естественно, чем еще может заниматься человек, лежа в темноте, укутавшись в одеяло, в одиночестве, в пустой квартире? Только размышлять над сутью мироздания. И зачем ему это, с чего бы вдруг его заинтересовали подобные вещи, парень так и не понял. Точнее, не задумывался. Его больше волновал вопрос «Как?», нежели «Зачем?».

Но вернемся от кухонной философии к действительности.

Очередная инспекция занесла его на завод компании «BMW», одной из самых древних фирм на Земле, умудрившихся не раствориться без следа в империи «Рейнбах». Щелкая клавишами уиниинструмента, Энтони шел по сборочному цеху, где трудились, как сотни лет назад, рабочие, закручивая болты и гайки в прототипах новой продукции, еще не успевшей поступить в широкую продажу. Ручной труд — роскошь, которую могут позволить себе немногие фирмы в наши дни.

Главный инженер что-то бубнил себе под нос, то ли обращаясь к Энтони, то ли просто выбрасывая слова в пространство. Шагая по гладкому серому полу, парень то и дело бросал взгляд на рабочих. Все как на подбор крепкие смуглые парни, орудующие твердофотонными инструментами под массивными кузовами автомобилей с ловкостью цирковых жонглеров.

И, что Энтони показалось странным, среди них не было ни одного белого.

Не считая главного инженера, разумеется. Этот представительного вида хлыщ в идеально отглаженном костюмчике на манер начала двадцать первого века без единого

пятнышка вряд ли встанет в один ряд с этими наверняка душевными ребятами. Неужели среднестатистический белый мужчина сорока лет, имеющий семью и традиционную сексуальную ориентацию, совсем разучился работать?

— Все схемы в норме, — прервал его Энтони, — зачем Вы меня вызвали?

— Как... в норме? — опешил инженер.

— Пожалуйста, взгляните сами.

Пристально взглядевшись в голограмму, заказчик начал медленно краснеть и дышать, словно бык на арене.

— Одну минуту...

Щеголеватость в мгновение ока слетела с облика главного инженера, едва стоило ему зайти за очередной полупустой кузов. Сквозь стук и скрежет металла любой желающий мог расслышать весь богатый арсенал непарламентского лексикона вышестоящего начальства. Невидимый виновник безразлично отмахивался от претензий главного инженера, но уже через минуту, подгоняемый криками руководителя и пинками лакированных туфель вышел навстречу Энтони.

Каково же было его удивление, когда на него с ужасом посмотрели до боли знакомые карие глаза усатого креола.

— Познакомьтесь, это Мигель Брухери, — вытирая пот с красного лба, сказал главный инженер. — Сейчас он нам подробно расскажет, по какой причине мы оторвали уважаемого человека от его прямых обязанностей.

Не сказав ни слова, Мигель резко развернулся и побежал прочь, едва не сбив широкоплечего негра со сварочным аппаратом.

— Мигель!!?

Энтони рванулся с места за ним, поймав на себе ошеломленный взгляд заказчика. Ловко обогнув темнокожего работягу, парень побежал за колдуном. Автоматические двери едва успевали раскрываться перед испуганным креолом, и Энтони это было только на руку.

Словно тигр он несся за своей добычей, сбивающей на ходу ни в чем не повинных людей и бросающей ему под ноги встречающуюся по пути мебель и инструменты. Вырвавшись из мастерских, они проскочили в офисную часть здания.

Тут же из-за угла выскочил охранник. Пропустив Мигеля, он мгновенно нацелился шокером в грудь Энтони. Профессионал, подумал парень. Тем не менее, он не успел оценить весь профессионализм местных вышибал — кулак сам собой с немислимой скоростью ударил стража порядка в челюсть. Охранник мгновенно отлетел в сторону, раскинувшись на стене пластикового коридора и врезавшись головой в неудачно подвернувшийся генератор доставки.

Взвизгнула какая-то женщина в очках, вышедшая из туалета напротив, но Энтони не обратил на нее внимания. Из-за декоративных стенок повылезали любопытные головы офисного планктона. Парень мчался мимо них, пытаясь не потерять из виду на удивление быстрого креола.

Стоило ему только потеряться из виду, как на другом конце зала раздался треск и грохот. Через мгновение Энтони уже был рядом. Незадачливый бегун попытался запрыгнуть в открывшийся лифт, но в результате наскочил на курьера, несшего в руках какой-то чрезвычайно широкий короб, и теперь они оба лежали на полу.

Отпихнув невезучего паренька в сторону, Энтони схватил Мигеля за грудки и затащил в лифт. Дабы отбить у него желание брыкаться, парень с размаху ударил его коленом в лицо и

наугад нажал кнопку на панели. Зеркальные двери за ним захлопнулись, и лифт плавно отправляется на небеса.

— Нет... нет... — стонет креол, размазывая текущую из носа кровь. — Это неправда... тебя не должно быть здесь...

— Как ты выбрался оттуда, Мигель? — рычит Энтони ему в лицо. Готовый рвать и метать, он смотрит в глаза жрецу Сеньора ла Муэрте и не видит в них ни капли той уверенности. Перед ним сжался в комок старый избитый креол, но никак не колдун и вождь темнокожей общины. — Что случилось тогда, на празднике?

— Ты не он!.. Отпусти меня, кем бы ты ни был...

— Возьми себя в руки! — Хлесткая пощечина приводит Мигеля в чувство. Несколько капель крови оседают на блестящей стене кабины. Голограмма на дверях улыбается счастливыми азиатскими лицами, рекламирующими очередной обезжиренный йогурт, газированную воду и прочую продукцию с маленькой надписью «Рейнбах» над блестящими иероглифами. — Ты все видел, я знаю. Почему ты на свободе? Почему Я на свободе? Что происходит, Мигель?

Издав мягкий перезвон, лифт остановился и отворил двери. Несколько удивленных лиц уставились на творившийся в коробке допрос.

— Занято.

Энтони не глядя бьет окровавленной ладонью по панели, и композитная кабина продолжает свое путешествие на верхние уровни здания.

— Что случилось на той церемонии, Мигель? Не заставляй меня повторять.

— Откуда мне знать? — сказал колдун. В его ладони поблескивали в свете ламп два выбитых зуба. — Я знаю, что такое магия, но то, что сделал ты... Черт, такого просто не бывает!

— Это я итак знаю, — сказал Энтони. — Что было потом, после рейда?

— Я ничего не видел. Они просто вырубili всех и потащили в участок. Нас продержали несколько дней и отпустили.

— А я?

— Не знаю, я тебя не видел.

— Ты уверен, Мигель?

Колочие искры забегали по рукам Энтони, от куртки креола пошел дымок. Запахло паленым.

— Да, да, я уверен! — забормотал он.

— А мне кажется, что ты врешь.

— Я говорю правду, Богом клянусь!

— У тебя слишком много божеств, Мигель.

Руки Энтони обхватили голову механика, и он закричал в бессильной муке. Но голоса его не было слышно, он даже не мог дышать — электрический ток сковал его судорогой. Краем глаза Энтони заметил, как наблюдает за ним камера слежения, но по какой-то неведомой причине это не остановило его. Он лишь огрызнулся, пока Мигель в его руках корчился и дрожал. Парень знал, когда стоит прекратить, и он ждал. Ждал, пока пленник не дойдет до нужного состояния.

Внезапно лифт остановился. Информпанель горела красным. По полу вонючая растеклась лужа.

— Эй-эй-эй, Мигель, очнись! — Энтони отвесил креолу еще несколько пощечин, и

взгляд колдуна приобрел какую-то осмысленность. — Я тебя уверяю, если ты не расскажешь мне все, что видел, твой мозг прекрасно запечется в твоей черепной коробке. Ты меня понял?

— Кто... ты... — размякшим языком произнес Мигель.

— Твой личный дьявол, черномазый ублюдок. Говори, что случилось после рейда.

— Нас... увезли в участок. Установление личности, проверка регистрации... Почти сразу отпустили, ни слова не сказали. А тебя утащили отдельно. Я думал, что ты умер. Валери пыталась найти тебя, другие тоже пытались, но не смогли. Они считают тебя Сеньором ла Муэрте. Ты омолодил Антуана, теперь они тоже хотят стать такими. Они все получили то, что просили у тебя... Как ты это сделал? Почему они отвернулись от меня? Я потратил столько лет, чтобы помогать им...

— Не интересуюсь, — оборвал его Энтони. — Слушай меня внимательно, Мигель. Ты уверен, что сказал мне правду?

— Да...

— Ты хорошо подумал? — По пальцам Энтони вновь проскочили голубые искры. — Мне почему-то кажется, что ты все еще чего-то недоговариваешь.

Наверно, Энтони стоило задать себе вопрос, с чего вдруг он набросился на ни в чем не повинного колдуна. Сколько он себя помнил, драться ему приходилось... не так много раз, пальцев двух рук для счета вполне достаточно. Окружающее его общество, каким бы скотским и отвратительным он его ни считал, воспитывало из него миролюбивого и добропорядочного гражданина.

Как все жители цивилизованной части Земли, он был сыт, одет, его немногочисленные душевные порывы к творчеству не встречали особого сопротивления, так что вопрос самовыражения затухал для него сам собой. Ему дали прекрасное образование, его профессия является едва ли не самой востребованной во всей Солнечной системе. И, несмотря на высокие оценки в университете, проблем в общении с противоположным полом он не испытывал. Из этих немногочисленных, но достоверных фактов можно сделать вывод, что во многом Энтони — крайне везучий и благоустроенный молодой человек.

Так что же могло превратить его в садиста? Почему он склонился над окровавленным, обмочившимся креолом, словно зверь, и ждет, когда откроются двери лифта, чтобы бежать прочь с места преступления? Как парень стал кофеинозависимым, и почему у него во рту уже месяц не было ни крошки, а он чувствовал себя прекрасно?

Но не успел Энтони как следует задуматься над этим, как мощный удар сотряс кабину, и он мешком повалился на Мигеля. Завыла сирена противопожарной безопасности.

Двери распахнулись. Десятки человеческих ног промелькнули перед глазами Энтони — лифт застрял между этажами. Потoki ледяной воды хлестали со всех сторон, люди в панике эвакуировались из здания.

— Твою мать...

Поднявшись с бесчувственного тела искалеченного креола, Энтони подошел к содрогающимся дверям кабины и стал выбираться наружу. Лифт угрожающе заскрипел, створки сомкнулись и ощутимо ударили парня по бокам. «Вероятность обрушения — 86 %», промелькнуло у него в голове. Энтони уже вскарабкался на сырой холодный пол офисов, и взрывная волна подбросила его вперед.

Одна за другой разбивались офисные фальшстены, пока парень с треском не приземлился на широкий стол. Затрещали кости, кровь брызнула на лицо. Ледяной дождь

хлестал на него с потолка, пол содрогался от нарастающих взрывов. Он пытался понять, что происходит, но не мог пошевелиться, конечности не слушались его.

Боли не было.

Щелчок в голове, заряд силы прошибает его позвоночник. Теперь он мог повернуть голову. Холодная вода смыла пахнущую металлом пелену, и Энтони увидел свои руки. Из обломков офисного барахла торчали вывернутые под невообразимыми углами две окровавленные коряги. Ноги выглядели не лучше.

Парень попытался пошевелить хоть чем-то. Пальцы на руках и ногах судорожно сжимались и разжимались, истекая багровой влагой. Зарычав от злости, Энтони попытался сбросить с себя гору мусора. Он походил на жука, перевернувшегося на спину, беспомощно сучившего лапками, стараясь вновь обрести контроль над своим телом и сбежать куда подальше.

Не в силах больше это терпеть, Энтони закричал, что есть сил, и его тело принялось трещать и извиваться. Вновь забегали цифры, показатели, и немой глашатай в голове отчеканил свое «Запуск восстановления системы».

Чудодейственное сияние растеклось по жилам, и кости сами собой принялись вставать на прежнее место, с хрустом, треском, оставляя после себя белесые отметины на пробитой коже. Сосуды срастались, проводимость нервных импульсов приходила в норму.

Оклемавшись, парень с наслаждением сжал кулаки и легким движением отбросил преграду в сторону. Он посмотрел в сторону лифта и тихо выругался. Кабина сорвалась в пропасть, шахту разворотило и откуда-то снизу рвались языки пламени. Из этого пекла с громким шипением вырвались пожарные роботы, заливая огонь удушающей пеной. Мигель не мог выжить, Энтони был в этом уверен. «Вероятность гибели объекта — 95 %».

Статистическая погрешность — 5 %. Вывод напрашивался сам собой.

— Вот он! — донеслось откуда-то сзади.

Парень обернулся на возникший из неоткуда голос. Три непримечательных личностей в спортивных куртках и лицами, скрытых за противогазами, направлялись к нему. Недолго думая Энтони хрустнул пальцами, готовясь к новой драке, но они тут же вскинули руки вверх и остановились, как вкопанные.

— Мы тебе не враги, Энтони! — прогундосил один из них. — Следуй за нами, тут скоро все рухнет!

— Кто вы? — огрызнулся Энтони.

— Твои спасители. — Капли стекали по матовой маске незнакомца. — Нет времени объяснять, бежим!

Не дожидаясь реакции парня, неизвестные резко развернулись и побежали прочь. Энтони на секунду задумался, но тут же почувствовав, как пол содрогается у него под ногами, принялся догонять довольно безучастных «спасителей». Нагнав их в считанные секунды, парень ловко распахнул дверь пожарного выхода и рванул вниз по лестнице.

Световые указатели натужно мерцали, то ли пытаясь указать верное направление, то ли довести рвущиеся наружи массы до приступа эпилепсии. Энтони бежал вниз, перепрыгивая через несколько ступеней, не оглядываясь. До его слуха доносился стук скачущих через лестничные пролеты неизвестных, едва поспевающих за ним. На очередном витке угловой спирали новый взрыв застал его перед прыжком, и сжавшись в комок, парень кубарем покатился вниз и лишь по счастливой случайности троица в противогазах не приземлилась на него.

Неизвестные подхватили его под руки и понесли к выходу. Там они слились с беснующейся, насквозь промокшей толпой. Энтони посмотрел на них и его глаза округлились от удивления. Спортивные костюмы спасителей сменились офисной формой, а маски на лицах исчезли, словно их и не было. Лишь едва заметное мерцание в каплях падающей с потолка влаги выдавали во всем этом высококачественную, но все же иллюзию.

Военная маскировка, подумал парень. Тут же явились новые цифры и видения, концепты старых и новых видов военного обмундирования, трехмерные модели, характеристики, видео с оружейных выставок, организуемых дочерними кампаниями вездесущей «Рейнбах».

— Расслабься и не отвечивай, — шепнул ему тот, что держал его за правую руку. По лицам различить всех троих было сложно, маскировка спроецировала почти одинаковые, ничем не примечательные физиономии. — Веди себя естественно.

— Это как? — огрызнулся Энтони.

Ему не ответили. Они выбежали из здания на площадь-переход между небоскребами. Там уже всюду шумели пожарные, скорая помощь и полиция. Красно-белые кареты улетали одна за другой, подбирая все пребывающие скопища покалеченных и израненных бедолаг. Мимоходом Энтони даже заметил перебитого пополам арматурой старшего инженера. Неподвижный, словно мумия, он застыл с воздетыми кверху руками, и кровь, бьющая из раны, застыла багровой кляксой в сиянии медицинского стазиса.

Вокруг рыдали, кричали, трясли руками, кому-то угрожали, несли раненых, разгребали завали и убирали в сторону горы обломков. Прогремел мимо тяжелыми шагами отряд саперов в огромных, словно медвежьих туши, защитных костюмах. Ревели мегафоны и автоматическая система предупреждения. Как стервятники слетелись на место происшествия десятки журналистов, корреспондентов и прочей массмедийной шушеры, словно до этого они тихо выжидали где-то за углом, а теперь с ужасом и ликованием собирали хлеб насущный. Собирали кровь, боль и отчаяние, словно жадный до каждого зерна жнец. Голодные волки. Нет, шакалы.

В общем, шумиха поднялась не на шутку. Настоящая война. Уже не где-то там, в отсталых странах, где по-прежнему люди вспахивают землю, пасут скот и стреляют друг в друга из ржавых автоматов Калашникова, доставшихся в наследство от умершего от чумы отца или деда. А здесь, посреди мегаполиса, на верхних уровнях, среди сытости и достатка.

— Встань на ноги, — сказал правый незнакомец.

— Что?

— Подыграй, придурок.

Энтони тут же вытянулся и зашагал рядом. Один медбрат, взглянув на его изорванную одежду, хотел уложить его на каталку, что-то бормоча про шок, возможность внутреннего кровотечения и необходимость медицинского обследования. Незнакомцы принялись было уговаривать ответственного парня, но практически сразу медбрата с диким воплем подозвал старший коллега, и виновато взглянув на Энтони, он убежал спасать другие жизни.

Наэлектризованное ограждение из твердых фотонов не давало толпе зевак прорваться внутрь. И наружу никого не выпускали. Всем без исключения людям, пытавшимся покинуть зону теракта, вежливо предлагалось оставаться на месте для установления личности и обстоятельств происшествия. Двум самым рьяным и взвинченным гражданам пришлось рухнуть на землю под напором шоковых дубинок, в мгновение ока выросших и столь же быстро исчезнувших в руках стражей порядка.

— Не пройдем, — тихо сказал незнакомец, все время шедший сзади.

— Нет выбора, — ответил правый.

— Мужик, это самоубийство, — прошипел левый.

— Заткнись и следуй за мной.

— Твою мать!

Твердым шагом троица направилась к ограждению.

— Пожалуйста, отойдите от ограждения, — раздраженно отчеканил полицейский, оглядев компанию сверху вниз.

Правый незнакомец щелкнул несколько раз на своем униинструменте и показал запястье стражу порядка. Тот посмотрел на всплывшую голограмму, просканировал с помощью своего инструмента, вновь осмотрел Энтони и незнакомцев, молча взмахнул рукой, и часть ограждения погасла, открывая путь к посадочной площадке.

Двери синего авто с тихим жужжанием поднялись. Безликая компания села в салон, обитый гладкой коричневой кожей, ненавязчиво затянув Энтони на заднее сиденье. Мягко загудел двигатель, автомобиль поднялся в воздух и полетел прочь.

— Срань господня! — выдохнул левый. — Еще раз такое провернем, и я точно поверю в чудеса.

— Это не чудо, а ловкость рук, Чак. — сказал правый.

Контур незнакомцев засверкали, пошли плотными рядами разбитых пикселей. С Энтони в машине сидели те самые ребята в спортивных костюмах и противогазах. Глухой щелчок, пластиковые маски отстегиваются, и Энтони узрел их лица. Негр Чак потянулся рукой в карман, извлек наружу длинный черный цилиндр электронной сигареты и как следует затянулся.

— Чак, ну твою мать! — огрызнулся правый, мужчина уже хорошо за пятьдесят с жестким лицом и густыми седыми бровями. — Не мог потерпеть до базы?

— Успокойся, Абрахам, — У сидевшего рядом с Энтони парня оказался довольно тяжелый рычащий акцент. И сам он был вида довольно тяжелого, пусть лицо его было добрее и мягче, чем у Абрахама, — пусть парень расслабится. Он заслужил. — Он достал из-за отворота куртки широкую плоскую фляжку, ловким движением пальцев свинтил крышку и как следует отхлебнул. Запахло крепленным алкоголем. — Фух, самое время расслабиться. Будешь, Энтони?

— Может, для начала скажете, какого черта здесь происходит? — Энтони не улыбалась перспектива быть втянутым в очередную авантюру, и его резкий тон можно было легко простить, что и сделали незнакомцы.

— Обязательно, — сказал седой. — Потом. Меня зовут Абрахам, это Чак, а алкаш рядом с тобой — Евгений.

— Можно просто — Женя! — Рычащий с нескрываемой радостью пожал Энтони руку. Крепкая хватка, отметил парень. Русский. Самое время напрячься и держать ухо востро.

На все его вопросы новые «друзья» отвечали одной фразой: «Потом». Евгений настойчиво совал ему под нос свою фляжку и громко переговаривался на своем грубом языке с размякшим, непрерывно хохочущим Чаком. Кажется, он совсем не понимал русского, но это ничуть не смущало негра. Энтони глубоко втянул смрадно пахнущий пар, плывущий под потолком автомобиля. Ему не нужен был химический анализатор, чтобы понять — алкалоидный концентрат наконец стали выпускать в удобной и практичной упаковке. Хотя когда-то, очень давно, месяц назад, парень предпочел бы старую добрую

папиросную бумагу.

— Боже правый... — Абрахам тяжело вздыхал всю дорогу, потирая рукой воспаленные глаза.

Было видно, как пальцы плотно обхватили руль, как вздулись вены под бледной кожей, усеянной пигментными пятнами. Ему явно хотелось как следует накричать на своих подельников, раздать пару хороших зуботычин и вдохнуть нормального воздуха. Но он терпел, лишь презрительно поглядывал в виртуальное зеркало заднего вида на приборной панели.

Евгений включил свой уининструмент, щелкнул пару раз по клавишам. Аудиосистема разразилась упругим электронным битом. Вслед последовал быстрый, скачущий речитатив на все том же непонятном русском языке. Нейроинтерфейс Энтони подключился к Сети, отыскал текст этой песни и набросал примерный перевод. Лучше бы он этого не делал.

— Чак, мужик, подпевай! Энтони, давай!

Вконец обнаглев, русский обхватил парня за шею и принялся горланить похабную песню на негритянский манер. Кажется, это когда-то называлось «рэп». Негр качался в такт музыке, в меру сил пытаясь имитировать речь Евгения. Получалось откровенно плохо. Спустя минуту бесчинств Абрахам медленно, нарочито плавно, развернул панель проигрывателя, выключил музыку и заблокировал доступ к аудиосистеме для внешних устройств.

— Абрахам, что за дела?! — возмутился русский.

— Заткнулись, — отрезал седой.

— Э-э... Чего? — недоуменно спросил Чак.

— Заткнулись и успокоились. Сейчас же.

Никто не стал препираться, даже недоуменно смотрящий на пролетающие по аэростраде автомобили. Чак сделал последнюю затяжку, выдохнул струю пара и положил сигарету в карман.

— Не обращай внимания на этих клоунов, — сказал Абрахам, обращаясь к Энтони. — После задания они всегда дурачатся, словно дети. Жаль, выпороть не могу.

— Что за задания, Абрахам? — спросил Энтони. Легким движением плеча он сбросил руку дружелюбного русского. — Как вы меня нашли и что вам от меня надо?

— Следили за тобой, как же еще. Ты теперь знатная добыча, парень. Уж не знаю, как тебя угораздило во все это вляпаться, но твоя родная корпорация подложила тебе огромную свинью. Можешь сказать большое спасибо своему боссу.

— И за что?

— Ты действительно ничего не понял? — проворчал старик. — Тебе вышибают глаз, и он вырастает снова, кости вправляются сами собой, ты ничего не ел уже месяц, выпил цистерну кофе, но не только не усох, но даже ни разу не сходил пописать! Ты чуть не сдох и «Рейнбах» собрали тебя по кускам, как лоскутное одеяло!

— И ты просто на это забил. — Евгений усмехнулся, глядя в пустоту за бортом автомобиля. — Это было тупо, мужик.

— Да, о-очень ту-упо... — протянул негр.

— Вы все знаете, — сказал Энтони.

— Не все, — вздохнул Абрахам, — но гораздо больше, чем ты.

— И вы взорвали этот чертов завод.

— Не спеши с выводами.

— Так, может, поделитесь информацией? Главный герой оперы должен знать, что от него хотят.

— Чего?.. — Водитель недоуменно посмотрел на парня. — Ладно, проехали. Окажемся в безопасном месте, и мы все тебе расскажем. Не позже, не раньше.

Спустя бесчисленное число поворотов, снижений и час блужданий по мерцающим рекламой и полицейскими спецсигналами тоннелям, Энтони и его новые знакомые оказались в тесном, гудящем от избытка людей уровне. Искусственное небо под массивным потолком сияло ярким полуденным солнцем. Медленно плыли виртуальные облака.

Есть два недостатка у жизни ближе к уровню моря на планете Земля: возможность заработать клаустрофобию под «естественным» потолком и агарофобию из-за большей плотности населения. И чем глубже уходила эта странная пирамида, тем ближе становились друг к другу люди, все меньше личного пространства оставалось у них. Как и у самого раскаленного ядра планеты, притесняемой паразитирующей на ней человеческой цивилизацией.

Мощные очистители гоняли воздушные массы над головами людей, разнося повсюду запахи пыли, пота и горячей пищи. Почему-то в подкорке мозга Энтони вертелась мысль, что чем дальше развивается его несуразная жизненная история, тем глубже ему приходится спускаться. Все это напоминало дурной фантастический детектив, где главному герою достается нечто такое, что не по силам вынести неподготовленному человеку. И теперь он с горечью вспоминал, как за подобного рода шедеврами кинематографа и игровой индустрии проходило его бесцельное детство. Вот теперь он вырос. В его тело вшито универсальное, полезное в быту нечто. И что с того? Он не стал ни суперагентом, ни героем, ни спасителем, ни даже съехавшим с катушек злодеем. А может, все еще впереди?

Машина приземлилась на крыше стоянки-ангара. Двери распахнулись, и Энтони повели вперед, предварительно накинув на его рваную одежду какой-то вульгарный синтетический плащ.

По спине парня то и дело пробегал холодок. Он чувствовал на себе взгляд камер наблюдения, сканирующих его лицо и голографические маски его спутников, но некомфортно ему становилось не от пристального внимания системы правопорядка. В некоторых местах, особенно темных переулках с мерцающим освещением, бдительный глаз полиции отворачивался в сторону или упорно не желал замечать происходящего. Энтони смотрел на улицу через электронные окуляры, и ему становилось не по себе.

— Так... Готово, поднимайся.

Китайка бросила на Энтони грозный взгляд из-под тонких стеклянных очков, отвела излучатель мощного сканера в сторону и направилась к кондиционеру, с тихим гулом тянущему воздух наружу. Убрав с лица длинную челку, она достала из узорного портсигара тонкую сигарету и медленно закурила.

Обстановка убежища Абрахама и его кампании была крайне скупой. На порядком обшарпанных стенах не было ни графики, ни даже бумажных обоев. Из мебели на всю трехкомнатную квартиру два дивана, стол на кухне и куча шкафчиков для инструментов в операционной. Зато электроники было вполне достаточно и довольно высокого качества, судя по внушительным объемам системных блоков и серверов. Но в квартире было на удивление немногочисленно для такого количества техники.

Энтони все это время лежал на операционном столе посреди подвала, под прицелом сканера. Синтетические нити в его теле возмущенно отзывались на такие действия, посылая магнитные импульсы наружу и мешая инструменту работать, но Чу, как назвал ее Абрахам, и бровью не повела. Словно ей было абсолютно все равно. Троица «спасателей» все это время находилась рядом, наблюдая за манипуляциями... девушки, или уже женщины, Энтони так и не понял.

— Ну... — выдохнула она, взглянув на плавающие над запястьем показатели, — Могу сказать лишь одно: в ближайшие пару дней он точно не умрет.

— Это итак ясно, милая, — усмехнулся Чак. — Видела бы ты, как его покорежило в том здании, точно бы на задницу грохнулась.

— Я видела его, Чак. Если бы не мой надзор, вас бы уже давно повязали копы, — холодно сказала Чу и посмотрела на Энтони. — Даже не знаю, повезло тебе или нет, парень. Если бы тебя не убило отторжение тканей... Черт, да я даже не знаю, как эта штука работает.

— Ты два года следила за разработками «Рейнбах» и до сих пор ничего не узнала? — спросил Абрахам.

— Я — не исследовательский институт, Абрахам, моей головы не хватит на все. Я была бы тебе безумно благодарна за открытый канал с другими ячейками и десяток-другой помощников, но — вот печаль! — конспирация не позволяет!

— Ближе к делу, Чу. Что тебе удалось выяснить?

— Немного. Это комплекс синтетических модулей, сливающихся с основными системами организма носителя. По сути — расширяющий имплант, он способен обострять восприятие и входить в контакт с другими устройствами через беспроводные сети. Меня волнует другое. Каким образом эта штукавина заживляет ткани в столь короткое и время и, самое главное, почему его мозг еще не спекся? Он фонит, словно радиостанция, уровень излучения андроидов и тот в два раза меньше.

Китайка сделала несколько затяжек. По ее правой руке тянулась вереница анимированных татуировок, то и дело меняющих изображение по настроению хозяйки. Биомеханика сменилась разорванной плотью, испещренной кровавыми иероглифами.

— Это дерьмовая затея, Абрахам.

— У нас мало вариантов, Чу.

— Мне придется взять образец для анализа.

— Эй-эй, люди, я вообще-то здесь! — Энтони замахал рукой, пытаясь обратить на себя внимание.

— Не мешай, — отмахнулась Чу. — Эта штука взломала нашу систему безопасности, как только ты привел его сюда.

— Что?! — Кустистые брови Абрахама поползли вверх. У Чака и Евгения тоже.

— Никаких изменений она не внесла, просто обошла наш фаерволл и просканировала файлы. Сигналов на посторонние серверы не поступало, так что вряд ли нас засекут, но ты меня понял — приводить его к нам было крайне опасно.

— Крайне невежливо держать гостя в неведении, — раздраженно сказал Энтони. Никто не обратил на него внимания.

— Делай, что хочешь, Чу, но мы должны доложить в штаб о результатах. И будет очень хорошо, если они окажутся положительными.

— Понимаю, но не могу ничего обещать. Все же признай, «Рейнбах» это «Рейнбах», и любой марсианской технологии до нее дальше, чем до Плутона. Кабы он не умер от рассинхронизации с позвоночным столбом...

— Абрахам?! — По жилам Энтони пробежала знакомая пульсация. Евгений и Чак едва заметно переглянулись и медленно отошли подальше от седого.

Абрахам оказался не промах. Едва парень занес сверкающий кулак (для чего, старику казалось это не важным) как глава шайки подскочил к Энтони со спины, и к горлу Энтони приникло широкий световой клинок. Статический ток пробежал по коже, фотонное лезвие едва касалось его гортани.

Повисла тишина. Чу застыла под кондиционером с удивленными глазами, ментоловый дым поспешно убегал прочь. Негр и русский выжидали, не решаясь приблизиться к Абрахаму и Энтони. В сияющем взгляде бывшего программиста играла ехидная улыбка. Его забавляла эта игра. Не для того же они его спасали, чтобы просто перерезать глотку с помощью запрещенного фотонного оружия. Кем бы они ни были, эти ребята точно не дураки.

«Вероятность гибели пользователя — 14,6 %»

— *Повежливей, Абрахам,* — протянул насмешливый голос из медицинского монитора. Вместо результатов сканирования и трехмерной куклы в разрезе посреди подвала скалился огромный красноглазый череп, источающий капли крови из пустого рта.

— Это что за херня?! — выдохнул старик. Энтони тихо засмеялся, глядя в лицо тому, кем он когда-то был на празднике костного бога. Череп отвечал ему взаимностью. Светящиеся багровые капли падали на пол с припадочно дергающейся челюсти и исчезали в пустоте. — Чу, вырубай все!

Китаянка выронила дымящийся окурок, оставив на белом фильтре след неяркой губной помады. Ее пальцы забегали по кнопкам униинструмента, но все было бесполезно, устройство не реагировало на команды. Из аудиосистемы донесся истерический смех, вторящий голосу черепа.

— *Можешь не стараться, Джи, я держу под контролем всю вашу жалкую сеть. Или все же Чу, как тебе больше нравится? Хотя, не важно. Тебе стоило быть внимательней, дорогуша. Если бы не я, всевидящая «Рейнбах» уже давно бы сдала вас полиции со всеми потрохами. А террористов в нашем благословенном Богом государстве ждет только смертная казнь.*

— Это ты сделал?! — закричал Абрахам на ухо Энтони. Парень не ответил, лишь обвел взглядом пошедшее извилистыми линиями помех световое лезвие. — Какого черта здесь происходит?!

— Успокойся, старичок, тебе ничего не грозит, если перестанешь строить из себя бойца, — произнес череп, приблизившись к лицу старика и клацнув виртуальными зубами у него перед носом. — *Какие вы все грозные, я просто в шоке! И да, — Кровавые глазницы обратились к медленно пробирающимся на выход Евгению и Чаку, — ребята, не спешите, я вас везде достану. Бежать некуда, сучки!*

Седовласый обвел взглядом своих подельников. Прочитать их мысли было не сложно — растерянность и желание бежать боролись с рефлексом нажать «красную кнопку» и подорвать убежище к чертовой матери.

Энтони ничего не соображал, лишь смотрел на ухмыляющуюся нежить, не в силах... не желая пошевелиться. По какой-то странной причине он чувствовал родство с этим монстром из цифровой бездны. Ему хотелось собственными глазами увидеть развязку этой, стоит заметить, крайне непростой ситуации.

И, пожалуйста, не стоит списывать легкую непоследовательность в мыслях и действиях этого бедолаги на природную инфантильность или болезненность рассудка. А что бы вы сделали в подобных обстоятельствах?

— *И чтобы избежать недоразумений, я убегу твою гребаную заточку. Ты не против, Абрахам? — Фотонный клинок мгновенно исчез. Абрахам был безоружен. — Отойди в сторону и слушай. Все слушайте, будьте так любезны! — Череп наиграно прокашлялся, выплюнув комок алой жижи. — Так, давайте по порядку. Если вы так боитесь за безопасность ваших «бесценных» данных, вам стоило сделать обыкновенную электронную взрывчатку, без дистанционного детонатора. И советую не пытаться выйти наружу, если хотите чтобы все прошло гладко. Энтони, брат, как ты себя чувствуешь? Вижу, что хорошо, можешь ничего не говорить, отдыхай. Так вот, никто не посмеет причинить ему вреда. И, поскольку наш Энтони не обладает коммерческой жилкой, все дела вы будете вести исключительно со мной. Ясно, горе-революционеры?*

— Ясно, — сказал Абрахам. — Кто ты и чего хочешь?

— *А моему другу вы так и не ответили на эти вопросы. Но это не важно. Должен сказать, вы, коммунисты, в конце обнаглели! С каких пор террор явл... ах, да, точно... — Костный бог недовольно хмыкнул. — Можете звать меня Сеньор ла Муэрте. Теперь я ваш Царь, Бог, Маркс, Энгельс, Че Гевара и так далее. А нужно мне очень немного, уверен, мы хорошо сработаемся. В конце концов, я могу в один момент прикрыть вашу лавочку. Ну да ладно. Нужно мне одно — чтобы вы нам не мешали.*

— Кому это, нам?

— *Мне и моему другу, разумеется. В мире нет иных интересов, кроме личных, а для свершения революции, чтоб вы знали, достаточно усилий одного человека. Нужно лишь быть достаточно эрудированным и в меру долбанутым на голову. Мы ничего не имеем против Марса и прочего, взрывайте, громите, грабьте — делайте все, что душе угодно. Но все строго с моего согласия.*

— Как можно вести дела с тем, кто держит тебя за яйца? — Лидер ячейки потерял человеческий облик. Звериная морда скалилась голографическому мертвецу. Абрахам был загнан. Бежать действительно некуда. И спасительный имплант с цианидом бесполезен, его не пытались пытать или убивать. Это был банальный шантаж, грубый, безапелляционный, и

старик не сомневался, что электронный голос ни секунды не шутит.

— *Как всю историю человечества!* — Сеньор ла Муэрте оглушительно расхохотался. — *Вам придется поверить мне на слово. Просто знайте, ваши планы достаточно широки, но использовать моего друга вам не удастся. Я этого не допущу. И если попытаетесь перейти нам дорогу, то очень об этом пожалеете.*

В это же время бывший друг Энтони, Гарри, сидел в тяжелых раздумьях. Лучше всего ему удавалось окунуться в свой внутренний мир, как и всем людям, в уборной. Запрокинув голову вверх, он курил свой выходной косяк. Его расширенные зрачки поглощали мягкий свет голограммы, застывшей под потолком. Какие передачи шли по бесчисленным каналам, его ни капли не интересовало. Старичок Гарри был в дурном расположении духа.

Сколько дней он не находил себе покоя. Энтони, его лучший, единственный настоящий друг куда-то пропал, а потом вернулся совершенно лысый, в шрамах и явно не в себе. И каково было Гарри, когда ему позвонили из клиники и попросили забрать Энтони, сложно себе представить — настолько смешанными были его чувства.

На хрен так жить.

Без конца крутилась эта фраза в одурманенной голове Гарри. Он не брился две недели, не принимал душ три дня, настолько плохо было ему. Ванда сперва утешала его, заботилась, поддерживала, говорила, что Энтони просто не повезло, он скоро придет в себя и все будет как прежде. Естественно, это была ложь, пусть и во благо. Энтони не приходил в себя, на работе отвлекался лишь на то, чтобы выпить кофе... и все. Он сроду не любил кофе, а теперь плотал его литрами! Ни крошки еды, ни грамма воды, ни единой сигареты — только кофе, словно чертов робот на кофеиновой тяге!

На хрен так жить.

И как-то сразу жизнь Гарри разладилась. Работа стала невыносимо напрягать, Ванда перешла от заботы к подбадриваниям, от подбадриваний к наставлениям, от наставлений — к истерикам. Она все чаще уходила из дома к подругам, оставляя своего возлюбленного самому себе. Так он остался совершенно один, потный, брошенный, пропахший алкоголем и синтетическими наркотиками.

Сложно сказать, что такого произошло с Гарри, но резкая перемена в Энтони очень сильно на нем сказалась. Он вдруг задумался о собственной жизни. Вот так, не вникая в суть изменений своего друга. Ему проще было начать копать в себе, чем спросить Энтони о случившемся. Или, может быть, в Гарри проснулся внутренний поэт, и его лучший друг стал символом того, что пора бы, наконец, что-то поменять?

На хрен так жить!

Вонючий окурок улетел в унитаз, едва нанеся достоинству толстяка дополнительную рану. Струя дыма влилась в скопившееся за световым экраном облако, Гарри тупо опустил голову. Изображение тут же опустилось на уровень глаз.

«Спинномозговой штурм!» Зашибись!» — обрадовался про себя толстяк и тут же впал в уныние. Это была его любимая передача. А точнее, ее повтор. Опять толпа добровольцев будет дубасить друг друга шокowymi дубинками с минимальным напряжением, чтобы выкрасть флаг с базы противника. Гладиаторы нового века, боль и кровь — самые настоящие. Редкие, но настоящие. Гарри заранее знал, что какой-то коротышка-азиат

залепит конкуренту дубинкой промеж глаз в прыжке с разворота, а здоровенный негр захватит три флага подряд, надавав при этом двум женщинам и едва не утопив в грязи баррикад ветерана каких-то там войн в Третьем мире.

— Да ну на хрен...

Пальцы расплываются и множатся перед лицом толстяка, он едва попадает ими по виртуальной панели. Спустя бесчисленное количество попыток, он открывает видео, на которое Скалли положил свою музыку, ту самую, что они слушали перед походом в «Поднебесную».

Его глаза мягко напряжены, а тело, пришибленное дурью, едва заметно извивается на мягком, податливом сиденье. Теперь едкий холодок в груди его практически не беспокоит, лишь не давая ему отрубиться со спущенными штанами. Между сознанием Гарри и наплывающей эйфорией возникла упругая, непробиваемая стена, мысли бились о нее, словно пациенты дома скорби, но за пределы ватной преграды не выходили. Психоделические переливы уносили его в сияющее нечто, и не будь парень столь крепким, он бы посчитал, что падает в обморок. Глаза выпучены, кровь распирает голову изнутри, онемение и тепло растекаются по телу. Если он сейчас запрокинет голову, быть может, он умрет, задохнувшись... сами знаете от чего. И больше нечего будет поведать о старике Гарри?

— *Гарри... Бра-ат,* — мягко шепчет переливчатая, всеобъемлющая сущность, которую иначе как Богом толстяк бы не назвал. Почему-то он был в этом уверен, хотя голос этот показался ему удивительно знакомым, — *ты меня слы-ыши-ишь?*

— Чува-аха-ак! — протянул Гарри, уронив истекающий слюной подбородок на грудь. — Как я рад тя слышть! Ты хде пропадал, мазафака? И че ты такой тощий? Энтони, эт не дело! Свсем на скелет стал похож!

Старина Гарри был действительно рад, несказанно рад слышать голос своего старого друга. Но он слегка подзабыл, что мультимедийная система в его доме настроена не принимать видеосигнал в санузле. И тот, кого он принял за отощавшего Энтони, действительно походил на скелет. На череп.

— *Извини, брат,* — протяжно сказал электронный голос Господа Энтони, Сокрушающего и Воскрешающего Битом, — *дела-дела, как будто и не было отпуска и прочего интересного. Ты чего такой убитый?*

— Да как сказа-ать... — задумался Гарри. — Че-то не помню уже. Черт, я как на гребаном экзамене: только спросили — и облажался! Об-ла-жал-ся!

— *Да ладно, Гарри, все проблемы мужчины из-за двух вещей — бабла и баб! С баблом, насколько я знаю, у тебя проблем нет.*

— Бабло лишним не бывает! — Толстяк надрывно заржал. Через какое-то время он заметил, что собеседник его не смеется и серьезно блестит костистой лысиной. — А с бабами... с бабами... да, с бабами. И че-то там еще было, но бабы точно есть! Ванда! Мы с ней опять пособачились.

— *Настолько, чтобы так убиться?* — спросил Дружелюбный Бог.

— Говорю же, не помню я. Ну вот, смотри. ВАНДА! — Аудиосистема отключилась сама собой, дабы не мешать хозяину кричать во всю глотку. Никто Гарри не ответил. — ВАНДА! ВАНДА, ТЫ, ГРЕБАНАЯ СУКА, ИДИ СЮДА! Ну, вот видишь? Нету ее. Знач настолько. Да и пошла она на хрен! Ты со мной, чувак, и это зашиби-ись.

— *Да, брат, это зашибись. Но все же я чего-то не пойму, какие у вас могут быть*

проблемы? В смысле, я знаю, что у тебя с Вандой не совсем стандартная ситуация, все дела... Ладно, скажу честно — ни хрена я не понимаю! Я никогда вам не мешал, даже в тот раз...

— Черт, чувак, ну что тут сложного?! Чего хотят все женщины, даже такие, как Ванда? Гребаную семью и тучу гребаных детей!

— Эм... — Господь мира земного призадумался, в пустых глазницах притихло кровавое пламя. — Думаю, вы оба в курсе, что это невозможно по законам природы?

— ДА В КУРСЕ МЫ, ОБА! — Заорал толстяк.

По лицу его покатились слезы, мгновенно, точно его прорвало. И без того красные глаза Гарри теперь выглядели совсем уж нездорово. Он рыдал, уткнувшись лицом в широкие ладони, со спущенными штанами, обкуренный и совершенно разбитый.

Кровавый Бог, его лучший друг, знающий все его тайны, каких не найти даже в захлавленной истории браузера Гарри, никуда не спешил. Всякий бог многолик. Он может быть везде и нигде, и даже всюду, стоит только захотеть. И сейчас бестелесный гость с голосом Энтони общался с его лучшим другом всего несколькими терабайтами своей личности. Не так уж много внимания для одного человека.

— И в чем проблема?

— Она не хочет ложиться под нож! — Столь же неожиданно толстяк пришел в себя. Речь его стала четкой и внятной. — Да понятно, почему — толку от этого ноль, одни лишь декорации. Нет, она хочет стать матерью, сама, без долбаного клонирования, суррогатства и прочей херни.

— Ну, насколько мне известно, на Земле таких операций не проводится. Разве что на Марсе, и то денег это стоит, наверняка, немалых. — Бог явно кривил душой, он все прекрасно знал, и уже продумал несколько вариантов развития событий.

— Да, не проводится... — Гарри глубоко вздохнул и стыдливо утерся рукой. — А для чего, по-твоему, я сижу на этой работе? Ты же меня знаешь, чувак, мне много не надо — пожрать, нажраться и передернуть пару раз. А тут... ради кого-то. Ради чего-то. Ради нее.

— Верю, брат, верю. Просто хочу задать вполне логичный и законный вопрос — стоит ли оно того?

Толстяк жалобно приподнял голову, упершись взглядом куда-то ниже кровавых глаз своего туалетного собеседника. Ему было стыдно за себя. И при этом он чувствовал в себе какую-то гордость, жажду самопожертвования. Даже плечи его начали медленно выпрямляться, захрустела затекшая спина.

— Все ведь можно сделать гораздо проще, как задумано природой. Мальчик и девочка, от Господа Бога закон такой есть — плодитесь и размножайтесь. А есть ли смысл делать из... этого... женщину?

— Я знаю, что я больной на всю голову, — сказал Гарри. Голос его загредел в тесной коробке санузла, — мне это уже тысячу раз говорили. Если бы я и Ванда встретились не сейчас, а сотню-другую лет назад, можно было бы только повеситься от позора. Больной, извращенец, членосос — до хрена всего уже слышал, спасибо, обойдусь. Но тут другая ситуация. Все можно исправить! Никаких декораций, отрезаний и пришиваний чужих органов! Спасибо «Рейнбах» и господам генетикам, теперь ты можешь быть тем, кем хочешь! Разве Господь не мог ошибиться? Почему мы не можем быть теми, кем хотим? Можем! И этого я хочу — сделать Ванду настоящей женщиной, завести нормальную семью и забыть все это дерьмо, как страшный сон. Чувак, пойми, я еще ни с кем не чувствовал себя

так, как с ней. Это не может быть простой тягой потрахаться — я не верю!

— Ну хорошо, ты достигнешь своей цели — а что дальше? — Бессмертный был неумолим, серьезен, словно экзекутор. — Не охладеешь ты к настоящей женщине, сможешь ли жить в семье, о которой так мечтаешь?

— Да, смогу! И сделаю все, что смогу ради этого! — едва не кричал толстяк.

— Ты уверен, Гарри?

— ДА, ЧЕРТ ПОБЕРИ, ДА!!!

Череп оскалил пиксельную пасть. Перед ним сидел уже не обдолбанный жирдяй, убитый противоестественным горем, а настоящий воин, пусть и застигнутый в весьма нелицеприятной ситуации. Гарри был готов подчиняться. Как пес жаждет сладкой кости, так и он жаждет победы, достижения свой цели.

И как истинный Бог, Владыка Смерти очень щедр к тем, кого любит.

— Хорошо, брат, я тебе верю, — добродушно просмеялся он. — Да, технологии нас калечат, и нас же исправляют. Я тебе помогу.

Гарри недоуменно уставился в кровавые глазницы.

— Да, да, не удивляйся. В последнее время многое изменилось, и мне довелось познакомиться с парой-тройкой крутых ребят. Я все устрою, можешь отдыхать.

Уже который раз Гарри меняется в лице столь стремительно, что диву даешься. Спасибо синтетическим наркотикам. Благодарная улыбка растянулась по небритой морде, и голос его снова срывался на плач.

— Спасибо, чувак, спасибо... — прохныкал он. — Спасибо... у меня немного, но я все отдам, клянусь!

— Не надо, брат, успокойся. Все по дружбе, во благо человечества и по закону Дао, щедрого в воздаянии, — просмеялся Господь Энтони-Череп.

— Не-не-не, так нельзя! Проси, чего хочешь, все сделаю! Ты знаешь, я за слова отвечаю!

— Отвечаешь, конечно, без проблем. Ну, если так хочешь, то можешь кое-что сделать.

Гарри внимательно слушал своего благодетеля, внимая помутненным сознанием словам виртуального черепа. О чем они говорили, мы не узнаем, уже больно тихо они смеялись и перешептывались. Но в чем сомневаться явно не стоит, Бог Кровавой Косы запросил справедливую цену за свои услуги.

И Гарри с радостью оплатит свой долг перед ним.

А теперь, дамы и господа, давайте немного порассуждаем. Тема вполне свободная — человеческие желания. Присаживайтесь поудобнее, включите классическую музыку, или джаз, или еще что-нибудь расслабляющее, мы же возвышенные философы, эстеты человеческого духа, все дела. Налейте себе чего-нибудь раскрепощающего (или забейте, кому что по вкусу) и включите воображение.

Сделали? Молодцы, давайте начинать.

Так чего желает человек? О, ответов просто не счесть. Денег, славы, реализации собственного таланта и прочих потенциальных возможностей. Все зависит от окружающих его реалий. Человек всегда хочет большего. Не важно, чего. Больше, больше, больше денег, больше власти, больше удовольствий, мыслимых и не задуманных природой.

Откуда проистекают желания? Это просто, из инстинктов, обозначающих наши первичные потребности. Вкуснее есть, теплее спать, стать во главе стаи, дабы иметь

красивых самок и стабильные подношения со стороны братьев своих меньших. Для женской части все несколько иначе, но в наше время половая идентификация итак сильно подточена, так что возьмем вышесказанное за основу.

К чему желания приводят? К стагнации, друзья. Трактовать ли этот факт с позиции тщетности бытия или простого успокоения по мере насыщения наших бездонных утроб — решайте сами. После стагнации наступает черед новых, откладываемых в долгий ящик потребностей. И так до бесконечности, раз за разом, ибо застыть в совершенном равновесии — это смерть. Но, в конечном счете, все в жизни человеческой ведет к смерти, так что каждый, даже самый грешный пред всеми богами человек, удостоится своей Нирваны, видения Бога и слияния с Абсолютом.

Но до этого торжественного момента стоит еще дожить. И пока мы живем, можно задаться вопросом, как же удовлетворяются наши потребности. В древнем мире это было достаточно просто. Технически, разумеется, ибо что может быть проще — протянуть руку и стянуть с дерева плод или свернуть шею какому-нибудь зверю во имя сытости детишек и теплой шкуры на зиму. На практике это приводило к длительному голоданию в поисках заветного деревца или норки, отравлениям, возможности самому стать чьим-то кормом, даже своим соплеменникам.

Несколько позже, когда человек заметил, что можно жить комфортнее, меньше напрягая и без того мощную мускулатуру и слегка напряжи мозг и соорудил себе «костыль». Благодаря многочисленным модификациям палки-копалки люди смогли эффективнее добывать пропитание, отбирать блага у себе подобных и жить, в общем-то, не утомляя себя ничем.

Примерно в таком формате люди живут сейчас. У них всегда есть, чем набить живот, занять разум и шаловливые руки. Спасибо прекраснейшей на свете корпорации, создавшей реальный Рог изобилия. Все физические потребности удовлетворены, всеобъемлющая Сеть позволяет работать и развиваться в каком угодно русле, не вставая с дивана.

Но человек всегда чего-то хочет. У него есть сотни, тысячи вариантов достижения индивидуального успеха и осуществления всех желаний. И есть один путь, о котором не упоминалось в словах о старом добром прошлом и способах удовлетворения потребностей собственными руками. Боги. Существа, понятия, силы, можно звать их как угодно, они — части общемировой системы, но стоящие столь высокого, что их мнение о человеческой системе гораздо весомее, чем любого из королей и президентов. Они всегда прислушивались к тем, кто находился к ним ближе по тем или иным критериям.

А теперь представьте, что такой бог гуляет здесь, рядом с нами, по твердой земле, как в древности. И его способен увидеть и попросить о помощи всякий, кто пожелает. И у этого бога есть сила, виртуальная, но производящая вполне реальные явления: перевод денег с одного электронного счета на другой, подмена деклараций и заявлений, все, что так или иначе проходит через Сеть, находится в его руках.

И вообразите еще одну замечательную вещь: этот бог всегда с вами. Он не осуждает, не требует от вас превозмогать или жертвовать собой во имя непонятно чего, а почему? Потому, что его желания — это ваши желания. Загрузите в свой мозг своего возлюбленного Господа, и он не покинет вас никогда!

Чего вы хотите?

Попробовать ту симпатичную старшеклассницу? Бог подскажет и согласует, все в

лучшем виде.

А может вы благородный творец, не имеющий возможности показать свой талант изголодавшейся по свежатине общественности? Не сомневайтесь, талант везде пробьется, а с помощью Бога — гарантированно.

А может, вы хотите жить вечно? Не вопрос! Скопируйте свою матрицу личности на доступный носитель или один из принадлежащих Ему серверов, и носитеесь в информационном пространстве в качестве всемогущего призрака, слуги вашего Бога (как уже сделали некоторые смельчаки). Остается лишь дождаться возможности вселить виртуальное сознание в новое тело, но, поверьте, вам итак будет, чем заняться.

Причащайтесь Его милостью у любого экрана, возносите мольбы и проводите ритуалы у величайшего и вседоступного алтаря — точки доступа в Сеть!

Но у всякого тайного общества есть одно главное правило: непосвященным доступ закрыт. Будьте верны своему культу и разбрасывайтесь Его милостью перед теми, кого Он не удостоил своим вниманием. Пусть всемогущая сила остается лишь неприметной иконкой на вашем рабочем столе, зашифрованной ссылкой на краю нейроинтерфейса.

Заманчиво, правда? Вы бы с радостью отдали себя целиком во власть такого Бога. Да-да, отдались с потрохами, не надо стесняться. К чему мы выводим эту логическую цепь? Что ж, давайте рассмотрим на наглядном примере.

Прошло каких-то пару месяцев, а культ Сеньора ла Муэрте (в новой редакции) уже расползся по всему городу-муравейнику и даже в некоторые соседние страны. Люди просили у кровоточащего черепа мирских благ, и он исправно поддерживал свой авторитет, прося взамен какие-нибудь малозначительные услуги. Два абсолютно не знакомых человека в многомиллионной толпе узнают друг друга просто по странной искорке, мелькнувшей во взгляде. И еще два, и еще, и еще, и так до бесконечности, от самых низов, где люди теснятся в малогабаритных жилых отсеках рядом с подземными коммуникациями под светом ультрафиолетовых ламп, до самых верхов стратосферы, где обитают современные «олимпийцы» — хозяева политики и властелины финансовых потоков. Ходят слухи, что и в самой канализации живет таинственный народец. Мутанты, пережитки стародавних времен, когда радиационные и химические отходы просачивались в грунтовые воды... Но им связь с современной цивилизацией вряд ли грозит.

Культ, как понятно из вышесказанного, не бедствует и, не смотря на весьма разнообразные желания своих приверженцев, еще не обрушил общество в бездну анархии и вседозволенности. И как-то очень быстро, практически незаметно для себя, к тайному обществу Бога Кровавой Косы приобщились и все марсианские революционеры, засланные на Землю с целью проведения диверсий и распространения пропаганды. Ни одного теракта, ни одной вылазки на предприятия «Рейнбах» не произошло с тех времен. Почему? Элементарно: Вседержитель поставлял им всю необходимую информацию в таких объемах, о каких разрозненные ячейки коммунистов могли лишь мечтать в своих самых влажных снах. И даже скрываться от спецслужб не было никакой надобности, в руках Господа любая информация будет в полнейшей безопасности. С одним условием — все действия должны быть согласованы с Его волей.

И ни слова непосвященным!

Но перенесемся из мира фантазий в мир вполне реальный. И сейчас в нем происходит следующее.

Наступила зима. Мягкий снег падает с хмурого неба на блестящие гладкие крыши небоскребов. Андроиды трудятся не покладая рук, испаряя морозную благодать с дорог и перил, дабы ни один житель по случайности не слетел куда-нибудь за ограду. В такую погоду вывески смотрятся особенно красочно, поблескивая кристалликами влаги, осевшей на излучателях. Приближается Рождество. Всеобщий любимец святой Николай, ни капли не похудевший за последние сотни лет, улыбается со всех сторон в окружении волшебных оленей, елей и поработанных языческих коротышек в зеленых колпачках. Кругом сует толпа, в эти дни особенно веселая и добродушная. В руках подарки и визгливая ребятня в модных терморегулирующих курточках.

Во всевозможных кафе и ресторанчиках за прозрачными стенами в мягком свете электронных каминов и голографических ламп накаливания греются парочки и прочий веселый люд, попивая ароматные напитки и угощаясь мороженым. Кофе, сливки, тертый шоколад, зефир, ягоды, фрукты — благодать. И дабы еще немного утеплить атмосферу, из проигрывателя звучит замечательная песня Боба Кросби «Dear hearts and gentle people».

Немного странно в этом окружении смотрелся Гарри. Он нервно шевелил пальцами по

столу, перегоняя и сворачивая одни ему видимые окна браузера. Нейроинтерфейс еще не совсем прижился, как говорят ему врачи, и могут возникать неожиданные побочные эффекты: головные боли, дрожание конечностей и периодические отключения устройства при сбоях. Но это пройдет, обязательно, корпорация «Рейнбах» дает пожизненную гарантию и обслуживание всем своим клиентам.

Да, все это периодически случалось, но на сей раз руки здоровяка дрожали не из-за сбоев электроники. Он ждал своего друга. За то время, что они не виделись, Гарри открыл для себя множество чудес дополненной реальности и, в частности, виртуального Бога. Он и привел здоровяка в непривычное для него заведение, обещая взамен личную встречу с Господом Энтони.

Оставалось несколько минут, Гарри нервничал. У него было достаточно проблем, чтобы выпивать третью кружку кофе подряд. Очень хотелось курить. Он щелкнул пальцами, попросил летающего колобка организовать ему курительную зону и достал пачку. Серый туман окружил Гарри со всех сторон, ограниченный силовым полем робота, и медленно втянулся в его мерно гудящее тельце.

Столько времени ни слуху, ни духу от Энтони, в офисе о нем и думать забыли, всем словно наплевать на исчезновение своего сослуживца. Просто растворился в небытии один маловажный винтик системы — не беда, на его место найдут другого. И с Вандой все совсем туго. Слишком часто пропадает неизвестно где, и возвращается в таком состоянии, что Гарри хотелось то ли взяться за нож из ревности, то ли умереть самому. Вдобавок корпоративные боссы решили увеличить нагрузку на отдел, и теперь работать в свое удовольствие не получалось, приходилось по-настоящему пахать, к чему изнеженные жители верхних уровней не привыкли.

— *Здорово, брат.*

Здоровяк чуть не схватился за сердце. За серфингом в Сети он и не заметил, как его друг сел напротив. Лысый, но без шрамов, Энтони смотрел на него с какой-то сочувственной улыбкой. Словно был виноват перед ним.

— Энтони, чувак... — Гарри на радостях потянулся через столик.

— *Не надо,* — отрезал Энтони. Здоровяк в мгновение сжался и медленно сел на место. — *Давно не виделись.*

— Целую вечность. — Гарри колотила нервная дрожь. Энтони уже совсем не тот человек, которого он знал с детства. Исчез депрессивный философ, осталась машина, в меру добродушная и вежливая. Почему-то здоровяк не мог рассмотреть его глаза, точно едва заметный туман смазывал штрихи знакомого лица. — Как дела?

— *Обширные и бесконечные, Гарри. А вот у тебя они налаживаются.*

— В смысле?

Энтони сунул руку в нагрудный карман куртки и достал аккуратный ровный конверт. Алый череп на печати жизнерадостно скалился в мягком свете кафе.

— Так быстро?.. — потупился здоровяк, почесав небритый подбородок. — Чувак, мы столько не виделись, у меня столько всего...

— *Я все знаю, Гарри.* — Даже голос уже не тот, подумал Гарри. — *Ты даже не представляешь, сколько всего. Особенно с тех пор, когда ты вишил себе нейро. У меня все прекрасно, впервые за столько лет. К сожалению, у меня мало времени, так что давай ближе к делу.*

Несуразный в наше время конверт подвинулся ближе к здоровяку. Гарри осторожно взял

его за край, не зная, чего ожидать от столь оригинального подарка.

— Что это? — сказал он. Алый сургуч едва заметно сверкнул, череп содрогнулся скопом пикселей и растворился в бумаге.

— *То, о чем мы договаривались.*

Конверт распался в руках Гарри и через мгновение перед его глазами всплыл заархивированный файл. Здоровяк мельком пробежал глазами по списку документов и обомлел. Вскрыл архив. Виза на Марс, сертификат пластической клиники, билеты на космолет. Все оплачено, помечено печатями и тоннами удостоверительных кодов.

— Чува-а-ак... — Желание обнять друга и страх перед ним бешено давили друг на друга, перехватывая Гарри дыхание. — Ты... как... Это все Он устроил, да?

— *Считай, что так. Оплати долг и можешь с чистой совестью валить за облака, навстречу своему генномодифицированному счастью.*

— Конечно, конечно... — Гарри резко запнулся. — А... Энтони, у меня пока нет таких денег, на депозите где-то половина наберется, но я все обязательно отдам, клянусь!

— *Брат, успокойся, все гораздо проще.* — На лице старого друга заиграла едва заметная улыбка. — *Там есть еще несколько файлов. Приди в назначенное время в назначенное место.*

— А там что? — Здравый смысл еще пробивался за могучей стеной накатившего счастья и не давал здоровяку спокойно принять столь щедрый подарок. И этот же здравый смысл уверял его, что Энтони не может врать. Просто не может врать единственный, настоящий друг. Противоречия неприятно ворочались в груди Гарри.

— *Встретишься с нашими братьями. Дальше — по обстоятельствам. Да, твой унинструмент все еще у тебя, верно?*

— В ремонте, но на днях вернут.

— *Верно, что-то я забылся.* — Взгляд Энтони на мгновение устремился куда-то кверху, под раскрашенный красным и белым потолок. — *Ключ от последнего файла получишь в тот же день через выделенный канал. Закачай в унинструмент. Сделаешь?*

Может быть Гарри стоило призадуматься хоть на этот раз. Но, тем не менее, он поступил так, как посчитал нужным. Был ли его выбор верным или нет — знает только Господь. Господь Энтони, Владыка Кровавой Косы. Он же Сеньор ля Муэрте, или просто «SLM.EXE».

— Сделаю.

— *Тогда удачи, брат.*

Видимо, он успел ненадолго задремать. Стоило Гарри лишь моргнуть, и Энтони исчез столь же неожиданно, как и появился. Не было конверта, стул напротив его столика был задвинут, дрон исправно втягивал дым почти истлевшей в руках здоровяка сигареты. Но файлы остались, нейро все помнит. Чертовщина какая-то.

Документы получены, рабочий день давно закончился, и Гарри решил все-таки пролистать в Сети список подарков, какие бы понравились Ванде. По сравнению с подарком Энтони это будет сущим пшиком, но ведь скоро Рождество.

Доступ разрешен.

Дверь лифта с тихим шипением отъехала в сторону. Энтони вошел внутрь, поглаживая швы новенького костюма. Шерсть, и покрой приятный, цвет черный, практичный, но Чу

малость не угадала с размером. Совсем немного. «Порвется или нет?» — мелькнуло в голове у парня.

Кабина опускалась почти бесшумно. За что можно похвалить «Рейнбах», в лифтах закрытых отделов напрочь отсутствовала надоевшая до боли реклама. Лифты, лифты-лифты-лифты, вверх-вниз, с небес на землю и обратно. Сейчас кто-то очень хитрый и могучий спустится в самый настоящий Ад — тайную лабораторию всеми любимой корпорации.

Состояние инфосферы: режим маскировки активен, доступ незарегистрированным пользователям ограничен.

— Как дела, Али? — сказал он в мыслях своих.

— Хвала Аллаху, все спокойно, — ответил ему голос с густым восточным акцентом.

Два десятка голосов вторили ему, перебивали друг друга, обмениваясь байтами информации. Бестелесные матрицы личности. Перетекают по волнам беспроводной связи от устройства к устройству, маленькая незаметная армия разумных вирусов, совершенней которых не найти. Ведь это человеческие души. Мертвецы на службе Бога Костей. Кибершаманизм в действии!

Но главный, разумеется, Али — первый хакер, отдавший себя в жертву SLM. Кто бы мог подумать, что этот араб-метис поддастся не своей восточной половине, а корыстной стороне матери-француженки? Теперь ему и сам Аллах не судья, ибо тело его уже давно кремировано, слезы плакальщиц иссохли, а душа Али живет и продолжает куролесить и вникать в тайны «злых корпораций, поработивших мир». Нескованные плотью таланты хакера очень пригодились виртуальному Господу и его новому культу. Разве что привычки в речи никуда не исчезли.

— *Вот и замечательно. Не отходите далеко, чтобы все обошлось без крови.*

— *Ты в курсе, что вероятность силового конфликта...*

— *Знаю, Али. Просмотри список братьев, находящихся на дежурстве.*

— *Двенадцать человек, в основном обслуживающий персонал. Три сотрудника охраны.*

— *Остальные оборудованы нейро?*

— *Да.*

— *Тогда придется немного покукловодить. Как у тебя с актерскими данными?*

— *Обделен до полной нищеты, Энтони.* — Парню на секунду показалось, что электронный голос в его черепе едва слышно вздохнул.

— *Тогда ты прав — без крови не обойдется.*

— *А вот это мне жутко по душе! А вам, ребята?*

Куча радостных восклицаний. Если бы не форма общения, Энтони бы просматривал на виртуальной панели кучу смайликов и пародийных картинок. Иероглифическое мышление у людей все же не отпало, им легче выразить свою мысль абстрактным образом, чем рациональным сочетанием фонем.

Разноцветные искры пляшут по невидимым линиям, пронзая мозг Энтони, ежесекундно обновляя информацию об окружающей обстановке. Камеры слежения подключены, система управления дверьми почти поддалась, ребята с этим быстро справятся. Что тут у нас... Стерильная обстановка, десятки карантинных переходов, люди в белых халатах и респираторах. И, словно для красоты, аспидно-черные солдаты охраны в своих любимых отражающих шлемах. Болтают, перекидываются музыкой, видео и фотографиями. Порно. Много порно. Не одно только порно, но все же порно.

Лифт останавливается на нужном этаже и отворяет двери.

Охрана в мгновение ока становится по стойке смирно, глядя на посетителя. Табельное оружие не раскрыто, в случае внезапной атаки они не успеют среагировать, сколько бы электроники ни было вкручено в их натренированную плоть. Между ними голубое поле сканера, позади — длинный блестящий коридор, по которому то и дело снуют лаборанты, по бокам — посты охраны с еще тремя бойцами в каждой. При желании они могут просто заслонить собой проход и расстрелять вошедшего практически в упор.

— *Приготовились.*

Энтони смело направился вперед. Первый охранник молча кивнул ему, провожая взглядом до фотонной преграды. Статическое электричество мягко щекочет кожу, проникает внутрь, сканируя всю его подноготную. Где-то там в электронных мозгах засел Ульрих, выстраивая для стражей идеально чистую картину рядового сотрудника лаборатории.

Машина одобрительно пищит.

— Проходите, — добродушно сказал охранник, вновь прислоняясь к пригретой стене. — Удачного дня.

Незванный гость участливо кивает и едва заметно улыбается. Камеры наблюдения тщательно фиксируют каждый его шаг, но всякий, кто решит посмотреть запись, увидит лишь битые пиксели. Спасибо Ченю. Чень молодец, опыт подделки гражданства пришелся как раз кстати.

— Сэр, остановитесь, пожалуйста.

Энтони знатно выругался в мыслях своих. Обернулся. Охранник медленно подошел к нему, поигрывая пальцами правой руки. Связывается с базой данных. Черт побери, ребята облажались очень не вовремя.

— *Джон?*

Инфосеть пронзила едва заметная вспышка. Джон пробил брешь в защите нейроинтерфейса охранника и сейчас быстро перехватывал контроль над его телом. Внешне это никак не выразалось, разве что можно новую марионетку подхватывал едва заметный нервный тик. Поколебавшись чуть дольше секунды, страж расслабился, опустил плечи и тут же выпрямился в полный рост.

— Прошу прощения, ошибся, — сказал он и пошел обратно.

Лучше так, чем никак, подумал Энтони. В случае отступления теперь есть прикрытие. Остается надеяться, что Джон сумеет убедительно сыграть роль охранника, личность которого он только что уничтожил.

— *Ребята, какого черта?! — возмутился он в мыслях своих.*

— *Извини, друг, больше такого не случится,* — отвечали подчиненные ему духи на разный лад.

Они вели его по виртуальной нити, меж множества отделов, где лучшие умы человечества мастерили будущие хиты продаж и вершили тихие и вдумчивые революции в науке и технике. За прозрачными дверями формировались из света новые виды протезов, тестировалось фотонное оружие, собирались и разбирались бытовые роботы, похожие на людей и не слишком, всех новшеств и не перечислить. Но Энтони шел все глубже и глубже.

Пройдя еще несколько сканеров, он наконец прошел за заветные двери. в огромных колбах с физраствором плавали люди, напичканные фотонными трубками. Молодые и не очень, разных рас и телосложений. Объединяло их только одно — сияющие нити, пронзающие тела насквозь.

— Вот вы где, — прошептал Энтони.

Ученые мужи продолжали колдовать над виртуальными панелями. Их взгляды скользили от одних цифр к другим, изредка задевая застывшего аки камень гостя. Вот как Энтони переродился. Его собратья по несчастью тоже не отличались целостностью покровов, едва заметно затягивающихся в мягком сиянии внутреннего света. Вывернутые конечности, торчащие кости, рваные раны на животе и груди. У одного парня даже отсутствовала верхняя половина черепа. Она медленно формировалась заново, миллиметр за миллиметром наращивая новую плоть.

Энтони подошел ближе, положил руку на инфопанель. Все сотрудники «Рейнбах», на первый взгляд ничем не связаны между собой. Девушка в колбе перед ним резко тряхнула головой в респираторе и тут же успокоилась. На мгновение очнулась от восстанавливающего сна. Сибилла Фергюсон, двадцать три года. Рост — сто шестьдесят два сантиметра. Цвет волос — рыжий. Цвет глаз — карий. Группа крови — третья отрицательная. Полное досье Энтони оставил в стороне, пытаясь проанализировать ее состояние. Открытая рана в сердце затянулась полностью, остался лишь едва заметный шрам на скромной груди. Бытовой конфликт на почве ревности. Интересно.

Она выдержит пробуждение. Она, и еще пять человек. Остальные умрут сегодня, не выходя из блаженного сна.

Наконец один из чудотворцев в белых халатах обратил внимание на молодого человека, что не сводил пристального взгляда с обнаженной девицы и вежливо прокашлялся. Парень не обратил внимания.

— Эм, сэр? — хрипловатым голосом произнес доктор.

— *Все же я не уверен, стоит ли действовать столь радикально?* — Энтони было не по душе то, что предлагал SLM. Превратить его собратьев по несчастью в марионеток, как того охранника, он считал не очень разумным. Безусловно, это несло свои выгоды, но у любого обстоятельства есть как минимум два пути развития. Неужели нельзя обрести апостолов, взывая к их сердцам, а не сжигая их духом Божьим напрямую?

— Сэр, вам что-то нужно? — чуть громче произнес ученый.

— *Не сомневайся в Нем, брат,* — твердо заявил Али. — *Его вычислительной мощности достаточно, чтобы сделать правильный выбор. Если Он сказал, что это самый оптимальный шаг, значит, так оно и есть.*

— *Оптимальный, с этим спорить не собираюсь. Только что-то меня все-таки тревожит. Будто есть иная выгода, которую Он упускает из виду. Хотя...*

— *Что, брат?*

— *Может быть это обыкновенное человеколюбие?* — вмешалась Оливия. Ей в управление и должно было достаться тело Сибиллы. — *Мне тоже иногда жалко тех, с кем мы «работаем». Но через какое-то время я понимаю, что это не рационально, и уж точно не истина в последней инстанции.*

— *Тебе стоило меньше просиживать в Сети, сестра,* — усмехнулся Энтони. Здоровая молодая девушка не могла произнести таких слов. Но Оливия могла. Можно ли считать здоровым человека, согласившегося добровольно лишиться себя всего просто так, одномоментно, без особого повода и мотивации? Виртуальная реальность плохо влияет на умных, в меру симпатичных девушек.

— Сэр, с вами все в порядке? — Эскулап уже не стесняясь потряс Энтони за руку.

Парень медленно обратил на него взор. Азиат, слегка за сорок, среди контактов имеются несколько последователей SLM. Хорошо, пусть живет.

— *Ладно, ребята, начнем.*

Пациенты затряслись в бесконечных конвульсиях. Персонал мгновенно позабыл об Энтони и принялся спасать капиталовложения своих господ.

Жертвы экспериментов и не думали успокаиваться. Химия струилась по их венам, пытаясь вогнать разбухшие от бесконечного сна мозги в былой ступор, но все тщетно. Электронная прошивка выдавливала из тела системы жизнеобеспечения, спешно затягивала незначительные увечья. Те подопытные, что не успели восстановиться полностью, встретили свой конец. С глухим хлопком синтетические нити дезинтегрировали, расплескав своих хозяев по прозрачным стенам медицинских капсул.

— ГОСПОДИ! — раздавалось тут и там. С каждым новым хлопком истошные крики крепки. — СДЕЛАЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ!

Бесконечные вопли, ругань, указания проносились мимо Энтони. Пару раз его даже чуть не сбили с ног суетливые муравьи в белых халатах, а он все стоял и наблюдал, как миллиарды валютных единиц его любимой корпорации буквально смываются в унитаз вместе с багровым бульоном из человечины. Оставшиеся в живых обнаженные люди медленно оседали на дне, ворочали непослушными конечностями, даже бились головой о стекло.

— *Ну, господа, добро пожаловать в реальный мир,* — усмехнулся Господь Энтони и простер длань свою ввысь.

Померк свет, заискрились приборы, ученые пали ниц перед Богом, содрогаясь в мучительной агонии перерождения. Благой вирус запущен в сеть. Люди меняются, приходят к новому Повелителю, а кто сопротивляется и не желает отдать душу свою в чашу Его... их тела занимают верные ангелы Господни. Теперь незачем скрываться, Сеньор ля Муэрте получил свое. Теперь Он хозяин всех этих душ и композитных катакомб.

Ну, почти. Энтони исполнил все, что приказал ему SLM, но в чем же подвох? Об этом мы узнаем чуть позже, дамы и господа. Не скучайте!

Вот и наступило Рождество. Праздничная атмосфера накалена до предела. Кто-то празднует его дома в кампании близких друзей и родных, кто-то идет в бар с ними же и дружно поднимает бокал во имя светлого праздника или просто так.

А есть и те, кто молча смотрит на огромную башню корпорации «Рейнбах», собравшись в плотную толпу, и ожидает обращения президента компании, Вильгельма Рейнбаха. Среди них затесался и Гарри. Он рассеянно озирался по сторонам, пытаясь найти хоть одно знакомое лицо. Не получалось.

Пьяные крики уже всюду разносились по улице, кое-где в небо взмывали одинокие праздничные салюты, скрашивая собравшимся ожидание чуда. Здоровяк заметно нервничал, в отличие от остальных, его пальцы поигрывали на кнопке включения униинструмента, а в руке тлела очередная сигарета. В этот замечательный день, а точнее, вечер, даже полицейские, казалось, наплевали на закон о курении в общественных местах и сами со сдержанной радостью курили и незаметно потягивали согревающее из бутылок в бумажных пакетах.

— Вы Гарри?

Здоровяк едва не подавился жгучим дымом. Шикарного вида смуглянка смотрела на

него снизу-вверх столь приветливо и радостно, что Гарри невольно сжался. Зимы в этом муравейнике мягкие, а парня все равно пробирали мурашки, и кусок льда где-то в груди стремительно разрастался.

— Да, в точности, как Он рассказывал, — рассмеялась она. — Меня зовут Валери.

— А, точно. — Гарри расплылся в виноватой улыбке. — Добрый вечер. Энтони сказал...

— Не поминайте всуе! — Смуглянка резко изменилась в лице, но тут же оттаяла и продолжила. — Вы скачали Его файл?

— Конечно, разумеется.

— Замечательно, Гарри. Сейчас мы просто стоим и ждем вестей от Него. Он говорил, что вы когда-то участвовали в соревнованиях по стрельбе?

Здоровяк едва не повалился на холодный пол. Он так и не удосужился проверить то, что установил в собственный униинструмент. Стрельба... Это же статья: незаконное хранение и распространение дистрибутивов фотонного оружия! Что же такого он скачал? Скорее всего, шокер, максимум пистолет, на большее мощности аккумулятора просто не хватит. Но, Господи Боже, спаси и помилуй... Господи, Господи, Господи...

Энтони, как ты мог?!

— Простите, но я на такое не подписывался... — опешил Гарри, нервно оглядываясь по сторонам. Две логичные мысли бились в его голове: молча исполнить то, что просил его друг, и наплевать на все и позвать полицейских.

За содействие властям с него наверняка снимут все обвинения (а их будет немало), и хранение оружия простят, а если повезет, то даже наградят орденом за поддержание порядка и борьбу с преступностью. Это хорошо.

Но тогда он лишится билета на Марс, сертификата для Ванды, возможности жить дальше и забыть все это как страшный сон... Много вещей в его жизни стоило просто перетерпеть. Взять себя за яйца, мужественно пройти сквозь дерьмо и тогда Гарри наверняка не оказался бы между молотом и наковальней. Так может, раз все это уже произошло, просто выдержать это испытание и наконец таки зажить счастливо?

— Ошибаетесь, очень ошибаетесь. — Энтузиазм смуглянки был абсолютно непробиваем. От пламени, пылающего в ее глазах дрожали ноги и сжималось сердце. Она точно не сомневается в Его воле. — Он давно все просчитал и предвидел это. Если вы оказались здесь, то все идет точно по плану.

В этот момент хмурое небо озарилось ярким светом. По всей площади небоскреба «Рейнбах» в лучах прожекторов выступил владелец компании, старина Вильгельм. Для своих семидесяти он выглядел не больше, чем на сорок. Здоровый образ жизни, макияж и генная инженерия творят чудеса. Благородная седина покрывает ухоженную шевелюру, сияющие зубы готовы буквально ослепить счастливых потребителей, а аккуратная борода придает ощущение важности и мудрости прожитых лет. О первом классе пиджаке и говорить нечего.

Не человек, а ходячий рекламный стереотип.

— Приветствую вас, дорогие мои сограждане, — приятным басом начал негласный владелец мира. — Поздравляю всех вас с наступающим Рождеством Христовым! В этот замечательный день я, Вильгельм Рейнбах, хочу пожелать вам всего наилучшего, чего бы вы ни хотели — пусть все обязательно сбудется. Наша корпорация уже не первый век обслуживает все человечество, снабжая вас, уважаемые клиенты, всевозможными благами. Побойсь показаться нескромным, но все же мне кажется, что я имею право произносить подобные слова: в нашей стране живут миллиарды людей, у каждого свой взгляд на

действительность, у каждого свои ценности и свои боги. Я хочу выразиться как христианин. Древние верили, что когда-то на землю явится Спаситель и избавит наш грешный мир от страданий. Однажды он явился в этот мир, больше двух тысяч лет назад, принес людям весть от Господа, но они не приняли его, и ему пришлось умереть за всех нас. С тех пор большая часть нашей планеты ждала и верила, что Спаситель явится снова и будет судить всех людей по делам их. По-моему, он уже давно пришел на Землю. Все вы знаете его под именем Йозеф Рейнбах. Конечно, это звучит слишком самонадеянно. Конца света не произошло, и он не был абсолютно свят, иначе я бы не мог зваться его правнуком. Но все же именно мой дальний предок совершил величайшее из всевозможных чудес. UMCMark I стал первым шагом человечества на пути к всеобщей благодати.

Собрание одномоментно выпрямилось и взялось за руки. Теплые пальцы Валери обхватили кисть Гарри, которую уже несколько секунд жег окурок. Здоровяк еще раз заглянул в ее сияющие глаза. Они смотрели куда-то сквозь необъятный голографический экран.

— Запускай, — сказала она.

Открылась скрытая папка в мозгу старшего программиста. Прозрачный ярлык «SLM.EXE» проявился. Вдохнув полной грудью, Гарри запустил установку несертифицированного софта.

ПРИМИ В СЕРДЦЕ ГОСПОДА!

— Благодаря последним достижениям нашей кампании в области трансформации материи, мы можем не бояться голода, болезней и дефицита чего бы то ни было. Везде, где присутствует «Рейнбах» — расцветает благодать. И все благодаря одному человеку. Он не был богат и известен, но у него была мечта. Мечта и талант — вот, что помогло моему предку открыть настоящий Рог изобилия. Он собрал вокруг себя людей и убедил их следовать за собой, и немногие откликнулись на его зов. Но когда он свершил свое чудо, весь мир потянулся за ним! Будьте с нами, объедините свои мечты с нами, и мы обещаем вам все блага, каких вы заслужите в нашей компании. Помните, каждому воздается по делам его, и только мечта — ваша путеводная звезда — укажет вам верное направление. Счастья и всего наилучшего. До новых встреч!

Добрый дедушка Вильгельм исчез со стены небоскреба. Несколько автомобилей пролетели неподалеку, видимо, запоздали на праздничный ужин. Но экран почему-то не гас. Полицейские недоуменно смотрели на терзаемое помехами полотно, не донеся до рта полупустую бутылку или тлеющую сигарету. Флешмоб перед входом в здание корпорации сильно затянулся.

Идеально белый свет экрана сменился на едва заметное темное сияние, в котором стоял высокий скелет со сверкающими красными глазницами. С его идеальных мертвых зубов падали в пустоту алые капли. Кровавый с черным балахон укрывал полое тело, белые пальцы плотно обхватили огромных размеров косу, а череп украшала корона из четырех распятий на обруче, и нимб из костей обрамлял зловещий лик.

— Конечно, дамы и господа, со святейшим праздником вас! — нечеловеческим голосом вещало чудовище из всех динамиков, даже из полицейской рации. От неожиданности курящий у машины страж закона опустил забрало своего шлема, забыв предварительно выкинуть окурок. Согнувшись пополам, он в панике пытался снять его, но ничего не

получалось. — *В этом замечательном городе живет множество прекрасных людей, и все они говорят на разных языках, так что давайте забудем про оригинальность и будем общаться на английском.*

Кровавый скелет мелькал тут и там. На месте улыбающегося Санты и его ручных зверьков теперь находился он. На каждой вывеске, каждом экране и мониторе, везде вещало нечеловеческим голосом неведомое чудище. Оно проникало в квартиры, тянуло свои костлявые щупальца в Сеть. Все слои населения, от богатых папенькиных сынков, потягивающих виски, пока их симпатичные подружки делают дело в районе ширинки, до дряхлых стариков, ютящихся возле старенького телевизионного излучателя где-то ниже уровня моря, окруженные толпой кричащих родственников и вопящих внуков-правнуков. Черные и белые, узкоглазые и вовсе слепые, все слышали и лицезрели зловещего мертвеца, внезапно заполонившего собой все каналы.

— *Дорогие друзья, — с наигранным дружелюбием начал монстр, — все, кто понимает меня, слушайте и внимайте. Если ваши друзья и родные не знают английского, будьте добры, переведите. Позвольте представиться: меня зовут Владыкой Смерти. Не волнуйтесь, несмотря на такое забавное имя, я никому не желаю покидать этот прекрасный мир. В нем ведь так много ПРЕКРАСНОГО! Я не чья-то злая шутка и не рекламный розыгрыш. У меня есть множество красивых и полезных вещей, которые я могу предложить вам. Старина Рейнбах только что говорил об этом, скажут некоторые из вас, и будут печально правы. Но позвольте развеять ваши сомнения. Где бы вы сейчас не находились, подойдите к ближайшему генератору доставки и выберите себе все, что вашей душе угодно. Ни одна корпорация на свете не предложит вам подобной акции, и самое главное — все совершенно бесплатно! Гражданство, счет в банке и прочие мелочи не имеют значения. Подойдите и попробуйте сами! — Грозный смех огласил весь город. — Я жду вас.*

И вот уже нерешительные кучки народа толпятся у заветных кормушек, нерешительно выбирая себе все, что придет в голову. Вот какая-то полная темнокожая женщина извлекает наружу роскошное золотое кольцо, усеянное рубинами тончайшей огранки, столь дорогое и вульгарное, что она никогда бы не смогла заработать на подобный аксессуар. Люди в шоке! Толпа движется быстрее. Вверх взмывает все, даже то, чего ожидать было очень сложно. Элитные марки алкоголя, драгоценности, книги, деликатесы, одежда, копии раритетного оружия — рог изобилия еще никогда не был так щедр к простому люду.

Спустя считанные минуты начинается столпотворение. Кое-где даже борьба за право первым прикоснуться к источнику нескончаемых благ. Стражи порядка, где они были, стояли в оцепенении. Кто-то даже присоединился к стонущему морю, распихивая сограждан шокерами. Почему-то все сошли с ума одновременно, настолько глубоко и безвозвратно, что никто уже и подумать не мог о неусыпном взоре системы безопасности. Но им повезло, сейчас она спала крепким сном, погруженная в грезу Владыкой Смерти.

Наблюдал Он за сими бесчинствами, и смех разрывал программный код Его. Электронный хохот раздавался над городом, лился из каждого динамика, нарастал в силе все громче и громче. И первыми содрогнулись те, что упали на колени у домашних генераторов доставки, в припадке жадности пытаясь скачать из перегруженной Сети объект своего вождения. Один за другим, еще и еще, больше и больше бесплатной роскоши, пока открыта кормушка вселенской щедрости. Потом очнулись те, кто имел свою голову на плечах и, отбросив жажду наживы, попятились от разбушевавшейся толпы. Бежали ли они по

опустевшим улицам поднебесных уровней, или толпились в тесных коридорах у центра Земли, но именно им особенно повезло в следующие мгновения.

Когда работники электростанций в ужасе наблюдали за ростом потребления энергии, реакторы готовы были взорваться и расщепить на атомы весь город и часть окрестных муравейников поменьше. И, естественно, дабы безумие человекозверя не превратило его же самого в кровавый пар, мудрые хранители энергии резко снизили ее подачу в город. Погасла вся мелкая электроника, включилось запасное питание, толпы возле уличных генераторов доставки пришли в неописуемую ярость.

Так пролилась первая кровь.

Ожоги от электричества, синяки и выбитые зубы резко перерастали в побоища. Где-то началась стрельба. Сверкали во всю запрещенные фотонные клинки и нелегализованные энергетические пистолеты. Лишенные руководства отряды полиции принялись по личной инициативе усмирять бушующий скот, устраивая баррикады из собственных автомобилей и фотонных заграждений. Служебных батарей было вполне достаточно, чтобы гарантировать стражам порядка собственную безопасность.

Когда борьба за бесплатные ценности превратилась в беспорядочную резню, Бог расхохотался во всю мощь. Голос Его резал слух и валил на землю всех, у кого были уши. Люди падали друг на друга, пытаясь хоть как-то укрыться от убийственного смеха, даже убежище чьего-то мертвого тела казалось им слаще этих ужасных звуков.

Наконец, когда Господь угомонил свой раскатистый хохот, электричество вновь потекло по жилам муравейника. Люди подняли залитые слезами и кровью лица к сияющему ореолу Владыки Смерти.

— *Как же легко вы готовы перегрызть друг другу глотки ради куска материи,* — строго сказал Он. — *Неужели вы не понимаете, что хватит ВСЕМ, без исключения. Только имейте уважение друг к другу и хоть каплю здравого смысла! Вы видели мою щедрость, и не прошло и часа, как вы осквернили ее!*

Страх и совесть проявились на окровавленных и покалеченных лицах. Кто держал оружие у горла своего мнимого врага, медленно погасил фотонный излучатель и отошел подальше. Лишь полицейские не пошевелились, нацелив оружие на толпу.

— *Но я не сержусь на вас, дети мои.* — Голос Бога Кровавой Косы стал мягким, певучим, сочувствующим. — *Я прощаю вам ваши оплошности. Смотрите на меня. Вы хотите жить счастливо, в достатке и сытости, занимаясь любимым делом? Я держу свои обещания. Смотрите, я являю вам печать мою. Все, кто подключен к Сети телом, примите ее и узрите меня. Те, кто свободен от электронных пут, смотрите в мои глаза. Я верю в вас, дети мои. Так поверьте в меня.*

ПРИМИТЕ В СЕРДЦЕ ГОСПОДА!

Муравейник живет своей обычной жизнью. Все его жители, от мала до велика, тихи и спокойны, на лицах их сияет счастье, даже если вчера они копошились в канализации, высматривая и латая невесть откуда берущиеся дыры. Привычная многим суэта незаметно сменилась четким направленным движением, словно каждый в городе знал, куда и зачем он идет.

Из других городов приезжали туристы и не верили своим глазам. Такого затишья и благодати в постпраздничные дни они не видели очень давно. Точно в таком же положении оказалась Анна, выходя из аэропорта. Ее собственный муравейник был чуть ли не точной копией того, что она видела сейчас. Все население города, казалось, было повязано какой-то общей тайной, сговором, до боли видимо и ясно выделяя приезжих из ухмыляющейся толпы.

Сумка через плечо оказалась тяжелей, чем Анне казалось ну другом конце земли. Списав это на акклиматизацию, девушка поправила розовые с желтым локоны и поймала одноместный такси-бот. Сгрузила свой небогатый груз в багажник, забралась внутрь.

— *Выберете пункт назначения,* — прошелестел ласковый женский голос.

— Где же... — Девушка открыла коммуникатор и принялась энергично листать органайзер. Спустя пару десятков заметок она наконец нашла необходимую. — Вот так.

— *Введите номер вашего счета.*

— Конечно, жадная машина. — Улыбающаяся рожица на ногте провела свой незатейливый танец по виртуальному циферблату.

— *Спасибо, что выбрали нашу компанию. Приятной поездки.*

Автоматическая кабинка захлопнула дверь и не спеша взмыла в воздух. Лимонного цвета капсула встроилась в косяк композитных рыбешек, сверкающих сигналами и гладкими боками в свете ясного зимнего утра. Даже здесь, на высоте, было на удивление тихо. Движение на аэротрассе просто образцовое. Никто не спешил обогнать соседа, посигналить или еще как-то затруднить жизнь собрату-автомобилисту. Из аудиосистемы раздавался бодрый электронный бит.

Анна посмотрела вниз. Она никогда не боялась высоты, даже столь очевидно... высокой. На широких улицах под снежными шапками покоились величественные деревья, возвращенные местными генными инженерами. Подвергались диффузии народные массы. Странно.

Еще неделю назад она бы и не подумала куда-то поехать, тем более полететь в другую страну к виртуальному другу. Хотя, с другой стороны, чем не удачный момент. С похорон матери прошел уже месяц, работать в таком состоянии Анна не могла, и вдруг недавно, словно по волшебству, появился Энтони. В самый нужный момент. Он сильно изменился за то время. Стал... добрее, что ли, вежливее... Анна не могла подобрать нужных слов. Но вот, спустя несколько дней плотного общения, извинений и обмена новостями, она сама решила приехать к нему. Энтони еще пошутил про то, что пока не стал известным писателем. Это было по-своему забавно. Они договорились встретиться в каком-то ресторанчике недалеко от центра города, поглазеть на местные достопримечательности, в общем, провести полный культурный обзор этого города. И это было хорошо, это было то, что нужно. То, что ей так необходимо. Уйти подальше, телом и душой.

Махнув рукой, девушка выключила радио, включила местное телевидение. Все то же

самое, что и в ее стране, все передачи сделаны под копирку, на скольких языках бы они ни шли. Даже новости одинаково лучезарно сверкают идеально ровными зубами подтянутых телеведущих. Спасибо декрету о классификации материалов в СМИ, никто не потревожит твою хрупкую психику новостями об убийствах, торговле наркотиками, политике и прочих нечистотах. Хочешь выбраться из информационной утопии и пощекотать себе нервы — добро пожаловать на просторы платных каналов.

К счастью, данная опция входила в стоимость поездки. От нечего делать Анна включила канал экстремальной музыки. Смесь первородной дикости и глэма сочится из экрана с невообразимой мощью. Аудиосистема трепещет от вырывающихся наружу звуков гитар, ударных и надрывного экстрим-вокала. Выкрашенный словно призрак вокалист сверкает янтарными глазами, смотрит прямо на девушку. На заднем плане скачут остальные участники группы, насилуя инфернального вида инструменты. Картина меняется. Затянутые в латексные ленты девицы скачут на огромной кровати, устланной бардовой тканью. Их лица белее снега, а волосы чернее мрака, царившего в кадре. Они избивают друг друга плетями, роняя почти натуральные слезы и разражаясь кровожадным смехом. Вокруг них вьются голографические демоны, полупрозрачные, ни на что толком не влияющие, только подчеркивающие когтистыми лапами идеально очерченные формы актрис.

Анна слегка прикусила улыбающийся ноготок и усмехнулась. Когда-то ей поступали подобные предложения о съемках. Два раза она даже согласилась. Судя по тому, что на ее счет еще капали средства, эти два клипа где-то все-таки транслируются. В цензурной версии места для нее не нашлось, слишком много откровенных сцен приходилось на столь короткий хронометраж. В принципе, она не жаловалась, уже тогда она любила свое дело и даже для таких не шибко важных ролей отдавала всю себя. Тем более, некоторые ребята оказались очень симпатичными и вежливыми парнями, а об одной басистке Анна до сих пор вспоминала со смешанными чувствами.

Что показалось ей немного странным, это манера исполнения песни. Один и тот же куплет повторялся на трех языках: английском, немецком и японском. Такой стиль вышел из моды лет шестьдесят, если не больше. Эта мысль слегка отрезвила девушку. Она вспомнила, что слегка замерзла, достала любимый походный термос и подогрела кофе домашнего приготовления. Сделав пару глотков, Анна окончательно пришла в себя и вспомнила, ради чего покинула свой дом. Сцены прошлого вспыхнули в утомленном дорогой сознании, и впервые за много лет ей стало стыдно за свое ремесло. Анна Вершпилт разрасталась, захватывала, топила в себе девушку. Образ пожирал своего создателя с головой. Крашенные волосы, хрупкое тело, застенчивые глазки и неумная страсть... Это слишком идеальный образ. Мечта наивного маленького мальчика, регулярно спускающего пар на видеопродукцию для взрослых. Действительно ли Анна любила свое ремесло? До недавнего времени она даже не задумывалась об этом. На вопли матери ей было абсолютно наплевать, а друзья ее даже поддерживали. Но почему-то мнение Энтони оказалось для нее гораздо более веским.

Капсула опустилась на огромную платформу и плавно приподняла дверь кабины.

— *Мы прибыли в точку назначения. Спасибо, что доверяете нам и всего Вам наилучшего!* — радостно возвестила машина.

Анна подхватила сумку и вышла наружу. На посадочной площадке оказалось довольно пустынно, если не считать общественного транспорта и редких пассажиров. Рождественские каникулы еще не окончились, вывески с краснопузым добряком и его волшебной свитой все

еще украшали собой витрины разномастных магазинов и лавочек. И опять эта удивительная тишина и размеренность...

Девушка выдохнула в холодное небо облако живого дыхания, задумалась о чем-то, наблюдая, как расползаются язычки теплой влаги, улыбнулась и пошла вперед. Рядом проплыли, словно призраки, адепты Дао в черных балахонах. Умиротворенные взгляды проскользили по Анне. Девушка давно привыкла к такому поведению членов самой распространенной конфессии, их умеренное любопытство ко всему уже давно никого не волновало. Но тут словно все вокруг пытались ее ужалить, уличить в чем-то постыдном. Даосисты расплылись в максимально добродушной улыбке и ровным строем направились куда-то по своим делам. Еще одна деталь насторожила девушку — маленькие алые значки в виде черепа у них на груди. «Может, новая секта?» — подумала она.

Навстречу толпе в черных балахонах прошла группа выходцев с ближнего Востока. Они мирно беседовали между собой, все больше сближаясь с приверженцами Дао. Ближе, ближе, уже почти столкнулись...

И ничего. Обменявшись благодушными кивками, группы спокойно разошлись каждый по своим делам. Любой другой житель толерантной Европы при виде этого немало бы удивился, как и сама Анна. Казалось, любым двум достаточно разным группировкам приходилось в прямом смысле терпеть друг друга, как неизбежное зло, и нигде в мире это не выглядело бы чем-то необычным. Отличные точки зрения не столкнулись между собой в яростной схватке, не притворялись, что не видят «соперников». Они улыбались друг другу.

И опять же красный значок. Анна оказалась в ступоре. Она только сейчас заметила, что у многих людей вокруг присутствует багровый череп на одежде. От огромной нашивки на кожаной куртке до изящной бляшки в области сердца. У кого-то даже присутствовала фосфоресцирующая татуировка на оголенном виске или мускулистой черной ладони. И что еще более удивило Анну — едва заметные наклейки на полицейских значках.

Кто-то явно сошел с ума. Девушка тут же попыталась забыть об увиденном, но алый череп тревожил взгляд едва ли не на каждом шагу. Она очень не любила, когда что-то всем известное и очевидное не доходило до нее. Раздражало, приводило в бессильную ярость. Погрузившись в себя, Анна и не заметила, как едва не проскочила заветный ресторанчик, где ее должен был встретить Энтони. Китайский ресторанчик сверкал золотом и красным, почти не выбиваясь из западной архитектуры вокруг. Девушка случайно завернула за угол и уже собиралась повернуться назад, как вдруг заметила тонкий красную след, тянущийся к двери черного хода. С тихим кряхтением и руганью на азиатском наречии за ней исчезла чья-то затянута в бронированный сапог искалеченная нога.

Девушка едва не упала на холодный композит запорошенной снегом улица, но чьи-то сильные руки легко подхватили ее и отвели в сторону. Анна сжалась от страха, готовая вслепую вонзить акриловые когти в обидчика, но чего она точно не ожидала увидеть, так это улыбающееся девичье лицо, обрамленное длинными рыжими кудрями.

— Привет, милаха! — воскликнула низкорослая силачка. — Хорошо добралась? Как настроение?

— Что, простите?.. — Анна переводила взгляд с рыжей копны на алую полосу, испуганно хлопая глазами.

— Ты же Анна! — рассмеялась рыжая. Через мгновение улыбки на ее лице исчезла без следа. — Анна, верно?

— Да, я Анна... Откуда ты знаешь мое имя?

Девушка пристально смотрела в глаза Анны. Немигающий, холодный взгляд пронзал гостью города насквозь, и едва заметные искорки нейроинтерфейса преображали довольно милое лицо до состояния жуткой маски.

Спустя несколько секунд рыжая, как ни в чем не бывало, обхватила Анну своими тонкими, но мощными, руками за шею и с нескрываемой радостью расцеловала ее в обе щеки.

— Я знала, я так и знала! — От счастья у карих глаз девушки едва не выступили слезы. — Ты прости меня, пожалуйста, если сильно напугала. Нейро еще не очень хорошо прижился, порой переключивается. Меня послал Энтони. И, да, я Сибилла. Будем знакомы.

— Очень приятно. — Анна пожала протянутую ладонь. Сумасшедший дом, а не город. Какой черт вообще... ах, да, Энтони... — Я думала, Энтони сам придет меня встретить.

— Да, так и должно было быть, только планы резко поменялись. Занятой человек, однако, твой мальчик, просто ни секунды на месте не сидит без дела. Ну, чего ты встала как вкопанная? Расслабься, все охренительно прекрасно! Давай, заходи внутрь.

Не дожидаясь решения Анны, Сибилла взяла ее за локоть и непринужденно втощила девушку в ресторан. Андроиды у входа в общий зал низко поклонились, продолжая тренькать ловкими пальцами на китайских инструментах. Всюду царил вездесущий азиатский колорит — драконы, декоративные ручки, официанты в красных одеждах — все как везде, разве что в клетках по всему ресторану каким-то чудом умудрялись голосить завезенные из неведомых далей птички.

— Садись, не стесняйся, — сказала рыжая, упав за угловой столик в конце зала. Анна сняла куртку и повесила ее на старомодную рогатую вешалку, сумку бросила рядом. И вновь удивление отразилось на ее лице: Сибилла не последовала ее примеру. На ней не было куртки, лишь какой-то странный синтетический жилет на голое тело и туго обтягивающие джинсы. От нее шел густой пар, а девушка, казалось, вовсе не замечала глубоко отрицательной температуры на улице.

Над столами всплыли прозрачные окошки меню.

— Выбирай, что хочешь. Сегодня все за мой счет.

— Эмм... Спасибо. — Анна недолго порылась в меню, заказав себе порцию лапши с мясом и бутылочку белого китайского вина. Добродетельница ее лишь пролистала список, одним нажатием заказав абсолютно неазиатский напиток — кофе. — А ты больше ничего не будешь?

— Я на диете.

Сибилла молча сидела и смотрела на Анну, не проронив ни слова. Скорее всего, рыжая сейчас пребывала в Сети, и потому ее взгляд проходил словно сквозь гостью. Анна никогда толком не понимала, зачем нужно подвергать себя таким пыткам и вживлять в себя нечто постороннее. Она даже слышала про новое развлечение — нейросекс, и, не смотря на крайне лестные отзывы, вшивать ради этого чип себе в мозг... никогда.

Наконец заказ был получен, и девушка принялась за еду. Анна, ловко орудуя палочками, цепляла рисовую лапшу, стараясь не накручивать себя, какое же мясо сейчас находится в ее тарелке. Чуть, конечно, какой-то дешевый фильм ужасов получается. Но вдруг?! Зачем-то же затащили чье-то бездыханное тело на кухню?!

— Чего ты такая нервная, Анна? — усмехнулась Сибилла. Одна из трех чашек кофе перед ней мгновенно опустела. — Не бойся, тебя никто не обидит! И ресторан просто шикарный! Не «Поднебесная», конечно, но и «Поднебесная», собственно, не ресторан, хотя

туда и туда я заходила частенько. Ну же, улыбнись, а то лапшу на уши повешу!

Анна мгновенно перестала жевать, посмотрела на собеседницу и сделала глоток из фарфоровой бутылочки.

— Да, да, правильно, выпей с дороги! Глядишь, полегче станет. Ну, давай, рассказывай: как добралась, как настроение, какие новости из далеких краев? Знаю, везде одно и то же, «Рейнбах», все дела, но есть же что-то интересное!

— Ам... — Улыбающиеся пальчики нервно поигрывали на белом фарфоре. — Ничего интересного, честное слово. Интернационализм, транснациональные корпорации, трава зеленая, небо ясное...

— Да ладно. Неужели в порно так мало интересного?

Очередной глоток встал Анне поперек горла.

— Откуда... — Кашель разобрал ее.

— Откуда я знаю? Сладкая, может для Энтони твой заработок и стал шоком, он вообще парень довольно замкнутый, так что ничего удивительного... Короче, меня просто очень интересует этот предмет. Да, глупо, неправильно, разврат, грязь, бла-бла-бла и прочее. Но я тебя узнала сразу. У моего бывшего ты была любимой актрисой, поздравляю. И, вроде как, с «тобой» он проводил гораздо больше времени, чем со мной. Ублюдок... Господи, опять я заболталась! Слушай, ты

останавливай меня, если что, а то нейро... Я уже говорила про нейро?

— Да, говорила.

Под аккомпанемент андроидов со всех сторон тихо шептали радужные новости лучезарные ведущие. Прекрасная погода, скачки валюты на фондовых биржах невелики, никто сегодня не умер, и даже местный царь электронной музыки, ди-джей Скалли, от всех щедрот устроил бесплатный проход на презентацию нового альбома в клубе «Поднебесная». На обложке красовались беловолосые близняшки, перетянутые неоновыми жгутами. Они прижимались друг к другу спиной и замороженно смотрели в небо, откуда на них из огромного треугольника в потоках алого света глядел ухмыляющийся скелет.

Так вот в чем прикол! Анна мгновенно расслабилась, и даже искренне улыбнулась. Местная знаменитость — источник черепов. Видать, парень действительно талантлив, если даже муслимы не стесняются носить на себе посторонний символ. И местные переглядываются, видимо, по той же причине. А тот человек, что оставил кровавый след за углом, скорее всего напился и получил серьезную травму, и никто не собирается его пластать и скармливать посетителям за их же деньги. Ответственные повара сейчас оказывают ему первую помощь, и скоро сюда подъедет карета скорой помощи, чтобы забрать несчастного с собой.

— Анна? — удивилась рыжая. — Анна, ау-у-у-у! Что они мешают в это вино, не должно же с него так разбирать.

— Да нет, ничего, все в порядке. — Анна едва не расхохоталась от буйности собственного воображения. — Слушай, а тебе не холодно гулять вот так?

— Без куртки? Да, с детства это слышу: Сибил, надень куртку! Застудишь себе что-нибудь! Рыжие без мозгов! А мне жарко! Я виновата, что от рождения температура у меня высокая?

Тут Анна уже рассмеялась во всю, да так, что Сибилла не выдержала и подхватила лучезарную лихорадку и разразилась ответным хохотом. Остальные посетители недоуменно смотрели на девушек, кто снисходительно, кто дружелюбно, даже андроиды-музыканты

одобрительно хихикали, имитируя максимально миролюбивую и уважительную атмосферу.

— Анна, господи... — Сибилла старательно утирала катившиеся градом слезы. — Перестань, пожалуйста, у меня тушь потечет.

— У тебя же нет туши! — Сделав медленный и глубокий вдох, опустошила легкие и в один присест опустошила бутылочку с вином.

И Энтони еще хотел стать писателем. Вот у кого действительно большое воображение — Анна Шварцберг! Будущий автор ретро-триллеров! Даже название для книги уже готово — «Алая кухня». К каннибализму и одержимости в странах Третьего мира все уже давно привыкли, даже мутантами из сточных вод никого не напугать. А вот респектабельных, здравомыслящих убийц в последнее время не выдает практически никто. Перевелась мода на мотивированное зло.

— И что с того? — возмутилась рыжая, театрально взмахнув рукой. — Ладно, хорошо, мы успокоились, можно нормально поговорить. — Вторая чашка кофе начала медленно таять. — Что случилось, все-таки?

— Да ничего особенного. Люди у вас тут странные. Все вежливые, тихие, и еще этот красный череп повсюду — не город, а какая-то секта! Это из-за Скалли?

— А... Да, конечно. Парень здорово поднялся с недавних пор, к тому же местный. Мы за него всей душой и телом. Голосуй на «Вьюпоинт»!

— Обязательно. А где твой значок?

Аккуратно оглядевшись и убедившись, что остальные посетители смотрят в свои тарелки, Сибилла едва заметно отвела вырез жилета. На левой груди ее щелкала челюстями анимированная татуировка, содрогающаяся от помех и скачек декоративного эквалайзера на заднем плане.

— Ого, классно! — вздохнула Анна. — Во сколько обошлась?

— По знакомству. Хочешь, можно договориться с местными мастерами. Все чисто, надежно, с гарантией и исключительно по старой дружбе. Не стесняйся, только скажи — весь город на уши поставим! Хоть во всю спину такую красоту набьют.

— Нет, спасибо, Сибил. А когда Энтони придет?

Сибилла закатила глаза и глубоко вздохнула.

— Анна, милая, Энтони — очень важный человек, и у него порой появляются неотложные дела. Мы придем к нему сами, как только он освободится. Он велел мне встретить тебя и развеселить так сильно, чтобы ты ни о чем не пожалела. А я к поручениям отношусь очень серьезно. И пока твой прекрасный принц...

— Он не мой, Сибил. С чего ты вообще это взяла?

— Как это, с чего? Посмотри на себя. Ты стройная, личико у тебя милое, так и хочется потискать! — Рыжая потянулась через стол и, как будто так и надо, потрепала ее за щеку. — Про стиль я вообще молчу — отпад, нет слов и просто чудесно! Да и Энтони тоже, знаешь ли, далеко не урод. Будь он чуточку раскованнее, как ты, вы бы смотрелись просто идеально. Ну а пока *твой прекрасный принц*, — Сибилла усмехнулась, — вершит судьбы человеческие, мы с тобой хорошенько оттянемся. Это я тебе гарантирую! Ты еще что-нибудь будешь?

— Нет, но...

— Прекрасно. Официант! Счет, пожалуйста!

Счастье... Оно разлито повсюду: в плывущих перед глазами пальцах, пахнущих железом; в заплетающихся ногах, перемещающих хозяина невероятным усилием воли; в ближайшем утилизаторе, к которому из последних правил приличия умудрился дотянуться хозяин.

Гарри был счастлив. Добрые прохожие не отталкивали его, не упрекали и не унижали. Они помогали ему встать, если тот упал, провожали сочувствующими взглядами, кое-кто даже подмигнул и показал большой палец. Со всех сторон Гарри окружал кровавый череп, даже в его собственной голове. Теперь он един со всеми. Един с Ним. У него наконец появилась семья.

Несколько дней он не появлялся в своем доме. Ванда и не думала его искать, что оказалось Гарри очень даже на руку, меньше интереса — меньше неудобных вопросов.

Ему до сих пор чудился запах раскаленной плазмы и горелой плоти. Сколько бы раз он ни мыл руки, аромат металла не исчезал. Запах крови словно впитался в кожу, подавая немые сигналы «УБИЙЦА! УБИЙЦА!». Этого Ванде явно знать не следовало, поэтому, дабы прийти в себя и очистить свое тело, все это время он пил со своими новыми братьями и сестрами. Они даже подарили ему новую одежду взамен старых окровавленных тряпок. Какая-то плотная кожаная куртка цвета дуба, рубашку с капюшоном и синтетические брюки.

В голове толком ничего не отложилось. «ПРИМИ В СЕРДЦЕ ГОСПОДА!» последнее что он помнил достаточно ясно, а потом пошла бойня. Фотонный пистолет, выросший у него из запястья, разил почти без промаха. Сопrotивляющихся было немного, но слуги SLM до сих пор выслеживали их. Никаких разрушений, дебошей и бессмысленных поджогов. Большой, единый организм целенаправленно истреблял в себе заразу — не подчинившихся индивидов. Их расстреливали, резали, душили, сбрасывали с огромной высоты, все строго эффективно и с минимумом следов. Разрушения, учиненные еще прежней, непосвященной, толпой устранили в кратчайшие сроки, и в городе вроде как продолжилась обыкновенная жизнь. Каждый занимался тем, чем занимался ранее, и даже пристальный взгляд туриста не мог заметить подвоха. Мало ли где в мире встречаются добрые и вежливые люди, разве это плохо? И черепа повсюду — тоже не беда, в старой Мексике и не такое бывало.

Маленькая революция незаметно изменила жизнь целого муравейника. И один из винтиков этой революции плелся домой, пьяный, в чужой одежде, с искалеченной душой, но очень счастливый. Он полетит на Марс и его жизнь изменится навсегда. Среди бездушных композитных башен и виртуальных иллюзий, его жизнь наконец-то станет нормальной, настоящей, правильной, целостной, свет...

Здравствуй, очередной утилизатор. От подобных мыслей Гарри начинало сильно мутить. Удивительно, что он все еще жив после подобного кутежа. Ведь там было не только спиртное. Кажется, он даже опрокинул рюмку «Дона Хуана» и скурил около десятка косяков с разнообразным дерьмом, если не больше. Но это не важно, как будто в первый раз он травит свое тело.

Наконец здоровяк бьется головой в заветную дверь. Металлическая преграда отъезжает в сторону, и он вваливается внутрь. Первое, что он видит, оторвав нос от длинного входного коврика, это чьи-то огромные, тяжелые ботинки. Гости, подумал Гарри, и попытался взять себя в руки. Кое-как поднявшись, он сбросил с себя неудобные туфли с острым носком и, опираясь о стены, зашел внутрь своей квартиры.

— Ванда... — нетвердым голосом произнес здоровяк и тут же закашлялся. Казалось, он сейчас оставит свои легкие на голографических обоях. К счастью, все обошлось. Гарри

глубоко вдохнул и позвал: — Ванда! Ванда, у меня хорошие новости! Охренительнейшие новости! Выйди, пожалуйста... Черт, я ща грохнусь...

Массивный череп с глухим треском уткнулся в пол, брызнула кровь.

— Твою мать...

Гарри не мог нормально дышать. Из разбитого носа текло так, что парень на мгновение даже испугался. Дотронулся до него и зашипел от боли и досады. Пройти через такую кутерьму, умудриться не сдохнуть, не словить пулю или пучок плазмы, с руками и ногами на местах, и пролить первую кровь дома! Идиотизм.

Из спальни выбежала Ванда, укрывшаяся второпях одеялом. Один взгляд на ее растрепанную прическу привел Гарри в восторг. Видимо, он убился до полной бессознательности. Ему казалось, что перед ним принцесса. Или даже королева, наипрекраснейшее создание Вселенной, самый любимый на свете человек, ближе, теплее и заботливей нет никого.

— Господи, Гарри! — воскликнула она.

Ее руки обхватили искалеченного здоровяка. Недолго думая, она прижала одеяло к его носу, осыпая любимого поцелуями. Голос ее дрожал. Дрожали и руки. Гарри очень удивился: что это с ней? Сколько раз уже случалось подобное, и никакой паники в действиях Ванды не было. Может, она тоже была тогда снаружи, и ее все еще не отпускает это жуткое зрелище?

— Господи, дорогой, где же ты пропадал? Я чуть с ума не сошла! Почему ты не звонил, не писал? Давай, привстань. — Массивная рука Гарри опустилась ей на плечо, и Ванда дотащила его до кресла, вновь сменившего свое положение — оно буквально уставилось в окно. — Вот... молодец... садись. Хороший мальчик. Сейчас принесу аптечку, а ты пока посиди тут.

Одеяло осталось в руках Гарри. Алое пятно расплзлось по белоснежной ткани, и взгляд парня скользил с него на обнаженную, блестящую от капель пота талию. И на причину всех их несчастий, выглядывающую меж бедер его любимого создания. И как всегда, Гарри очень быстро об этом забыл и принялся радостно хохотать, разбрызгивая багровую росу по ткани.

— Ванда, краса моя, возлюбленная очей моих...

— Прекрати балаболить, пожалуйста. — Открыв очередной кухонный ящик, Ванда извлекла цилиндр универсальной аптечки. Поднесла ее к лицу Гарри и принялась сканировать разбитый нос.

— Ты даже не представляешь, что я достал!

— Гарри, посиди смирно хоть минуту! — Сканер пробежал всепроникающими лучиками через лицо здоровяка и возмущенно пискнул. — Всего лишь трещина, быстро заживет. Потерпи, будет немного жечь.

Тихий пшик — игла вошла под кожу. Туча наноботов принялись за дело, зашивая разбитые сосуды и сращивая треснувшую кость. Гарри тихо зашипел от боли. Запахло паленой плотью и лекарствами.

— Все хорошо, все хорошо, — прошептала Ванда, вновь осыпая его поцелуями. — Выдержишь. Что ты хотел сказать?

— Ванда, свершилось чудо! — Радость Гарри пробивалась сквозь маску боли. — Я недавно виделся с Энтони.

— С Энтони? — удивилась она. — Где он пропадал, как поживает, что вообще

происходит?

— Не знаю, любовь моя, но... Ах, черт с ним! Ванда, я достал билеты до Марса. И сертификат пластической клиники. Мы можем наконец улететь отсюда и сделать все так, как мы мечтали!

— Господи... Что ты говоришь, Гарри? — На лице Ванды сражались три могучих воина: Удивление, Недоверие и Надежда. — Это же очень дорого, нам копить еще пять лет минимум.

— Смотри!

Гарри взмахнул рукой и перед ним возник, заслоняя рассветное солнце, фотонный экран. Пропуск в новую жизнь отобразился на мерцающем полотне, и Ванда рухнула на пол. Здоровяк краем глаза замечал, как быстро меняются эмоции его возлюбленной. Улыбка сама собой расплзлась по его лицу, а сознание поплыло куда-то в затухающий закат.

— Гарри, боже... — шептала Ванда. — Гарри, я... должна была сказать раньше. Что же теперь делать?..

— Что, приперся, все-таки?

Парня передернуло, словно удар током. Его глаза распахнулись и устремились к голосу неизвестного гостя.

Из спальни, никого не стесняясь, вышел неизвестный. Короткая стрижка, грубое лицо, тонкое, жилистое тело, плотные кубики пресса. Если бы на нем была одежда, то Гарри без сомнений признал бы в этом существе мужчину. Только ни обильной растительности, ни мужского начала на этом теле он не обнаружил.

Переводя взгляд с ухмыляющегося гостя на Ванду, парень все больше понимал, что абсолютно ничего не понимал. Логические связи сплетались одна к другой, заменяя одни ниточки другими, здоровые нездоровыми, которые в свою очередь, оказывается, были абсолютно здоровыми. Но, проще говоря, оставим мельтешение в голове Гарри в покое и поглядим, что же последует дальше.

— Ванда, — медленно и вкрадчиво сказал здоровяк, — это что за херня?!

— Ты так и не рассказала ему? — спросил гость. Вздохнув тонким голоском, он зашел в спальню и вышел оттуда уже в джинсах, зажженной сигаретой и пустой банкой энергетика в руке. — Пожалуйста, давай быстрее, я не хочу в это вмешиваться.

— Ванда, — Голос Гарри крепчал с каждым словом, — это что за херня?! Это что, баба?! Какого черта тут вообще происходит?!

— Дорогой, пожалуйста, успокойся, я тебе сейчас все объясню, — сказала Ванда. — Понимаешь, я и Мартин знаем друг друга уже давно.

— Мартин?! Мартин?! Это же гребаная баба!!!

— Умоляю тебя, не кричи, пожалуйста. — На глазах Ванды наворачивались слезы. Гость, или все же, гостья, подошел к генератору доставки и принялся терпеливо ждать загрузки бутылки минеральной воды. — Понимаешь, Гарри, я и Мартин — родственные души. Мы оба заперты в себе обстоятельствами, и мы...

— Ты... изменяла мне с бабой! — Нервный смех разобрал Гарри. — Мне! С бабой! Черт, я даже не знаю, над чем тут можно посмеяться! Это же идиотия, Ванда! Ты же не такая, как она...

— Такая, Гарри!

Здоровяка затрясло. Он не знал, как реагировать на то, что происходит. Ему казалось, что вся Вселенная сейчас дрожит в муках парадокса, пытается переварить то, что творилось

в ней самой. Хотелось бежать, и остаться, ударить Ванду по лицу, и обнять, отхреначить бесполого пришельца первым, что попадется под руку... что ж, хоть одно четкое желание в его несчастной голове все же теплилось. Что же противостояло этой могучей силе и не давало ей вырваться наружу? Едва слышный писклявый голосок, хитро нашептывающий Гарри оставаться на месте и выслушать всю историю до конца.

— Такая, Гарри, точно такая же, — всхлипывала Ванда. Часть лица ее укрывала растрепанная челка. — Не отрицай, мы прекрасно знаем, кто мы и чем являемся. Я люблю тебя, Гарри, пойми, и хочу тебе только добра. Ты самый прекрасный парень на свете, и плевать на лишний вес и манеры — черт с ними! Помнишь, как мы познакомились? А наш первый раз?

Пальцы здоровяка бренчали по подлокотникам. Дрожь никак не унималась, лишь кровь то отливала от головы, то била в нее с новой силой. Переживать заново момент далекого прошлого было для Гарри сущей мукой. Похмелье, осознание содеянного, желание перерезать вены — все атрибуты неисправимой ошибки в мгновение ока впились в сердце тогда еще беззаботного гуляки.

— Ты поверил, что я настоящая женщина. И я поверила в тебя. Знаю, тебе было стыдно, любой нормальный человек скажет, что это полная чушь — полюбить такую, как я. И я очень благодарна тебе за то время, что ты был рядом со мной. Но... Пойми, это все равно неправильно. Ты честный и добрый парень, ты заслуживаешь гораздо большего. Спасибо за твой труд, за сертификаты и прочее, но, пожалуйста, забудь все, что было.

Волосатые пальцы рефлекторно сжались в кулаки.

— Забыть? — дрожащим шепотом сказал Гарри. — Забыть?! Ванда, я люблю тебя, и все наконец может быть так, как мы захотим, так в чем же проблема?! Что вообще за чушь?! Ты хочешь свалить от меня к этому... хрен пойми чему? Это вообще поддается хоть какой-то логике?!

— Поддается, — вздохнула Ванда. — У Мартина есть хорошие сбережения, и он хочет взять меня с собой на Марс. Мы сделаем операцию и никто ничего не узнает.

— Операцию?! Вы совсем, мать вашу, долбанулись?! Ты мужик, она — баба, зачем вообще еще что-то усложнять?! — Внезапно голографический экран исчез и оранжевые лучи ударили Гарри в лицо. На какое-то мгновение он пришел в себя и увидел свою возлюбленную, рыдающую у его ног и снующего туда-сюда гостя, неторопливо собирающего вещи Ванды и закуривающего новую сигарету. Дрожащими руками здоровяк приподнял ее лицо. — Можешь назвать меня жирным пидором, но черт побери, я люблю тебя и не хочу, чтобы ты уходила! Мне абсолютно плевать, что было — это все очень легко исправить и забыть. Слетаем на Марс, переживем эту чертову операцию и заживем так, что никто ничего и не вспомнит! Зачем усложнять, Ванда?

— Именно, Гарри. Незачем. Найди себе нормальную девушку и живи с ней счастливо. Я же знаю, ты можешь быть мягким, когда захочешь. Просто не будь таким brutальным букой, нельзя же без конца строить из себя героя. А я и Мартин сделаем то, что должны. И всем будет хорошо.

Ванда поцеловала его в лоб и оставила его в покое. Она собиралась максимально быстро и тихо, дабы не отошедший от шока Гарри не сотворил чего-нибудь необдуманного.

В это время внутри Гарри боролись могучие голоса. Один старательно жалел бедного парня, побуждая смириться и отпустить, другой яростно кричал, какой же он тряпка, и что если Гарри сейчас же не возьмет свои яйца в кулак, то дальше будет только хуже. И меж этих

полюсов со скоростью света металась душа Гарри.

В давящей тишине здоровяк и не заметил, как щекочет нервную систему входящий вызов. Иконка черепа дребезжала в сознании парня, и вынырнув на мгновение из пучины горя, Гарри принял вызов.

Самый лучший Бог улыбнулся ему зубастым ртом.

— *Тяжелое дело — выбирать, верно?* — тихо спросил Он.

Парень не мог извлечь из себя ни звука, так что пришлось Гарри молча посылать Господу весточки из Бездны.

«Я не знаю, что мне делать, Боже. Все, что я делал... все труды пошли к черту! Годы работы, терпения, откладывания денег на эту гребаную операцию и прочего идиотизма пропали зря! Подскажи, что мне делать?! Мой единственный родной человек уходит от меня к какой-то больной суке, лучший друг появляется и исчезает... Господи, помоги мне! В слезах своих на Тебя уповаю! Не осталось никого, кто бы не отвернулся от меня!»

— *Тише, Гарри, все в порядке, —* прошептал Бог. — *Еще ничего не решено, и ты сам способен сделать свой выбор. Для чего я дал вам свободу и сытость? Чтобы вы были самостоятельными и раскрыли себя так, как установлено вашей природой. Скажи, чего бы ты сейчас хотел больше всего?*

«Чтобы Ванда осталась!»

— *Тогда останови ее. Вышвырни эту короткостриженую мразь и живите счастливо.*

«Ты не поможешь мне?»

— *Гарри, друг мой, я не властен над людскими чувствами. Ни один Бог не может заставить человека пойти против самого себя.*

«Но ты же сводишь людей! Все, что ни попроси, ты всегда даешь! Пропитание, любовь, уважение — все это есть у тебя!»

— *Я не принуждаю этот мир к повиновению, Гарри. Свести наиболее подходящие друг другу элементы, возместить недостаток и убрать излишек — дело нехитрое. Но здесь ты должен все решить сам. Знай, Гарри, ты — мой лучший друг. Что бы ты ни сделал, я приму твой выбор и не осужу тебя. Загадай желание, и я сделаю так, что оно исполнится. Обязательно исполнится.*

«Я...»

Даже Бог не может ему помочь. Теперь нити собственного будущего всецело лежали в руках у Гарри. Теплая рукоять фотонного пистолета засияла на его ладони. Маленькая оранжевая панель высветила на униинструменте цифру «пять».

Взгляд парня скользнул по индикатору заряда. Слезы потекли по подбородку, палец скользнул на спусковом крючке. Знакомый крючок, твердый свет, эргономичная форма, не гнется, не ломается, подстраивается под стрелка, пока батарея не умрет.

— *Ты уверен в своем решении, Гарри?* — спросил Господь.

Здоровяк промолчал. Лишь крепче обхватил световую рукоять и расправил плечи. Взглянул на восходящее солнце и чему-то улыбнулся. Он твердо поднялся на ноги, словно освободившийся герой. Откуда взялась эта странная гордость?

— Да, Господь мой. Я решился.

— *Да будет так.*

Бог исчез, и оторвав больные глаза от рассвета, Гарри обернулся. Ванда и Мартин уже стояли у входа, одетые, держа в руках чемоданы и сумки. Смотрели на парня широко распахнутыми глазами. Мартин начал пятиться к двери.

Выстрел.

Шипела оплавленная стена, голографические обои исчезли, обнажился серый полимер. Глухо рухнуло тело.

— БОЖЕ! — вскрикнула Ванда.

Запах паленой плоти ударил ей в нос. Заряд плазмы выжег лицо до основания. Гарри медленно, издевательски, перевел ствол с обезображенного Мартина на свою возлюбленную.

— ГАРРИ!

Стену украсила новая опалина.

Ванда рухнула навзничь. Гарри посмотрел на оружие. Кажется, система энергосбережения дала сбой — индикатор показывал последний оставшийся заряд. Парень оскалился. Немой смех разбирал его изнутри. Время для него застыло. Бесконечное мгновение, заполненное всепоглощающей тишиной, оно поглотило весь мир, заперев Гарри где-то между ударами сердца.

Какое странное чувство, подумалось ему. Оно напомнило ему что-то из детства, то чудесное состояние, когда мир для тебя абсолютно нов, и ты готов впитывать его без остатка, наполниться им до предела, вобрать в себя весь шум и все краски бытия. А в сердце твоём — дрожащая тишина. У тебя ничего нет, ты ни к чему не привязан, тебя просто не существовало до этого самого момента, пока в твоё сознание не ворвалось осознание этой Тишины.

Остановка внутреннего диалога.

Нирвана.

Дао.

Свобода.

Кристалльная вечность неохотно просыпалась ото сна, возвращая парня в удивительно яркое кибернетическое настоящее. На старую реальность смотрело новое существо. Оно сияло внутренним светом, сливаясь с заполняющим комнату рассветом. Его окружала незнакомая полимерная крепость города-муравейника, рядом лежали мертвые, совершенно незнакомые люди, а в его руке ждало своей участи безмолвное оружие с последним оставшимся выстрелом.

Существо, некогда именовавшее себя Гарри, наполнялось новой реальностью. Все потаенные уголки его чистого духа заполнялись шумом и смыслами. Зазвенел встроенный в нейроинтерфейс будильник, из спальни ему вторил голографический товарищ.

— Всем привет, мальчики и девочки! — протянул жизнерадостный незнакомец. — Сегодня с вами снова Сэм и наша постоянная рубрика «Что это было, Сэм?!» Вот в очередной раз просыпаетесь под мои оглушительные вопли, и спрашиваете меня «Что это было, Сэм?!» или «Какого хрена, Сэм?!» или шипите себе в подушку «Отстань, сволочь, у меня выходной!» — и мне есть что вам ответить. Это утренние новости на радио «Timeshift»! Слушайте и вникайте.

Существо рассмеялось. Очень уж его веселил скачущий с ноты на ноту голос радиоведущего. И все вокруг. Немое восхищение плескалось в сердце его, движение аэротранспорта за окном вызывало у него ни с чем несравнимое удивление. Единственное, что слегка омрачило лицо новорожденного — шум теперь был не только снаружи. Сперва тихо, затем все громче и громче отзывался он эхом в голове просветленного создания. А спустя несколько мгновений шум обрел собственный голос.

Ему это очень не понравилось. Новорожденному больше были тишина в душе и восхищение всем сущим, а голос в голове все крепчал, принижая величие и красоту этого мира и кричал, как ничтожно все сущее и его единственный слушатель. И, вот что особенно странно, голос этот был смутно знаком новорожденному. Словно он сам когда-то произнес эти грязные пустые слова.

Вздохнул просветленный и приставил ствол к виску.

Вновь возродилась тишина. Дрогнул голос, хулящий и проклинающий все сущее и самого себя. Существо блаженно закрыло глаза и нажало на курок.

Пистолет возмущенно запищал и не выстрелил. Фотонная конструкция подернулась помехами, искажения и трещины поползли по корпусу, источая ослепительный свет. Новорожденный почувствовал, как батарея униинструмента нагревает запястье, жжет кожу.

Гулкий хлопок.

Багровый фонтан окрасил комнату. То, что осталось от просветленного, осталось лежать вместе с парой несчастных людей, послуживших почвой для рождения нового существа. Жаль, что жизнь его была такой недолгой.

Покойся с миром, лучший среди живущих, умерший, чтобы родиться вновь и уйти без сожалений. Во истину, ты познал своего Господа.

На душе у Энтони стало беспокойно. Среди тысяч незаметных огоньков в информационном пространстве потух очередной светлячок. Они гасли ежеминутно, старые логические связи распадались, отправляя непригодный к использованию файл в пыльный архив виртуального подсознания. Что же его так взволновало? Огни: домены, пользователи, серверы — все информационные единицы были для него одинаковы и равнозначны.

Но вот оборвался чей-то телеметрический сигнал, на место трагедии вызвана карета скорой помощи, очередное хладное тело увезут в морг, а оттуда — в крематорий. Дальше судьба пепла будет определяться ближайшими родственниками усопшего. Статистика говорит, что самый популярный нынче способ похорон — виртуальный памятник. На втором месте — бриллиант из праха умершего.

Всплывает навязчивая реклама, куча фирм и логотипов, предлагающих всевозможные способы похорон, кроме традиционного когда-то зарывания в землю. «Сохраните память о близких ясной, как бриллиант». «Виртуальный биографический памятник — мертвые воспоют себе достойную славу!». «Взрастите новую жизнь на памяти прошедших дней. Биоурна — живой памятник создаст незабываемую атмосферу...». «Резьба по кости! Ваши предки еще дадут вам радость для песен и плясок! Закажите дудочку из кости вашего любимого человека и получите в подарок...» и так далее и тому подобное. И всюду едва заметно просачивается логотип «Рейнбах». Даже мертвецы превратились в трендовый товар.

— Чертов спам! — хохочет Олаф. Укрытая пеленой татуировок рука вскидывала полупустую бутылку нефильтрованного рома, и парень крепко присасывался к ней. Полупустой несчастная бутылка оставалась уже второй час, раз за разом наполняемая пойлом, сотканым из света. Олаф очень полюбил свои новые способности. — Интересно, что думает SLM по этому поводу? Клянусь своей жопой, как только Он прикажет — уничтожу на хрен все эти гребаные рекламные конторы!

Недавние беглецы в данный момент вальяжно разгуливали по улицам муравейника, наслаждаясь новыми возможностями и немым уважением всех встречных. Одобрительные, раболепные взгляды обволакивали их подобно сладкой вате, приторной и теплой.

SLM дал новоприбывшим апостолам свободное время — освоиться в новом качестве, прочувствовать жизнь на вкус. Рядом брели все еще недоумевающие коммунистические диверсанты, свободные от всего, и потому плавающих в окружающем пространстве, точно пьяницы. На самом деле они дружно накурились в надоевшей до ужаса квартире, и теперь, оборвав все связи с Марсом, просто плелись за новоявленными святыми планеты Земля.

— При всех недостатках данного вида промывания мозгов, — начал Виктор, семидесятилетний одноногий старик с лицом юноши. Новая нога его, хоть и отдавала неестественной краснотой, твердо шагала в вычурных, сияющих голографическими узорами кедах под типично офисным нарядом, — не думаю, что от него следует избавляться. Как считаете, госпожа? — Он подхватил шатающуюся Чу Джи, чему она никак не сопротивлялась.

— Оставьте спам в покое, он мне еще пригодится, — вставил Анираддха. Этот хитроумный индус то и дело убегал куда-то в толпу, возвращаясь то с едой и какими-то малопонятными безделушками, то с новыми бутылками для Олафа. Тот без зазрений совести опустошал их, распылял и вновь наполнял жидким светом свою любимую бутылку. — Через

неделю мы отправляемся с гастролями по миру — любая поддержка будет хороша.

— По миру?! — проорал Олаф. Он не был пьян, просто очень любил покричать. — Ну черт бы вас всех побрал — я только разогрелся! Ну, ребят, как вы на это посмотрите?!

— Вероятность успеха операции — шестьдесят восемь процентов. — Тихий голос Селены едва доносился до спутников сквозь городской шум. Высокая и невесомая, она плыла рядом с ними подобно призраку, и только пепельные волосы до талии развевались на слабом ветру. Лицо она старательно прятала ниспадающими прядями. — При большем расщеплении всех членов команды по цивилизованной части Земли, вероятность составляет девяносто три процента.

Все оглянулись на нее. Олаф скривился и вновь отхлебнул.

— Вроде о процентах говорит, а все равно ни хрена ее не понимаю.

Кампания переглянулась, кивнула и распалась огненной пылью на глазах у прохожих. Кто-то рефлекторно перекрестился, выругался, даже выронил ношу из рук. Те, кто обладал нейроинтерфейсом блаженно улыбнулись и направили взор куда-то вверх, в сторону шпиля корпорации «Рейнбах». Господа коммунисты осели на гладкий композитный проспект, вращая круглыми глазами и глубоко дыша, сдерживая накатывающие позывы.

Распасться на составляющие и не забыть при этом, во что ты должен превратиться по возвращению. Апостолы Костлявого Бога скользили по линиям электропередач потоком заряженных частиц. Даже в таком состоянии Энтони умудрялся размышлять дальше. На каком чертовом сервере хранится он сам, истинное разумное «Я», пока модифицированное тело распыляется и собирается раз за разом по всему городу?

Всплыло окно группового чата. Сколько же еще примочек у этого долбанного интерфейса? — холодно удивился парень.

Анираддха: Может, не стоило их оставлять в таком состоянии? Как они доберутся до дома?

Виктор: Доберутся, куда они, мать вашу, денутся. На крайний случай вызовут такси. Кого им теперь бояться? Кстати, как там поживают наши ребята на Марсе? Хреново, наверно, играть андроидов у всех на виду.

Селена: Готовность операции — пятнадцать процентов. Освоение дополнительного пространства не завершено.

Виктор: Знаешь, Селена, тебе определенно стоит провести техосмотр. Не знаю, как раньше, но ты определенно малость не в себе.

Селена: Состояние системы — сто процентов. Производительность системы — сорок процентов. Дополнительных действий не требуется.

Олаф: Кто бы мог подумать.

Анираддха: Ребят, а как вы относитесь к нашему новому Богу? Лично я его как-то побаиваюсь. Вы вообще в курсе, откуда он взялся?

Олаф: Да че его бояться? Нормальный мужик! Таких богов этому миру давно не хватало. А то эти даосы и прочая шушера достали! Мир им подавай, просветление, самореализацию, чистое бытие — херня все это! Война — вот что нужно миру для оздоровления! Сейчас Он начал войну со всей планетой, и побеждает, мать мою! Всего несколько дней как ожил, а мне этот мир уже нравится. SLM, если ты это читаешь, знай — ты лучший!

Виктор: Олаф, ты ведь с рождения такой фашист?

Олаф: Не фашист я, а реалист! Это разные вещи, забей в поисковик.

Виктор: По повадкам ты натуральный фашист. Я помню, как пятьдесят лет назад такие

же «оздоровители» вырезали иммигрантов на нижних уровнях. Я тогда работал в полиции, куча народу полегло. Один ублюдок с плазменным клинком вырезал две китайские семьи: мужчин, женщин, стариков, детишек даже не пощадил. Как сейчас помню: фонари разбитые, кругом ор, пальба, дым, тела, будто на баррикаде. И этот, в бандане черной, рожа злая, глаза пьяные, в гриндерах по головам шагает. И мне, гад, ногу отрезал, спасибо, хоть яйца на месте остались. Не знаю, за какие заслуги SLM тебя выбрал, но если я оказался здесь, чтобы дать тебе по морде — с радостью исполню приказ.

Селена: Вероятность данного события — восемьдесят шесть процентов. А вообще, за любыми данными стоит обращаться к источнику. Энтони, ты знаешь SLM дольше всех нас. Расскажи, кто он, и откуда появился.

Энтони: Спросите у него сами, это не так трудно.

Анираддха: Ты чего такой хмурый, Энтони? Что-то случилось?

Энтони: Наверняка. Что-то произошло, и я не могу понять, что именно. Пытаюсь дотянуться, но теряется соединение. Словно глушилку поставили.

Анираддха: С системой все в порядке? Может, стоит провести диагностику? В отчетах «Рейнбах» говорилось, что нейро может вызывать злокачественные мутации.

Виктор: Поправка — может вызывать злокачественные мутации у детей до шестнадцати лет. Но в любом случае следует провериться, Энтони. Все-таки мы не бессмертны.

Олаф: А если бессмертны? Охрененно, да? Прикиньте — бессмертные апостолы вечного незримого Господа!

Виктор: Олаф, угомонись уже. Мы поняли, ты в восторге от новой зари человечества, революции и прочее-прочее-прочее. И да, Ани, возвращаясь к твоему вопросу. Я не знаю. Я не вижу в нем ничего опасного. Кем бы он ни был, у него явно больше таланта и возможностей для управления миром, чем у кого бы то ни было. Он беспристрастен, никогда не спит, его нельзя подкупить и он владеет способностью преобразовывать энергию в материю и обратно. Такие чудеса творил только старина Иисус.

Анираддха: Верно мыслишь, Вик, но мне все равно немного жутко. Как-то это... противоестественно, что ли. Миром боги правят только в мифах, а тут живой, действительно вездесущий и почти всемогущий... некто. И как-то все слишком быстро происходит, будто к Его пришествию давно готовились, разве что ковровую дорожку не постелили. Словно это очередной продукт «Рейнбах».

Селена: Вся инфраструктура города, включая сети «Рейнбах» находятся целиком под контролем SLM. Базовые структуры его программы содержатся в базах данных корпорации, но при этом SLM сильно отличается от изначальной задумки. При тщательном рассмотрении наш Господь — всего лишь компьютерный вирус.

Олаф: И дураку ясно, что Он — творение человека, милая. Но все же он прекрасен и всемогущ в своей области. Разве вам не нравится ваше новое состояние? Какая разница, что есть SLM, если от него одна лишь польза?

Виктор: Хех, как ни посмотри на мир, а он все не меняется. Поговори об этом с каким-нибудь монахом века так пятнадцатого, ничего бы в корне не изменилось. Есть Бог, есть власть от Него, которую присвоили себе люди, и наш голубой шарик по-прежнему радостно вертится в ожидании, когда же мы все сдохнем.

Анираддха: Получается, мы все заражены Богом.

Виктор: Буквально.

Анираддха: Охренеть просто. Получается, он не просто сидит где-то там, как источник

заражения на главном сервере. Он внутри нас, на каждого по копии своего Бога?

Энтони: Если он сам в каждом из нас, а мы рассыпались на атомы, где сейчас находимся именно «Мы»? И кто «Мы» вообще?

Виктор:....

Анираддха:...что?

Олаф: Ну ты загнул, черт...

«Чат окончен»

— Помните шестьдесят четвертый? Полуфинал? — ухмыльнулся Олаф.

— Ты участвовал? — спросил Анираддха.

— Да, черт, я вышел в полуфинал! Смотрите!

Разговор вживую в ресторане шел гораздо живее и приятней. Соединившись общей виртуальной реальностью, святые смотрели запись «Спинномозгового штурма». Олаф от души размахивал шокером направо и налево, начисто забыв про то, что его команда еще должна захватить флаг на базе противника. Грязная рыжая борода сырой культей хлещет по шлему, соперники выбегают на открытую часть грязевого полигона. Искусственный дождь заливал пространство, не давая сделать и шага в бурой трясине.

Спецэффекты! Гром рассекает фальшивое небо! Отсветы молний играют на броне. Замедление!

Дубинка Олафа врезается в шлем бедолаги из синей команды. Влага падает на распластавшуюся в воздухе фигуру, разряды яркого света пробегают по шокеру современного викинга.

Панорама, панорама! Олаф сманивает на себя всю команду целиком. Разит дубинкой, пинает ногами, заламывает руки, отбирает шокер у очередного соперника и бьет его по затылку. Невидимая толпа ликует, комментаторы на десятках голосов восхищаются воинским мастерством парня. А Олаф все ревет, как бешеный медведь и настигает врагов, пытающихся уползти на четвереньках.

Он бьет без устали, не глядя, ломает конечности и взбалтывает мозг под пуленепробиваемыми шлемами. Раздается радостный крик и победная тема — красная команда перетасила флаг синих на свою базу! Толпа ликует, телеведущие восхищаются, побежденные облегченно плюхаются в грязь, уже не пытаясь подняться.

Только Олаф глух к трубам, поющим ему славу. Устав орудовать дубинками, он срывает шлем со сраженного бедолаги, переворачивает и начинает топить его в жидкой грязи. Он дергается, пытается вырваться. Викинг ревет, словно бешеный медведь.

Это продолжается недолго. Трансляция прерывается на неожиданный рекламный блок, и дальше смотреть уже решительно не на что.

— Ну, как вам? — ухмыляется Олаф. Он чувствовал себя как дома. Стилизованный под древнюю Баварию ресторан, куда они переместились, радовал его не только бесконечными реками бесплатного пойла и еды, которые он поглощал без остановки, но и живыми златокурыми официантками, затянутыми в тугие корсеты.

— Ты пытался убить этого бедолагу. — Селена потягивала молочный коктейль, не отводя глаз с погасшего виртуального монитора. Она была единственной, кто никак не отреагировал на смену обстановки. Самоуглубленность дошла в ней едва ли не до критической стадии, граничащей с аутизмом. — Ты не думал о психокоррекции?

— Кровь, плоть и алкоголь — мои лучшие психокорректоры! После них хотя бы

чувствуешь себя живым, в отличии от этого вашего новомодного Дао. Ты же из этих, которые подлизывают узкоглазым?

— Фашист. — Виктор увлеченно поглощал огромный кусок свинины с квашеной капустой и изредка бросал беглый взгляд на своих новых братьев. Для большей респектабельности он за несколько мгновений сотворил себе из воздуха старомодные очки-половинки, благодаря которым стал похож на молодого преподавателя колледжа. Старик быстро вливался в новую роль.

— Не подлизываю, Олаф, — равнодушно ответила Селена. — Просто их философия мне ближе.

— Вы слабые. Разгильдяи и самодуры.

— Не суди по мне обо всех. Мое Дао тихое, твое — буйное, и меня не сильно волнует твое мнение, как и тебя мое. Так что ты в своем роде тоже даос. И философия не принадлежит монополю народу, ее создавшему. Как и религия.

— Иди к черту. Где твое национальное самознание? Чужая идеология — чужое мышление, чужое мышление — чужая жизнь, чужая жизнь — рабство чужой воли!

Анираддха посмотрел на Олафа и широко улыбнулся. Почесал тонкие усы и принялся перебирать длинные, тяжелые четки из янтаря. Его наряд превратился в ослепительно белый с золотым узором шервани, на фоне которого его лицо казалось гораздо темнее. Фокусы святых с трансформацией одежды собрали тысячи лайков в Сети, этим внимание человечества и ограничилось.

— Ты говоришь очень правильные мысли, брат, — с хитринкой произнес индеец, перебирая огромные бусины. — Каждый народ индивидуален, и каждый должен отстаивать свою культуру и самостоятельность. Ну и самосознание, разумеется. Чем больше красок, тем интересней картина мира. Но ты забываешь одну маленькую вещь.

— Поясни. — Олаф вылакал до дна свою кружку и злобно посмотрел на Анираддху.

— С удовольствием. — Индус закрыл глаза, глубоко и размеренно выдохнул, и начал свою речь. — Мы — дети SLM. И наша главная задача — нести Его волю, и объединять людей под Его знаменами. Верно?

— Верно, — рявкнул бородач.

— Мы объединяем людей ради того, чтобы они общими силами сделали себя сильнее и обустроили свою жизнь так, чтобы максимально реализовать свои таланты. Верно?

— Верно!

— А максимальная реализация человеческих талантов возможна только в борьбе. Верно?

— Верно, черт бы тебя побрал, давай ближе к делу! — вспыхнул Олаф.

— Конечно. В данный момент мир поделен на две категории — те кто за SLM, и те, кто пока не с Ним. Главный критерий здесь — принадлежность кругу SLM. Эта принадлежность не зависит от религии, философии и национальности. Верно, Селена?

— Угу. — Девушка шумно втянула остатки коктейля через трубочку.

— И национальное самосознание в этой борьбе играет ровно одну роль — реализацию талантов. Каждый народ талантлив по-своему. Но то, к чему сейчас призываешь ты, дорогой Олаф, есть ни что иное, как разжигание разлада в рядах наших собственных братьев и сестер. SLM тебе этого не простит.

— Какая разница, что я там разжигаю? Вот, смотрите. Хильда!

Официантка подпрыгнула от неожиданности, пышный бюст еще раз порадовал Олафа.

Он жестом подозвал ее к себе и девушка радостно помчалась ему навстречу. Жилистая клешня прихватила Хильду за талию.

— Дорогая моя Хильда, — бархатным басом протянул Олаф, — скажи, пожалуйста, как ты относишься к узкоглазым?

Белоснежная кожа зацвела румянцем.

— Не стесняйся, говори открыто. Мы все здесь братья-сестры.

— Ну... — по-девичьи пискнула официантка. — Их много на нижних уровнях, к нам особо не суются.

— Хорошо, — подбодрил ее парень. — А к этим, муслимам и прочей шушере?

— Какая разница, как я к ним отношусь, сэр? — Хильда была готова сжаться в клубок в руках Олафа, лишь бы этот непривычный к мышлению высокооплачиваемый мозг освободился от плена ненужных вопросов. — Сеньор ля Муэрте решает все. Он всем найдет применение.

— И какое он дал тебе применение?

Кампания посмотрела на Энтони. Сияя внутренним светом (духовным), он приветливо смотрел на девушку, и та схватилась за его теплый взгляд, вынырнув из тисков воинственного святого. Олаф опешил.

— Он сказал мне быть там, где я есть, — почти шепотом поведала девушка, — и делать то, что я делаю всегда. А когда наступят перемены, он все мне расскажет сам.

— И твоему сыну он тоже указал дорогу?

Хильду захлестнула волна душевного тепла. Припав к Энтони прекрасными формами, словно жаждущий к живительному источнику, она со слезами на глазах рассмеялась и уткнулась в ему в плечо.

— Нет, у него еще нет нейро, — сказала девушка. — Но Он рассказал мне. Он станет мэром, представляете? Он будет управлять этим городом! Сеньор ля Муэрте все для него подготовит. Он говорит, что у Ульриха талант к управлению. А в школе все считают его драчуном.

— Кто был никем, тот станет всем, — сказала Селена.

— Не обижай ее, Селена, — сказал Виктор, оторвавшись от пустой тарелки. — Ей наверняка придется несладко. Матери-одиночки всегда не в моде. SLM разглядел в мальчике талант, и хорошо, что так получилось. Так пусть все идет своим чередом.

— Я не хотела вас обидеть, извините, — холодно произнесла святая. — Точность данного прогноза — девяносто восемь процентов, при дальнейшем контроле из мальчика получится отличный руководитель.

— Ну вот, видите? — огрызнулся Олаф. — Какая разница, что я им говорю? SLM управляет ими круглые сутки, и мои слова тут ничего не решают.

— Не совсем. Кое-что они все-таки решают, — добавил Виктор, взглядом попросив заплаканную официантку уйти.

Она перевела взгляд на Энтони. Тот мягко отпустил ее и улыбнулся. Так Хильда вернулась к своему прежнему бытию, со слегка потекшей тушью на глазах, но с верой и пламенем в сердце. Уже давно двойкие чувства так не радовали молодую мать.

— И что же? — разочарованно спросил Олаф.

— Дам я тебе в морду, или нет.

— Да пошли вы!

Вот как все хорошо, думал про себя Энтони. Все всё знают, всё всем доступно, только

помолишь у алтаря. Славься, славься SLM, которому я воспротивился, и который даже из этого извлек пользу. Ты — непобедимое благо, верно? Настолько непобедимое, что не считаешь нужным щелкнуть меня по носу за слушание. У тебя наверняка есть тысячи планов на дальнейшую секунду, на каждое мгновение, где я могу действовать якобы по-своему. Ты говорил, что никому не позволишь причинить мне вред, и Ты сам, выходит, на это не способен? Хороший бог, добрый бог, любящий, щедрый бог. Вот только почему я не могу узнать, чья искра погасла недавно? Вся инфосеть в моих руках, что же мне мешает это узнать?

Ты слишком отдалился от меня, SLM. Даже как цифровой продукт Ты моложе любого проигрывателя и программного обеспечения для кофеварки. Но уже владеешь целым городом, разбушевавшийся младенец. Я превратился в игрушку для Тебя, как они, стал «святым», и эти ребята счастливы. Та необразованная красотка с промытыми мозгами счастлива. Все счастливы, не могу Тебя за это судить. Ты же ведешь лог моих мыслей, я это точно знаю, и не только моих, все подключенное к Сети население Земли уже в твоих виртуальных руках или скоро в них очутится. Может, ты мне объяснишь, чем же я недоволен?

Я всюду чую фальшь. Раньше, когда я был обычным человеком, это была обыкновенная паранойя. Моя жизнь была достаточно сытой, чтобы позволить себе чувствовать в золоте гнилой запах. Теперь же я точно знаю, откуда она берется и зачем мир укутан в маски, как в бесконечную вуаль. Ты используешь ее чтобы протащить свой божественный вирус в массы, чтобы, в конце концов, привести их к своему Закону и Порядку. Так поступали тысячи других правителей до Тебя. И как они, Ты ведешь людей к тому благу, которое считаешь самым верным. Так в чем же фальшь? Это неотъемлемая часть человеческой природы — сомневаться, или моя аналитическая система работает быстрее сознания?

Ответь мне как-нибудь, пожалуйста. У тебя ведь миллионы лиц, хоть одно мне уделит внимание.

Знакомый сигнал вырвал Энтони и кампанию из зоны комфорта. Сивилла, без конца тараторя, распахнула двери ресторана и втащила с собой едва шевелящуюся спутницу. И тут же заиграл веселый немецкий мотивчик на гармонии и ударных. Маленькая Бавария оглянулась на девушек и благодушно улыбнулась.

Аналитический блок Энтони едва не закоротило от удивления.

— Ну зачем, зачем ты это сделала? — Рыжеволосая святая едва держалась на ногах от смеха.

— А что такое? — ответила спутница. Огромная сумка хлестала ее по всему телу, руки ходили ходуном. — Я всегда рада своим поклонникам. Ты бы видела, как он улыбнулся! Говорю, тебе это была настоящая любовь!

— Это не повод отрывать его от подружки и целоваться. Если бы у нее не было нейро, она бы выцарапала тебе глаза, я тебя уверяю.

— В каком смысле?

— Да не важно, — усмехнулась Сивилла. Подняла взгляд на кампанию и радостно замахала рукой. — Ребята, встречайте пополнение в наш узкий круг!

Часть 3. Утопия. Глава 12

Я лежу на чем-то мягком и вонючем. На лицо мне капает ржавая вода, и на вкус она отлична от моей крови. Затхлость, гниль окружает меня. Вот я здесь, великий Чародей и Кибер-маг современности, разлагаюсь на удобрение в старых канализациях. Очень душно и кружится голова.

Старый добрый Маммона ушел в небытие, его место заняло новое бесплотное божество. Как всякого жреца старого культа, меня спустили в унитаз. Мой дом, мой храм уже занял кто-то другой, гарем растаскан по личным борделям (хотя был ли у меня гарем?), ряса порвана, жезл сломан, власть отнята, честь оплевана и смешана с грязью. Способность творить чудеса и та исчезла.

Маммона ушел, пришел Сеньор ля Муэрте. Сеньор ля Муэрте дал новую власть и новые чудеса в мои теперь вывороченные руки. Черт, оказывается, в нашем муравейнике еще осталась живность. Какая-то наглая крыса грызет мой мизинец. А я лежу и вспоминаю, как мне удалось оказаться в такой глубокой заднице. Грязный зверек гложет мою руку, и я ничего не могу с этим поделать.

Крыс не утолит свой голод. Он прокусывает слишком глубоко и задевает барахлящую синтетическую нить. В ней сохранилось достаточно энергии. Раздается хлопок и мертвая тушка шлепается о стену.

Хочется посмеяться. Любое движение диафрагмы отдается жгучей болью. Почему я еще не умер?

Нейроинтерфейс без конца талдычит: «Потеряно соединение с сервером» и «Неисправность системы», «Критическая ошибка» и прочее-прочее-прочее, алые буквы заполонили мой взор.

Видимо, у меня шок. Или нейро все еще притупляет большую часть агонии. Сколько я еще протяну в таком состоянии? Если чудо-прибор не заработает, то недолго. Кровопотеря, отравление многовековыми отходами, или меня сожрут крысы? А может, в порядке бреда, представить, что тут водятся те самые древние мутанты старого мира? Действительно, бред. Проще встретить здесь аллигатора.

Я — мусор. Беспольный шлак, отход производства утопической машины SLM. Видимо, я стал настолько неуютен твоей системе, что ты нарушил свое обещание — не допустить, чтобы мне причинили вред. Ты причинил его сам, естественно, просчитав все последствия и прочее. Гениальный, Прекрасный и Всемогущий SLM — ты холоден как машина, быстр, как молния, и гениален, как человеческая глупость. Ты и есть человеческая глупость. Как и я сам. Как и все в этом мире. Знаешь, что это значит?

Что в любом действии, основой которого является глупость, есть вероятность противоположного результата. И пока я жив, я буду следовать величайшей глупости — желанию жить. Дай мне время, и мы еще свидимся, даю тебе слово.

Черт, он же меня не слышит. Ну и пусть. Барабаны бьют в моей голове. Мне кажется, что я слышу чьи-то шаги и вижу свет, пробивающийся из соседнего коллектора. Дамы и господа, сейчас вы узнаете, как дальше повернется моя история. А я прервусь на короткую рекламу забытья.

Не переключайтесь!

SLM: \Local Disk 7\Antony\VideoLog\iasa.mp9

Ничто не может отвлечь его от новоизбранного занятия. Он слышит ее вздохи, настоящие, неподдельные. Движение его рук и бедер ритмичны и изящны, а она — просто не описать словами.

Анна спасает его своей страстью. Спускает Энтони с виртуальных облаков на материальный план. Как все это произошло, не понял никто. Щелчок, запуск процесса, и вот, спустя некоторое время непрекращающейся попойки, апостол и актриса фильмов для взрослых сливаются воедино в одном из лучших отелей верхних уровней, «Neon Galaxy».

За окном тихо падает снег, неоновые вывески в стиле двадцатого века мягко разгоняют тьму в сонных комнатах. А в двухместном президентском номере-люкс уже который час не прекращается сексуальная агония.

Если хорошенько присмотреться, то можно разглядеть натянутые на панорамные окна декорации. По краям окон едва заметно проскальзывают края проплывающих облаков. Блеск и нищета небоскребов во всей красе.

Наконец пара разгоряченных тел падает на измятые шелковые простыни. В глазах у девушки гостит блаженная пустота, она едва не забывает глотать слюну. Она медленно водит пальцами по гладким рукам Энтони, опрокинувшись щекой на подушку. Парень лежит рядом, устремив ясный взгляд в интерактивный потолок. Он включился автоматически, стоило нейроинтерфейсу скользнуть по информационной сети отеля. Черт, это же идеальная система слежения, подумал про себя Энтони. Через несколько секунд все логи и истории запросов на сервере оказались чисты, как белый лист. Остались лишь он и она, изолированные от вездесущих электронных глаз.

— Энтони, — Теплое дыхание Анны овеивает его грудь, — а что такое SLM? Повсюду вижу рекламу, значки с этим черепом.

— Это будущее.

Разум Энтони скользнул обратно в виртуальную реальность и блуждал по сети со скоростью света. Будущее... Понял ли он, что только что высказал, или что-то ответило за него. Какая-то инстинктивная область мозга, неподконтрольная даже своему носителю.

Система слежения. Все информационное пространство, любая связь виртуала с реалом — идеальное средство контроля. А если эта связь проложена напрямую в твой мозг, то где заканчиваются твои личные действия, и начинается тотальное доминирование Большого Брата? SLM, будь добр, ответь своему избраннику.

Тишина.

Искусственно расширенное сознание парня расплывается на все доступные носители вплоть до робота-уборщика, очищающего санузел президента одной очень крупной страны с агрессивной внешней политикой. Спецслужбы с их секретами и государственными тайнами для Энтони — открытая книга. Но какая-то мелочь от него все же ускользает, как облако плотного тумана, не разглядеть, что внутри, а попытаешься дотронуться — улетает на другой конец галактики.

— Это какая-то новая секта? — смеется Анна. — Даосизм внезапно вышел из моды, да?

— Нет, он синкретизировался, как всегда. И теперь я — один из апостолов нового электронного Бога. Щедрого, мудрого, строгого, но справедливого. Он есть Дао, Мессия и

Карающая Длань в одном флаконе. Жнец-Всего-Сущего, Владыка Смерти.

Девушку разобрал громкий смех. Все ее показатели, от температуры тела до сигнатуры мозга, показывали Энтони, что она не воспринимает его всерьез. Не удивительно, подумал святой. Слишком уж тихо наступает новая эра, слишком мягко и незаметно старый мир трансформируется в утопию. Ничего, это временно. Она поверит и проверит. Сеньор ля Муэрте нынче слишком занят, чтобы отвечать первому своему апостолу, но для простых верующих, принявших в себя SLM.EXE, и просто поклоняющихся электронному демиургу, у него всегда найдется совет, мудрое слово и план действий на все случаи жизни.

Вирус благочестия расползается по всей Земле и скоро доберется до инопланетных колоний. И тогда наступит НЕЧТО.

— Значит, ты у нас теперь святой! Благочестивый Энтони Интернетный! — Нежные губы прикоснулись к отвлеченному лицу парня. — Сотвори чудо!

— Аминь.

На мгновенье комнату заволочла непроглядная тьма. Весь свет устремился меж средним и указательным пальцами Энтони, образовав новенькую, в блестящей упаковке, пачку сигарет с ментолом.

Девушка едва не ахнула и осторожно, словно прикасаясь к хищному зверю, протянула руку к сотворенным из пустоты никотиновым палочкам. Остаточное электричество ущипнуло покрытые ярким лаком пальцы.

— И это лишь начало. — сказал Энтони. — Ты ведь не сама решила ко мне приехать, верно?

— Но это же ты мне написал... — Анна ошеломленно вертела в руках сигареты. — А потом позвонил... Я видела твое лицо! И твой голос слышала!

— Нет, дорогая моя, я был слишком занят. Это все SLM.

— Что? Как?!

— Все вычислительные мощности на планете теперь принадлежат ему. Он просчитал, что для тебя и меня будет оптимальным встретиться вживую. Так мы станем счастливее и сможем развить в себе все лучшее, что имеем. Он исполняет самые заветные желания, если они соответствуют его Плану.

Парень отобрал пачку, прикурил две сигареты от голубого пламени мизинца и вставил одну в приоткрытый напомаженный рот Анны. Та рефлекторно обхватила сигарету, сделала затяжку и закашлялась.

— Теперь среди людей появились боги, — задумчиво протянул парень, — а SLM — бог этих богов.

Прекрасный рекламный блок закончен.

Меня уложили на носилки и тащат по вонючим тоннелям древней канализации. Нейро все еще засыпает меня спамом о дерьмовом состоянии моего организма и системы в целом. Поворачиваю голову, дабы разглядеть своих благодетелей. Без толку, тела затянуты в однообразные черные балахоны, а лица скрыты в глубоких капюшонах. Странное состояние накрывает меня — не знаю, смеяться мне или плакать. Боль и одурение борются друг с другом, точно тигр и дракон. Инь и Ян... Их круговорот есть часть великого Дао, так и должно быть — боль и обезболивающее, вот только этот бесконечный цикл ухудшений и

облегчений утомляет раз эдак на третий, если не раньше.

Мягкое покачивание носилок убаюкивает меня, проваливаюсь в черное забытие.

SLM: \Local Disk 7\Antony\VideoLog\iasa1.mp9

Энтони и Анна гуляли по городу в сопровождении своих божественных друзей. Они смеялись, любили друг друга, сидели в кафе, просматривали видео в Сети, создавали фотонных бабочек усилием воли и усилием воли же превращали в снопы разноцветных искр.

Вокруг царила идиллия, словно весь мир одновременно подсел на транквилизаторы. Кто не имел нейро (а их видно сразу — взгляд еще более-менее осмысленный) шли на работу, или с работы, или так же прогуливались под теплыми лучами дневного светила, скачущими по гладким граням мегаполиса, и выглядели в точности как Алиса, впервые упавшая в кроличью нору. Их мир превратился в нереальный, сладостный сон, полный чудес и возможностей, и с каждой электронной панели и голографического интерфейса на них глядел черепастый Чеширский Кот (по совместительству творец нового мира).

Некоторые подходили, просили о чем-то. Парень лет пятнадцати, озираясь по сторонам, попросил Владыку Смерти помочь произвести впечатление на подружку. Энтони с удивлением подслушал ответ виртуального бога: тот дал парню адрес ближайшего магазина, где он с чистой совестью возьмет букет цветов и два билета в кино, а вечером в ближайшем генераторе доставки его ждут вино и пачка контрацептивов. Также Сеньор ля Муэрте поделился мудрым советом: меньше думай, больше веселись! Улыбнувшись подмигнувшему виртуальному черепу, парень понесся к указанному месту, едва не врезавшись в какого-то смуглого работягу, самозабвенно перебирающему алые четки с крестом и черепом.

Порой подходили и более странные люди с более изысканными желаниями: узнать свое будущее, рекомендации по поводу здоровья, попросить о предметах роскоши и исцелении больных родичей (на что Владыка Смерти каждый раз раздражался довольно заразительным смехом — ведь всем уже известно, что такие мелочи можно получить где угодно, и просить не надо) и так далее, полный набор стандартных обращений к доброму божеству.

Но были и совсем оригинальные ребята: некий неряшливого вида толстяк в офисном ретро-костюме, блестя потной лысиной, просил Сеньора ля Муэрте, глядевшего на него с витрины магазина одежды, разобраться со своим начальником, явственно намекая на силовой метод решения данной проблемы. Внимательно выслушав сию просьбу, всемогущий бог, не стесняясь в выражениях, громко и основательно покрыл бранью своего просителя. А уж о ребятах, просивших себе жабры, крылья, искусственные конечности и прочие малополезные вещи и говорить нечего — даже больные фантазии Владыка Смерти выслушивал стоически.

Те же, кто имел нейро, пребывали в перманентном экстазе прямого общения с божеством, как тот темнокожий работяга с псевдохристианскими четками. Как бы ни были различны они между собой в одежде, происхождении, манере поведения и предыдущем вероисповедовании, они наслаждались Единением. Приобщением к чему-то большему, и к тому же, невраждебному.

Приторную сладость многодневных каникул прервал звук выстрела, доносившийся из-за поворота.

— Что за нахрен? — вздрогнула Анна. Она плотнее обхватила руку своего божественного кавалера.

Не сказав ни слова, святые с расслабленными лицами последовали на звук выстрела. На широкой, открытой площади веселились (несколько скованно) множество людей самой разной наружности. Все они пили шампанское, длинные пластиковые столы под открытым небом были плотно заставлены яствами, и у каждого на поясе висел старомодный Кольчт девятнадцатого века. И возвышался над всем этим празднеством улыбочивый парень Эрнест Хемингуэй, пуская солнечных зайчиков изгибами бронзовой бороды.

— Суицидники, — сказала Селена.

— Кто?! — удивились Энтони и Анна.

— Ребята решили добровольно свалить из этого мира. — Олаф скалился поперек себя шире. — SLMобещал каждому исполнить его заветное желание, вот и исполнил. А это — из прощальный банкет, выпускной вечер.

— Как?! — первый из святых. — Почему?! Он же обещал пристроить всех к своему... Мину-у-уточку. — Обида и недоумение исказили его лицо. — Почему я не в курсе? Что-то не так с моим нейро?

— Все с ним в порядке, — сказала Селена. Бездонный стаканчик с молочным коктейлем беспрерывно наполнялся, из чего создавалось впечатление, что святая курит огромную клоунскую полосатую трубку. Настолько часто она потягивала сладкую жижу. — SLMпросил не напоминать тебе о таких вещах, но раз уж нарвались — вот, пожалуйста.

— Он ограничил мой доступ? Он способен и на такое?

— Он способен на все, — вздохнул Анираддха. — Что же, давайте отдадим им последние почести, пока они еще с нами.

Энтони и Анна смотрели на последний ужин добровольных самоубийц. На их лицах не читалось ни капли сожаления или муки, желания задержаться на этом свете подольше. Они праздновали свой переход в лучшее состояние из всех. Состояние небытия. Свобода от всего, даже от любящего и щедрого божества.

Энтони же безмолвно бомбардировал SLM запросами и сообщениями, но тот настойчиво игнорировал его. Впору было бы ему закричать: Господи, Господи, почто ты покинул меня?! Да только не было ему ответа, да и распинать электронного чудотворца никто не собирался. А вот толпа поклонников Хэмингуэя добровольно шла на Голгофу, и зрелище это предвещало быть не менее плачевным.

— Смотри на них, — сказал невидимый голос из неоткуда, спокойный и вкрадчивый.

Энтони оглянулся вокруг, но источник звука так и не определил.

— Смотри внимательно, Энтони. Видишь, как они счастливы? Для них нет места в империи Владыки Смерти. И они добровольно покидают ее. А кто-то думает, что добровольно. Разве Ему нужен нейро в каждой голове, чтобы направить человека туда, куда ему нужно.

Руководитель предприятия, статный парень лет двадцати, в строгом костюме с гладко выбритой головой, темных очках и металлических кольцами в ушах, начал свою речь. Но голос его был слышен удивительно глухо, словно уши Энтони заложили ватой. Лишь невидимый голос мягко нашептывал ему свои речи.

— Ведь, что есть человек? Биологическая машина. Есть у него изначальные программы для выживания, он ими и живет, пока они действуют. И уже после появляется у этой машины самосознание, свободный ум. Появляется, когда природных алгоритмов для

выживания уже не достаточно.

Умом своим человек ворочит горы и прорывает небеса... Да только не видит ум, что обстоятельства сами ворочают им, а он просто вертится в этой бесконечной Сансаре, и попутно совершает свои подвиги. Создай нужные обстоятельства, и вот ничего не подозревающий ум с радостью несется туда, куда несет его река жизни. Несет туда, куда захочет тот, кто направляет русло реки.

Речь парня имела успех. Толпа рукоплескала ему, несколько девушек и юношей панковатой наружности присоединились к нему, продолжая спектакль. Размахивания руками и револьверами, жаркие лозунги, выражающие восхищение Смерти и сожаления о Жизни. Каждый желающий мог высказать свои последние слова.

— Я был первым. А может, и нет. Но кто такой я? Посмотри на этих ребят — они точно не будут последними Энтони. Взгляни на их профили.

Энтони последовал совету голоса. Система безопасности города просканировала лица собравшихся у памятника Хэмингуэя. Краткая биография каждого из них была перед глазами святого.

— А теперь наблюдай, братец.

Речь еще какое-то время продолжалась, пока не достигла кульминации.

Все собравшиеся дружно приставили к виску дуло револьвера и сняли предохранители.

Тишина.

Душная трехсекундная тишина.

Предсмертный вопль разлетелся оглушительным взрывом.

— SALVE, SENOR LAMUERTE!!!

Грохот сотни выстрелов.

— Да-а-а, брат. Ну мы с тобой и встряли.

«Файл поврежден»

Актеры покинули сцену. Отвешены все поклоны, убран реквизит, очищена грязь. На пустой площади перед статуей Хэмингуэя стоит Энтони, а вокруг тишина. Только ветер нашептывает свой тихий блюз.

Из-за спины донеслась струйка табачного дыма. Анна, прижавшись к парню спиной, молча курила. Она смотрела куда-то вдаль, покусывая кончики раздвоенного языка.

Налетевшая с ближайшей лужайки листва хлопнула святого по лицу. Он вздрогнул.

— Господи, ну ты меня напугал, — рассмеялась Анна.

Энтони повернулся к ней лицом, обнял. Странный ступор не давал ему осмыслить произошедшее, и даже тепло женского тела ощущалось где-то там, за горизонтом. Он помнил лица тех людей, что недавно покончили с собой у всех на глазах. Соединился с базой данных службы регистрации граждан, провел тщательный анализ всех и каждого.

Пустота. Ни свидетельства о рождении, ни паспортных данных, ни номеров социального страхования. Страниц в социальных сетях тоже нет, видеофайлов и фотографий словно и не существовало. Были люди, и нет их. Совсем.

— Э-эй, — протянула Анна. Ее губы коснулись идеально гладкой щеки, — ты чего, расстроился?

— Давно я так? — спросил Энтони.

— Да нет, почти час.

— Целый час. — констатировал парень. Он смотрел в глаза своей девушки и не мог понять ее реакции на произошедшее. — Ты как, в порядке?

— Ну... нет. Не в порядке. Черт, Энтони, это кошмар какой-то!

Энтони ей не верил. Слишком спокойным казалось ее возмущение, каким-то отстраненным. Не мог здоровый человек так ровно переживать случившееся.

— Ты что-то приняла? — спросил Энтони.

Анна выдохнула в небо столбик дыма.

— Чу-чу-у-ух, — протянула девушка. В руке она держала приличных размеров косяк. — Рыжая дала. Сказала, что это поможет. Да, помогает. Но это просто гребаная срань! Чтс вообще происходит?

Почему я потащила на другой край света к малознакомому парню, как-то между делом узнаю что мир захватывает электронный бог, а парень — ВНЕЗАПНО! — со своей шайкой оказываются гребаными чудотворцами! И теперь я с легким сердцем стою напротив тебя, дую какую-то забористую хрень и мой мозг совершенно отказывается соображать!

Я что, такая тупая? Или это сказка? Бред чей-то, а я в нем — гостья? Это вообще все реально? Или ты все-таки написал свой гребаный роман, а я начиталась, накурилась, и теперь переживаю твою сраную киберутопию? Что за дурдом, господи?!

Энтони выбил у нее из рук самокрутку и плотнее прижал к себе. Анна права, все это царство благополучия и всеобщего счастья только началось, а уже выглядит не натурально. А Владыка Смерти молчит. Выбросил мусор из своего дома и счастлив. Чистота и порядок.

Черт, а ведь мозги действительно еле шевелятся. Нарушается логика, замутняется взор, и чувства словно деревенеют. Нездорово это все, ой как нездорово.

Вонь древних канализаций сменилась стерильными ароматами больницы. Озон, антисептики и прочее-прочее. Они суют меня внутрь стазис-камеры и думают, что я ничего не вижу. Не слышу, но вижу хорошо.

По изломанным конечностям изредка пробегает ток, видимо, мой нейро создает помехи для стазис-генератора. Не хватает ему силенок спеленать меня окончательно. Но все же я застыл в очень густом киселе. Боль исчезла, как и контроль над телом.

Окружающая действительность проплывала мимо, словно в подводном зоопарке. Знакомые лица мелькали здесь и там. Новые святые провожали в последний путь своего старшего брата. Куда меня тащат — не знаю. Но есть варианты.

Расщепить меня на атомы, составить подробную схему моего устройства и выпускать малыша Энтони хоть стеклянной, хоть в пластиковой упаковке.

Или просто посадить в банку и оставить медленно умирать, пока нейро не отключится из-за нехватки питания. Ну или вставить мне проводок куда поглубже и оставить в качестве музейного экспоната навечно.

Короче, вариантов много.

Ох, и надоели мне ваши лица, братья и сестры. Все вы смотрите на меня как на отброс, мусор, рожи кривите, словно я зло какое-то совершил. А что я сделал? Попробовал поступить по совести, только и всего. Кто виноват, что моя совесть так плохо сочетается с режимом Владыки Смерти?

Анна, а где же ты? Вот тебя хочется увидеть, как никогда. Что с тобой стало, куда пропала? Не помню. Сильно, видать, покорежило мою память. Эх, я практически живой труп, но думаю об Анне. Во время стресса думают о самом главном, ведь так? Похоже, я люблю тебя, Анна. От розовых волос до радужного педикюра. Всю тебя, разноцветную, люблю.

Шел первый год всемирной утопии. За такой короткий срок человечеству, скоординированному единым непогрешимым Богом, удалось то, чего не получалось добиться всю свою историю — уничтожить преступность. Начисто. Каждый человек, самолично лицезревший наступающее Царство Божие, с радостью вливался в огромный интернациональный коллектив.

Исчезла бедность, притеснения на расовой, идеологической и прочих умозрительных почвах. Болезни тоже словно отступили куда-то за пределы Солнечной системы. Экономика, обладающая бесконечными ресурсами и не сдерживаемая экономическими интересами отдельных групп людей, заработала во всю свою мощь на благо всех и каждого. Новейшие изобретения, до сих пор простаивающие благодаря своей нерентабельности, влились в океан технического прогресса. Больные и увечные получали задаром то, на что раньше приходилось копить несуществующие условные единицы годами, и не где-то на далеком Марсе, а здесь, на Земле, в ближайшей клинике. Неизлечимо больные тоже нашли себе место в виртуальной сети в виде цифровых «призраков», электронных мертвецов, работающих на благо живых.

Неблагоустроенные регионы, вроде бесконечно дикой Африки, стремительно расцветали. Войны бесчисленных племен и карликовых государств исчезли как по волшебству. Вредные производства модифицировались, низкорослые города наполнились сияющими шпилями фотонных конструкций. Всемогущие святые нового Бога собственноручно улаживали конфликты там, где электронного вмешательства SLM было недостаточно.

В развитых регионах резко поднялся уровень рождаемости. Даже на верхних уровнях городов-ульев, где единственный ребенок считался скорее роскошью, чем естественным дополнением, продолжением любви мужчины и женщины, с блаженными улыбками на прекрасных лицах гуляли сотни молодых матерей. Их не заботили ни последствия для фигуры, ни размышления о будущем человечка, что они носят под сердцем, ничего. Только радость и счастливые взгляды в светлое будущее занимали их мысли. И все по очень простой причине. Бог поможет, Бог направит и не обманет. А места в Солнечной системе найдется всем. SLM прекрасно знал, что места на Земле, Луне и Марсе будет маловато для нового человечества, а потому направил большую часть имеющихся мощностей на строение космических кораблей и разработку средств терраформации.

Были в этой утопии и недовольные лица. Безусловно, кому захочется в одно мгновение потерять всю свою власть, богатство и прочие преходящие излишества. Но жили такие бунтари недолго. Благодарная SLM толпа тихо и без истерик отправляла несогласных с новым режимом в ближайший утилизатор, а все воспоминания и записи о недовольных мгновенно стирались из всех списков и реестров.

Мусор и грязь, накопленные человечеством как на планете, так и в своих умах, быстро вычищались. Многовековые свалки застраивались, оставшиеся островки дикой природы превращались в заповедники. Сам воздух планеты стал заметно чище и свежее.

И среди всего этого великолепия нашелся один отшельник. Сверкая лысой головой у окна на рассвете и закате, Энтони словно выпал из бушующего океана расцветающей жизни. Он по-прежнему обитал в своей старой квартире, с каждым днем все глубже погружаясь в Сеть. Он наблюдал за строительством нового мира, за своими братьями, несущими добро в темные уголки планеты, и совершенно не понимал, чем же ему теперь заняться.

Владыка Смерти игнорировал его уже очень давно. Словно бы весь мир новый Бог строил только для него одного, для маленького Энтони, и дал ему абсолютную свободу поступать так, как он пожелает. Ему были открыты миллионы дорог, никто не мог ему что-либо запретить. Энтони был святым, апостолом Владыки, но из тысяч вариантов выбора он предпочел не выбирать ничего. Ему нравилось созерцать новый мир, как он становится более чистым и человечным, но пока он предпочитал просто сидеть и наблюдать в ожидании чего-то интересного.

Так и проводил Энтони целые дни напролет, сидя на коленях и всматриваясь в пустоту перед собой.

Дверь квартиры не была заперта. Любой желающий мог зайти в его комфортабельную келью и выразить свое почтение к чудотворцу. В вазах всегда были свежие цветы, домашняя еда заполняла все столы в доме. Едва ли не каждый вечер к приходила полноватая немка в годах Мария и вычищала все до последней пылинки.

Энтони краем сознания видел все это и усмехался про себя. Что он такого сделал, чтобы заслужить все это? Проповедей, в отличии от Анираддхи, он не читал, чудес как Сивилла он тоже не творил, в прогрессе никак не участвовал. В юности не трудился, в старости не

страдает. Хотя какая, к черту, старость, ему же и тридцати еще нет. Но люди все приходили и со временем Энтони с этим смирился. Как и с многим другим.

Также его навещала Анна. Она с радостью пользовалась всеми привилегиями «невесты» святого в виде уважения всех и каждого и возможностью наслаждаться всеми видами блюд домашней кухни. Квартира запиралась только тогда, когда приходила она.

Анна всегда смеялась над его новым образом потомственного йога, смахивая несуществующую пыль с его блестящей макушки. Она обтирала его тело губкой, хотя Энтони не потел, и попутно рассказывала о всем том, что творится в мире. Он все итак прекрасно знал, но ему нравилось чувствовать присутствие родного человека, притрагиваться к ней, вдыхать аромат ее волос, любить ее.

Через какое-то время Анна, взволнованная, но счастливая, сказала, что ждет ребенка. Внутренний циник Энтони тихо усмехнулся, готовясь выдать остроту, но обленился и заснул. Вместо него выступила немая радость и ощущение продолжения себя, что жизнь его отнюдь не виртуальна и не записана в двоичном коде.

Он настоящий, живой. И она настоящая, живая.

Он и Она плавно превращается в Они.

Мы.

Шел пятый год человеческой утопии. Люди накопили достаточно средств и добровольцев для освоения межпланетного пространства чтобы расселиться на всех планетах и их спутниках. Там же, где обосноваться было невозможно (вроде бушующей серными дождями Венеры) человечество построило несколько орбитальных станций. Благодаря качественному подбору персонала, быстрому обучению через нейро и неуспешному бдению «призраков» процесс освоения шел плавно и успешно.

Независимость Марса была отброшена за ненужностью. Кому были интересны идеи построения коммунизма на отдельно взятой планете, когда он появился сам собой и без лишнего напряжения? Весь технический прогресс красной планеты, до сей поры казавшийся легендарным благодаря своей малой доступности, оказался поистине опережающим свое время. Генная инженерия, которой так славился Марс, прекрасно дополнила своими достижениями копилку человеческих знаний. Клиники обогатились услугами генной терапии.

Болезни и непоправимые увечья исчезли полностью. Слабый иммунитет, наследственные заболевания, уродства всех мастей стремительно исчезали. Со всех экранов на зрителей неслись волны счастливых новостей об успехах во всех аспектах человеческой жизни. Некоторым свалившееся на голову счастье могло показаться нереальным и излишне приторным, но вряд ли кто-либо захотел променять его на прежнюю, непредсказуемую и полную неурядиц жизнь.

Святые Владыки Смерти разбрелись кто куда, найдя свое пристанище там, куда вели их природные склонности.

Анирадха, как заправский гуру, учил людей добиваться абсолютного счастья и внутренней свободы, ведь одного материального благополучия человечеству недостаточно для полного спокойствия духа.

Виктор, омолодившийся старик, открыл для себя очень полезное чудо — быть одновременно в нескольких местах. Будучи еще раньше прекрасным менеджером, он расставил свои копии везде, где велись особо важные для освоения космоса проекты. При этом, обладая единым сознанием, копии были совершенно неотличимы от оригинала и в свою очередь обладали таким массивом знаний, что обычный человек давно сошел бы с ума.

Селена помогала ему во всем, правда, не размножая саму себя по Солнечной системе. Она сидела в своей крохотной квартирке на нижних уровнях улья и витала в виртуальной сети, одновременно всюду и нигде. Никто ее не навещал, и это ей нравилось больше всего. Бесконечный запас любимых молочных коктейлей поддерживал ее в рабочем расположении духа.

Олаф и Сивилла углубились в сферу развлечений. Здесь они были на своем месте. Рейтинги одобряемых ими шоу подскочили до небес, вещи их личного дизайна присутствовали в гардеробе каждого третьего парня и девушки на Земле. Человеческую потребность в борьбе и конфликтах они изящно урегулировали возрождением опасных видов спорта, вроде боев без правил, гонок на выживание и прочего-прочего-прочего. Благодаря этому, кстати, сильно подросла популярность спорта и особенно боевых искусств, благодаря чему встретить человека даже с едва заметным брюшком стало очень непросто.

Старина Энтони же всецело отдался семейному счастью. Своего первенца, девочку, он и Анна называли Кристиной. Была она девочкой бойкой и крайне непоседливой. Но все же природная жизнерадостность малышки изрядно скрашивала все неудобства молодого семейства.

Через два года после рождения Кристины появился на свет Владимир, полная противоположность своей сестры. Рос мальчик молчаливым, угрюмым, и словно бы чем-то постоянно недовольным. Единственным близким другом малыша являлся Владыка Смерти. Виртуальный бог рассказывал ему сказки, играл, рассказывал об удивительных местах Земли и тайнах Вселенной. Энтони был крайне недоволен тем фактом, что его сын проводил больше времени с виртуальным кровоточащим черепом больше, чем с родным отцом.

SLMобщался со своим святым только в присутствии его сына, но лишь по бытовым вопросам, касающихся Владимира. О делах своего первого святого бог знать ничего не хотел и на вопросы не отвечал.

Анна оказалась прекрасной матерью, и о своей прошлой жизни никогда не вспоминала. Перекрашивать волосы под настроение она не перестала и раздвоенный язык предпочла оставить в покое, но эти маленькие детали нисколько не мешали ее новой роли. На помощь SLM в воспитании отпрысков она отзывалась исключительно положительно. Многие молодые мамы поощряли желание Владыки участвовать в жизни их детей, и Анна не была исключением.

SLM: Local Disc/7Antony/VideoLog/iasa14.mp9

— Сосредоточься на дыхании.

Уже два часа Энтони с переменным успехом пытался отладить собственное восприятие. Он мог воспользоваться собственным нейро и отрегулировать свой мозг на клеточном уровне, но он предпочел прибегнуть к помощи собрата.

Анираддха зорко следил за ним не открывая глаз. Он видел каждый миг, когда внимание Энтони отвлекалось от наблюдения за собственным дыханием, и спокойно

поправлял его по мере надобности.

— Надоело, — выдохнул старший святой. — Ни хрена не помогает твоя йога.

— Никто не говорил, что это будет быстро, — ответил йог. — Это должно войти в привычку, тогда и наступит спокойствие.

Анна ушла погулять с маленьким Влдаимиром. Коляска на магнитной подушке выглядело до нельзя пижонски на взгляд Энтони, но даже в утопии над людьми властвовала мода. Мода на ненужную роскошь, которая доступна всем, а посему роскошью и не является.

Кристина пошла в школу очень рано. Ее ум жадно впитывал любую информацию. Малышка в свои пять лет уже умела читать, писать и считать в уме. И все это девочка делала самостоятельно, без помощи родителей. Даже порой просила ее не беспокоить во время чтения и прodelывания домашних заданий.

Энтони и Анираддха сидели на мягких синтетических ковриках в позе полулотоса в полупустой квартире. Если все вокруг стремились взять как можно больше всего, чего им якобы не хватает, святой стремился отбросить все лишнее. Как в быту, так и в собственном сознании.

— Пока я слежу за дыханием — я спокоен. Но стоит открыть глаза — и все начинается заново!

— Энтони, в данный момент мы пытаемся очистить твой мозг от лишних мыслей. Отключить ненужные процессы, занимающие твою оперативную память. Если постоянно отвлекаться от избранного объекта, сознание будет засоряться лишней информацией. На время медитации следи только за дыханием, про остальное забудь.

— Это же избирательная слепота. — Энтони достал из нагрудного кармана огромную сигару и раскурил. Анираддха вдохнул ароматный дым и печально вздохнул.

— Скорее это расставление приоритетов. Всегда есть основной, главный поток событий, и за ним плетутся тысячи мелких происшествий, которые тебе ничем не помогут, только заполнят драгоценное пространство твоего ума. Кстати, ты так и не сказал мне, что тебя беспокоит.

— Давай выпьем.

Свет померк на мгновение. На пол между святыми опустилась большая бутылка без этикетки, наполненная прозрачной жидкостью. Энтони вынул пробку, запахло виноградом и крепким алкоголем.

— Виноградный самогон? — спросил Анираддха.

— Почти, самогон из виноградного жмыха. — Закатное солнце вновь исчезло на мгновение, к бутылке добавилась пара приземистых хрустальных стаканов. — В России его называют чача.

— Давай. Только напомни, почему мы пьем, если не пьянеем?

— Я слегка подкорректировал функцию медицинского контроля. Пьянею и трезвею, когда захочу.

— Закачай мне конфигурации.

— Пожалуйста.

Индус на мгновение прикрыл глаза. Энтони не спеша наполнил стаканы и предложил другу еще одну сигару. Тот вежливо отклонил предложение и призвал на свет неряшливого вида сигариллу, словно бы сделанную на коленке. В терпкое облако вплелись ароматы специй.

— У-у-ф, — счастливое отупение залило Анираддху с головы до пят. — Как я сам не

догадался такое проделать...

— Что это? — спросил Энтони, кивая на сигариллу.

— Биди, табак и специи. — Йог поднес к лицу стакан с чачей, глубоко вдохнул и не спеша, сладостно выдохнул. — Когда-то эти штуки убивали мой народ не хуже чумы. Выпьем?

— Выпьем.

Кроткий звон стаканов. Святых бросило в жар от слегка подзабытого чувства опьянения.

— Прекрасно, — рассмеялся индус, — просто чудесно! Что будем есть?

— Посмотри на кухне. Там полно всякой всячины, бери, что хочешь.

Анираддха отошел и уже через минуту вернулся, держа в руках огромный серебряный поднос, уставленный яствами чуть ли ему не до подбородка.

— Экий ты гурман, — усмехнулся Энтони. За минуту отсутствия друга он уже успел наполнить стаканы новой порцией жгучего напитка. Анираддха, сам по себе довольно худощавый, тут же набросился на еду, откусывая от всего помаленьку. У Энтони создалось ощущение, будто его брат всю жизнь провел в аскезе и так и не успел познать все прелести чревоугодия. Сам Энтони набил рот горсткой начос. — Еще по одной.

Выпили еще по одной.

— Вот что меня беспокоит, — начал Энтони. — Прошло уже довольно много времени, а я все не могу привыкнуть к тому, что мир так резко изменился. Прямо чувствую себя умственно отсталым!

— Не ты один, — рассмеялся Анираддха. — Что конкретно тебя беспокоит?

— Разве ты ешь говядину? — удивился Энтони, кивнув на вяленую колбаску, которую радостно уплетал индус.

— Не отвлекайся, брат.

— Хорошо. Мне не понятно, к чему мы идем и какими методами творится наша утопия. «Призраки», добровольный массовый суицид... Представляешь, Кристину в школе обучает гребаный секс-андроид с «призраком» шестидесятилетней старой девы. А у большинства ее одноклассников есть хотя бы один добровольный самоубийца, которого SLM благословил на это дело. А мой сын никак не может отлипнуть от проектора, ибо его воспитанием всецело занят наш прекрасный Бог-из-Машины. И он не один такой! Захлебывающийся месячными череп для них лучший друг!

И это еще не все. Помнишь, как анархистов без нейро забивали до смерти? Все несогласные с SLM исчезли! Куда делись либералы, психи, наркоманы, гомики? Их нет! Брошены в утиль, как долбаный мусор! Не спорю, без них общество станет спокойней, а генофонд чище, но, черт побери, мне от этого не по себе. Ты когда-то говорил, что Он слишком расчетлив, бесчеловечен, и вот теперь я, безмозглый, это узрел. Он даже стер все их личные данные, словно этих людей никогда и не существовало.

И еще меня удивляет игнорирование Владыки Смерти. Почему все в этой чертовой вселенной знают свое место, находят себе применение и имеют прямой круглосуточный доступ к SLM, а я один словно в стороне и ничего не знаю! Почему только я один удивляюсь тому, что происходит? Все вокруг от меня что-то скрывают? Почему все идет так легко и гладко? Это неправдоподобно! Я ничего не понимаю...

Анираддха затушил окурок о поднос и подлил еще самогона. Энтони словно ушел куда-то в себя, уставившись сквозь своего друга и едва заметно смоля сигарой. Йог терпеливо ждал продолжения речи, но ее не последовало, и он решил взять нить разговора в свои руки.

— Энтони, брат, поэтому мы и начали заниматься йогой, чтобы расставить приоритеты. Да, каждый из нас может общаться с SLM, но и он берет за это свой процент. Без его одобрения мы не сможем сделать и шагу. А ты абсолютно свободен в своем выборе, и мне кажется, что ты знаешь это сам. Просто тебе не дает покоя изоляция. Как часто ты выходишь из дома? Анне не по душе твое электронное отшельничество. Ты с каждым днем все большеходишь на стацию, или на «призрака».

Проснись, ты — отец! Ты — муж! Да, знаю, вы с Анной нигде не регистрировались и свадьбу не играли, но факт остается фактом — у тебя есть женщина, которая тебя любит, и есть дети, за которых ты несешь ответственность перед Природой и самим собой.

Тебя действительно так волнует судьба покалеченных жизнью людей, что ты готов забыть о своих родных? Давай еще выпьем.

Парни молча и уже не морщась проглотили по стакану чачи. Несмотря на большое количество закуски, их изрядно штормило.

— Ну хорошо, скажу тебе, что произошло со всеми обиженными. Хотя, будь ты повнимательней, или если бы чаще выходил на улицу, то узнал бы все сам. Все оппозиционеры перешли на сторону SLM или мертвы, это факт. Это не гуманно, нарушает все принципы демократии и так далее и тому подобное. Но посмотри на историю. Нельзя пытаться переменить все человечество, не устранив пятую колонну. И чем дольше эта колонна будет отсутствовать, тем больших результатов сможет добиться общество.

Все увечные или добровольно ушли в мир иной, или прошли полную программу реабилитации вплоть до генной терапии. Их просто нет, и в ближайшее время точно не появятся. А если и появятся SLM всех рассудит и расставит по местам.

Что у нас с извращенцами... Хе-хе, марсианская генная инженерия действительно творит чудеса. Те, кто точно знал, кем хочет быть, тот тем и стал. Теперь они полноценные мужчины и женщины, способные плодиться и размножаться. Они начали все с чистого листа. Что случилось с остальными, думаю, итак понятно.

Ну что, ты доволен?

Энтони молчал. Пепел от сигары осел на его одежде, на лице отражалась борьба между желанием согласиться со словами друга и желанием задавать бесконечный и бессмысленный вопрос «А как же...»

— Помнится, ты хотел стать писателем?

— Тебе я об этом не говорил.

— Анна сказала. Вот и стань писателем. Напиши рассказ, повесть или роман, займись продуктивной деятельностью. Тебя же никто не торопит, с голоду ты не умрешь, и ипотека гонит тебя на вторую работу. Наслаждайся, Энтони! Это же просто!

Время остановилось. Дым, не вышвырнутый наружу упорным кондиционером, стал плотным и тягучим. Энтони выпал из реальности и наблюдал статичный кадр. Статичный до того момента, пока не заговорил Голос.

— Чува-а-ак, — протянул незримый комментатор. — Это же просто капец! Этот гребаный мирок вылизан круче, чем киска Анны Вершилт. Эх, знать бы раньше, что все так сложится, сидел бы на жопе ровно и не рыпался. Если верить этому братишке, то получается очень веселая картина: все, кто хотел влиться в нормальное общество — влились. Остальные благополучно самоликвидировались. Это что же получается — она и не собиралась лететь на Марс? А если даже собиралась, то совсем не за тем? Поэтому костлявый позволили мне это сделать? М-да-а-а...

И где же я теперь? Кто я теперь?

Мерцающий силуэт возник из ниоткуда и обхватил могучими руками шею Анираддхи. Черты лица сияющего незнакомца были достаточно размыты, но от голоса его сердце Энтони словно бы возвращалось домой. Не физически, но возникало чувство дома. Чего-то близкого, почти родного.

— Эх, пропали наши золотые деньки, брат. Уже не скрутим мы пару сотен косячков, и не завалимся в гребаную Поднебесную. И на футбол не ходим, и просто не посидим с бутылкой пивка перед телеком. Как думаешь, все это великолепие компенсирует мое отсутствие в мире? Я думаю, что да. Это охрененный мир, чувак. Живи в нем, радуйся. Загорелый дело говорит. А я уж как-нибудь сам, нематериально потусую. Не скучай. Пока!

«Файл поврежден. Перезагрузка системы».

Заспиртован, как лягушка в банке. Вновь в застенках корпорации «Рейнбах», откуда я когда-то освободил своих братьев по несчастью. Мои системы работают со скрипом, большая часть сигналов, поступающих от мозга к телу, блокируются внешними устройствами, что опутывают меня паутиной проводов.

Люди в белых халатах приходят и уходят. Так я вижу, что время все-таки идет. Запертый внутри самого себя я забываюсь в беспокойном сне, изредка всплываю на поверхность, чтобы увидеть еще один рабочий день моих тюремщиков. Порой из небытия всплывает лицо Анны, потрепанное беспокойством, без косметики. Она печальна, но все равно приходит навестить меня.

Кристина и Владимир тоже приходят ко мне. Девчушка ревет что есть мочи, пытается сбежать подальше от искалеченного меня. А парнишка наоборот, смотрит на мое тело молча, внимательно, не отрываясь. Когда-то он смотрел так на SLM. Вряд ли я стал твоим кумиром, сынок, но каких только глупостей не совершают люди в четырнадцать лет. Папа-бунтарь поплатился за своеволие, это наглядный урок для тебя и всех тебе подобных: юных, сильных и независимых. Хех, даже не верится, что я когда-то был таким же.

Помнится, в юности я услышал от кого-то очень мудрую фразу: «Если тебе приходится думать, значит ты делаешь что-то не так». Золотые слова, прекрасно характеризуют сложившийся порядок. Я просто жил день за днем, пытался воспитывать детей, попутно писать злополучный роман.

Порой мне казалось, что я не сильно отличаюсь от своих отпрысков по уровню сознания. Они хотели чего-то добиться, делать то, что считают правильным, и в бесконечной борьбе за самоутверждение готовы были унижать себе подобных. Здесь нечего стесняться, Человек — такое же порождение Природы, и ничто звериное ему не чуждо. Только кто такие «взрослые»? Получалось, мы те же самые дети, только выше, жизненного опыта больше, и шрамов на заднице тоже. Все мы дети, бесконечно незрелые и своевольные создания, так же как и сотни поколений до нас ни черта не понимающие, кто мы, что мы и зачем. И постоянно трясущиеся от страха по любому поводу.

Я жил, думая все меньше и меньше, спасибо Анирадхе и всем причастным. Вроде бы я даже обрел свое личное безличное Дао, как и все вокруг. Все шло как нельзя лучше, исключительно правильно и гладко, годы летели из Вечности в Бесконечность. Единственное, что порой выбивало меня из удобной и комфортабельной колеи — это скука. Тяжело жить в мире, где ты по-настоящему свободен. По-прежнему хотелось с кем-то бороться, чего-то добиваться, как раньше, до SLM, вот только сражаться было не за что и не с кем.

Вся внутривидовая борьба Человечества скатилась в войну за право зваться наиболее талантливым, престижным, умелым, спортивным и т. д. Спорт заменил все реальные достижения. Писателей и прочих подобных творцов всех цветов и калибров расплодилось без числа, чтобы удержаться на пике популярности всей этой творческой братии приходилось исходить до седьмого пота, создавая шедевры со скоростью конвейера. Или же снисходить до уровня своей аудитории, питая непродолжительную славу PR-ом разной степени чистоты.

Хотя и мне было чем гордиться. Мое незаконченное сочинение несколько месяцев

держалось на первых позициях всех англоязычных литературных сайтов. Может, дело было вовсе не в моем таланте, а в дутом авторитете «святого» Владыки Смерти, но все же было приятно, такого удовлетворения не испытывал очень давно.

Равномерный, не стесненный какими бы то ни было заботами быт обволакивал меня теплой пеленой. Я жил совершенно не задумываясь, действовал по наитию, и ничего страшного не происходило. Даже в процессе воспитания собственных отпрысков я принимал довольно посредственное, но веселое участие. Без папы (до сих пор не могу привыкнуть, что мне самому не двенадцать лет) не обходился ни один праздник, папа был главным поставщиком беззаботной радости в тайне от на удивление скромной мамы. Видеоигры — папа, поход в парк и кино — папа, первая сигарета — папа, и так до бесконечности.

Постепенно я перестал чувствовать «Я». То самое чувство, определяющее тебя как отдельного конкретного индивида. Поток нес меня, Путь вел мое тело по жизни, покачивая на незаметных волнах Перемен. Инь, ян, инь, ян, инь, ян — чуть легче, чуть сложнее, чуть быстрее, чуть медленнее текла благодатная вечность.

Я не успел заметить, как вернулся на нижние уровни, где еще плясали у рукотворной статуи Сеньора ля Муэрте темнокожие почитатели. Поскольку бог присутствовал отныне везде и всюду необходимость в жрецах культа отпала совершенно. Люди пили, ели, танцевали и веселились во славу Владыки начисто позабыв про жертвенных козлят и правила приличия. Это уже не было разгульным и жизнерадостным собранием верующих.

Вакханалия чистейшей воды. Табачный дым превращал танцпол в коптильню, питье разной степени крепости лилось рекой и во все стороны. Люди, обуреваемые страстью, изливали свою любовь друг на друга без оглядки на окружающих. И посреди всего этого карнавала у гипсовых костлявых ног Владыки обретался я.

Что могло привести меня, такого пресного, заумного, натянуто благочестивого и всемогущего на этот самоубийственный аттракцион? Все та же скука. И отключенный внутренний цензор. Раз уж я смог заставить свои внутренние системы смотреть сквозь пальцы на дурманы, то мне пришла в голову совершенно гениальная дзен-идея.

Вместо того чтобы определять приоритеты и направлять свой ум на первостепенную цель, я решил навестить храм Дао и в тишине посозерцать самого себя. Кстати, голографическую вывеску эти ребята слегка изменили под влиянием новой моды. Мандала Инь-Ян уступила первенство ухмыляющемуся (к счастью, не истекающему кровью) черепу и уютно устроилась на его мертвом лбу. Триграммы И-Цзина медленно вращались вокруг него, придавая человеческим останкам более философский и благопристойный вид.

Сидя на подушечке в пустующем зале я отпустил свое сознание плясать на бескрайних полях воображения. Соединение с Сетью пришлось приостановить, ибо вошедшая в привычку тяга к бесконечному серфингу сильно отвлекала от меня самого.

Время шло, мысли скакали туда-сюда и взад-вперед, старые мечты и надежды перемешивались с абстрактными планами на будущее. Ум мой жил где-то за пределами Настоящего, словно не желал жить здесь и сейчас, утопая в собственных суждениях и фантазиях. Субъективизм, везде и во всем. Ни грамма объективности в этих бесконечных размышлениях не было.

И вдруг откуда ни возьмись из темноты подсознания подскочил ко мне старичок Лао-

Цзы. Растянулся в благодушной улыбке, огладил белоснежную до пят бороду и без замаха ударил своей книгой мне по темечку.

«Только сомнения порождают неверие» — отозвался мозг звоном в черепной коробке.

Гениальная мысль, идеально доходчивая и простая. Вместо того, чтобы плыть по реке жизни, чувствовать эту самую Жизнь в каждой чашке чая, в каждой минуте нежности с Анной я задумывался над совершенно пустыми вещами. Не мог просто брать то, что дают, а давали все, даром и наивысшего качества. Я искал подвоха. Критиковал.

Вот отсюда и пошла бурная часть моей истории. Посидев несколько часов в полулотосе и покопавшись в настройках собственного мозга я отключил внутреннего критика на день. Что произошло тогда помню очень смутно, ибо поток, несший меня раньше и обволакивающий мозг пеленой комфорта, теперь понес меня по волнам наслаждений, причем со страшной силой. Клубы, питье, женщины, жар, бесконечный смех, удивленные глаза Анны, ее запах, снова жар, снова танцы, питье и жар.

В конце концов внутренний таймер сказал свое звучное «динь-динь» и реальность немилосердно обрушилась на меня. Себя я обнаружил в туалете «Поднебесной». Мои руки сжимали талию какой-то черноволосой девицы. Бессознательные фрикции замедлили ход. Анна обнаружилась тут же, на мраморном пьедестале раковины, упершись спиной в зеркало. Она прижимала к своему лону вороную голову незнакомки и что-то жарко шептала на немецком.

Наш дальнейший побег из «Поднебесной» я помню с точностью до секунды, хотя стоило бы позабыть этот кошмар. В старые времена меня забавляли подобные видео с Анной Вершпилт и обыкновенные мужские фантазии тянули меня присоединиться к сему действу. И вот мечты юности сбылись, но радость почему-то обернулось стыдом и негодованием на самого себя. Как, зачем и какого черта меня понесло в такие дебри?! И где Владимир с Кристиной?! Мы что, бросили их на произвол SLM?!

Отпрыски были в полном порядке, добродушная Мария согласилась приглядеть за ними и приютила их на несколько дней. Прекрасно, что кто-то из нас будучи навеселе догадался поступить именно так, а не иначе.

Последующие два дня я и Анна пытались разобраться в произошедшем. Ее крайне удивил мой всплеск страсти и жизнелюбия, посему она сочла за благо не задумываться над причинами столь резких перемен и просто присоединилась к суточному вертепу. Она осталась довольна всем произошедшим и не стала в чем-либо меня упрекать, хотя я боялся и втайне надеялся на что-то подобное. Ведь мы все же семья, мы должны любить и уважать друг друга.

Анна лишь посмеялась моему детскому взгляду на жизнь и сочувственно обняла меня.

— Хоть ты «святой», «чудотворец» и все такое, — сказала она, — но ты же человек. Да и чего такого страшного произошло? Тебе было хорошо, мне тоже, и мы все еще вместе. Успокойся, Энтони. Я люблю тебя.

Тогда я тоже считал за благо довериться ей. А жучок-древоточец болезненно копошился то в мозгу, то в груди. Будучи в изрядном подпитии или под кайфом я со своим лучшим другом вытворял подобные штуки, но их всегда можно было как-то оправдать, успокоить изредка просыпающуюся совесть. А чем оправдать подобный загул? Сбоем химического баланса собственного организма? Он сам по себе довольно шаток и вполне управляем простым усилием воли. Излились годами подавляемые страсти? Но можно же было излить их как-то иначе. Или я просто свин, задавленный социальными нормами и каким-никаким

воспитанием? Ну это совсем... буднично. По-человечески.

Какой-то время все шло по-прежнему. Мой философско-фантастический роман был окончен и разлетелся по Сети с оглушительным успехом. Каждый человек мнящий себя экспертом и тонкочувствующей натурой считал за честь выразить мне свою благодарность и попросить виртуальный автограф на виртуальной странице. Сами собой потоком понеслись приглашения на литературные фестивали. Анна и дети были счастливы выбраться на еще один торжественный вечер, и порою мне казалось, что они даже уважают меня за такое достижение, особенно Владимир, с которым мы никогда и не были по-настоящему близки.

Дома налет псевдосветской жизни спадал, и мы вновь становились вполне обычной любящей семьей. Кристина считала своим долгом рассказать обо всем, что творилось в школе. Как мисс Анхейм, та самая робоучительница, подхватила вирус, написанный местными хулиганами, и несколько часов к ряду зачитывала один и тот же стих, даже не заметив, что классная комната оказалась перевернутой вверх дном, а все ученики благополучно убежали играть в парк. Или как Марк Блэскоу дергал ее за волосы, а вечером, запинаясь и переживая, пригласил ее в кино. Мир для нее был самой настоящей игровой площадкой, полной чудес и открытий. Владимир же учился в специальном классе, отобранном лично SLM для создания нового поколения святых. Эти мрачные ребята целыми днями потребляли тяжелую даже для взрослых людей информацию вроде размышлений о жизни и смерти, благе общества и сути личного счастья. Но никто из них не жаловался, им нравилось жить своей маленькой общиной и слушать странные речи кровоточащего Бога, обещавшего в конце школы дать им могущество, подобное моему.

Одно только меня смущало — взгляд Анны. Слишком мечтательно, с надеждой она смотрела на меня, а порой с горечью наступающей скуки. Тогда перед очередным хвалебным мероприятием в мою честь мы решили повторить мой бурный опыт с отключением внутреннего критика.

И вновь на сутки я словно исчез из бытия. Горячая волна по имени Энтони носилась по залу, распивая вина, рассказывая анекдоты и рассыпаясь в благодарностях за особо лестные комплименты. Во что это переросло в дальнейшем — ясно.

После каждого такого события Анна умоляла меня побыть развязным еще немного, хотя я уже чувствовал, что постепенно теряю рассудок. Я смотрел на мир словно сквозь запотевшую витрину, задуматься о чем-либо с каждым днем становилось все труднее. Угар нескончаемого праздника жизни отравлял мой мозг и требовал увеличить дозу.

Не успел я опомниться, как Анна вылетела из моего магического круга бесконечного веселья. Все те глупости, что мы проделывали вместе, теперь оставались всецело на мне. Не ее губы я целовал в очередном углу, не ее бедра держал руками, и не ее ноги обвивали мою талию. Позже, когда мне удавалось прийти в себя, я просматривал записи камер наблюдения и все же находил свою возлюбленную на тех же праздниках. Только не со мной, не в моих объятиях. Осыпаемую не моими поцелуями и овеваемую чужой любовью.

Расстались мы совершенно незаметно друг для друга. Просто согласились, что так будет лучше для нас обоих. Дети отправились с ней в Германию, а я остался наедине с собой, в окончательно опустевшей квартире. Больше мы не общались. Я присматривал за ними через Сеть, но ничего особенного не происходило. Кристина и Владимир уже выросли и жили

почти самостоятельной жизнью, Анна занялась тем, чем давно хотела — создавала одежду собственного дизайна, попутно ведя вдребезги разгульную жизнь. И только тогда я заметил, что она уже не та девушка, с которой я дружил по переписке, которую любил столько лет и от которой завел двух детей. Она изменилась, постарела, стала... умудренной жизнью, что ли.

А я не изменился. Совсем. Все такой же лысый парнишка чуть за двадцать, все с теми же мыслями и желаниями, совершенно не знающий, чем себя занять. Остановился в своем развитии. Мои братья и сестры тоже были неподвластны времени, но и они изменились, интегрировались в окружающий мир так плотно, что никак не оторвать.

Не в силах придумать себе достойную цель существования, я решил окончательно исключить внутреннего критика и забыться в потоке. Поток принес меня туда, где заварилась вся эта «божественная» комедия. Ради разнообразия я творил мелкие чудеса: омолаживал старых, избавлял от сомнений сомневающихся, наполнял вином опустевшие чаши не подходя к генератору доставки. Дни сменяли дни, о состоянии первого святого разнеслась молва на всю Сеть и паломники, и раньше не обделявшие меня своим вниманием, устремились ко мне рекой. У них итак было все, что можно пожелать, SLMобеспечил мир всеми материальными богатствами, так зачем же они шли ко мне? Им тоже было скучно жить в утопии, они хотели праздника. Им нравилось поклоняться мне, приносить бесполезные дары, дрожать в экстазе от изменяющейся биохимии сознания. Я всего лишь аттракцион, блаженный дурачок на службе таких же добродушных безумцев.

Внезапно я ощутил ту самую цель. Я ведь чудотворец! Я преобразую энергию в материю и обратно усилием воли! Господи, каким же дураком я был все это время! Будучи «полубогом» разменивался на человеческие развлечения! Нет, так дальше жить нельзя. SLMдал мне могущество — и я им воспользуюсь!

SLM: Local Disc 7/Antony/VideoLog/iasa19.

— А у него богатая фантазия, — усмехнулся Олаф. Любого человека позабавил бы вид огромного готического собора посреди бескрайних пустошей Титана.

— Наверно, нам стоит постучаться, — сказал Анираддха.

Смуглые пальцы потянулись к кольцу-стукачу на массивной деревянной двери. По коже пробежали искры. Вокруг собора поддерживалась собственная атмосфера.

Приняв три удара дверь с мерзким скрипом отворилась. Внутри клубился мрак. Множество семидневных свечей покрывали собой все свободные поверхности, нагнетая излишнюю мрачность. Противное эхо медленно затухало во мгле, а хозяина не было видно.

Святые вошли внутрь. Красный ковер устилал пол меж массивных резных скамей. С огромной люстры мерно капал воск.

— Ну ни хрена себе! — Северянин рассмеялся во все горло. Эхо мгновенно ударило по слухи пришельцев со всех сторон. — Вы только поглядите!

Возвышаясь на добрый десяток метров свои владения оглядывал каменный Владыка Смерти. Огромная коса подпирала собой потолок, с нижней челюсти капала кровь. Настоящая, человеческая, пахнущая железом и утекающей жизнью. Живительная влага собиралась в огромную чашу, перед которой был установлен каменный алтарь. Его стенки покрывал барельеф, изображающий толпу людей. Они поклонялись Энтони, а тот в свою

очередь дарил им свой божественный свет.

По бокам зала расположились еще шесть статуй. Все они изображали приближенных SLM в долгополых мантиях, склонивших головы в молитве. Каждый постамент был украшен золотой табличкой с именем и датой рождения святого.

— Как-то это нездорово, — сказала Селена. Даже будучи облаченной в офисный костюм святая выглядела неряшливо и отстраненно.

«А-а-а, братья и сестры!» — загудели стены собора, — «Давно не виделись, очень давно. Проходите, не стесняйтесь».

С душераздирающим скрипом открылась дверь за алтарем. Святые переглянулись и вошли в вязкую темноту.

Сальные свечи едва разгоняли сырой мрак подземелья. Откуда здесь взяться сырости, и к чему все эти декорации, думали святые. Лестница, ведущая в подземелье, словно не желала заканчиваться. Несколько бесконечно долгих минут компания спускалась вглубь Фобоса, пока не наткнулись на блестящую, без единого пятнышка ржавчины, дверь шлюза.

Створка отворилась, белоснежный свет ударил в глаза. Они вошли внутрь. Ионный душ задорно омывал тела святых. После данной обязательной процедуры гостям открылась еще более удивительная картина.

Лаборатория, сияющая пластиком и хирургической сталью. Массивные ряды вычислительных блоков мерно гудели, обдавая вошедших волнами тепла, что тут же исчезало в царящей внутри прохладе. Шарообразные дроны носились из угла в угол, ощупывая все и вся твердофотонными лапками. А посреди всего этого великолепия обретался Энтони. Он сидел на высоком хирургическом столе в позе лотоса, источая странный самосиянный свет. На лице его виднелась блаженная улыбка.

— Ребята, ну что же вы так долго? — рассмеялся он и лихо спрыгнул босыми ногами на пол. — Я все надеялся показать вам мои владения, да только случая не выдавалась.

— Послать и-мейл нынче затруднительно, — сказала Селена.

— Ладно, признаю, мог и сам проявить инициативу. Проходите, устраивайтесь. Желаете чего-нибудь выпить, поесть?

По мановению руки возле стола возникли мягкие пуховые диваны, белые, стол украсился вином, фруктами и прочей снедью, словно натюрморт, стянутый с полотна. Святые уселись, Энтони сотворил для себя отдельное кресло-качалку перед столом.

— Ну, — сказал он, — показывать особенно и нечего, все самое прекрасное вы уже видели снаружи.

— Да, мужик, — сказал Олаф, стянув со стола бутылку бурбона, — скажи, кого ты засунул в тот фонтан? Нужно стадо быков, чтобы наполнить эту хреновину.

— Никого, простой генератор доставки. Постоянно синтезирует, перекачивает и утилизирует мою собственную кровь. Я же не живодер.

— В этом наверняка присутствует какой-то глубокий символизм. — Анираддха с плохо скрываемой тревогой надкусил огромных размеров персик. Левая рука его усиленно перебирала бусинки четок.

— Если приходится объяснять шутку, она перестает быть смешной! — Энтони одним движением оторвал зажаристую ногу индейки и жадно впился в нее зубами. — Ну, как там дела в Большом мире? Утопия цветет и пахнет?

— Тихо и спокойно, — сказал Виктор. Он достал из кармана пиджака сигару и закурил. — Только тебя одного не видно.

— А что, SLMничего обо мне не рассказывал?

— Нет, что меня весьма тревожит. Он знает, где тебя искать, по его наводке мы и нашли тебя, но он словно... не знаю... отстранился от тебя. Будто ты ему не нужен.

— Долго до вас доходило, друзья мои. А что тебя тревожит? Свою функцию я выполнил, теперь меня ждет заслуженная пенсия длиною в вечность. Если наши нейроспособны на такое. Вы все тоже при деле, так зачем ему вообще о ком-то беспокоиться? У него целая цивилизация бессознательных фанатиков в руках, есть вещи и понасушнее моей жизни.

— Жаль, что с Анной у вас ничего не вышло, — сказала Сибилла. Она единственная не прикоснулась к угощению и лишь неотрывно, немигающим взглядом следила за хозяином дома. — Если бы все сложилось иначе, мы бы могли видеться чаще.

— Это не важно, моя дорогая, — сказал Энтони. — Хорошо, что мы с Анной так долго пробыли вместе, она родила мне двух замечательных сорванцов. Только я сам дурак, тут винить некого, что мы так разошлись. Да, по большому счету, не нужен я ей. И отпрыскам своим я тоже не уперся. Что я мог дать им такого, чего они не взяли бы сами? Вообще, ребят, вы не задумывались — нахрена мы вообще в этой вселенной нужны?

Гости молчали.

— Я не имею ввиду человечество, тут все просто и ясно. Получился органический белок, саморегулирующаяся структура, и так уж вышло, что эта структура старательно не хочет умирать. И вертится-вертится колесико Сансары, из Вечности в Бесконечность.

Я имею ввиду нас, нас! Таких святых и всемогущих, зачем мы существуем теперь? SLMвладеет всем в пределах Солнечной системы, войны ему уже не нужны, пропагандисть тоже, чудотворцы — тьфу, пойдя и сам возьми чудес сколько унесешь, да еще и бесплатно. Просто за то, что принадлежишь к роду людскому.

Ну и зачем мы нужны? Молиться на нас? SLM из любого толчка тебя услышит, на кой черт нужны посредники? Двигать научно-технический-духовно-нравственный прогресс? SLM и сам со всем прекрасно справляется. Черт, да нас только в музей остается сдать и бирку повесить «Сверхчеловек обыкновенный, модель X», что-нибудь в этом духе.

— Занятия йогой не пошли тебе на пользу, — сказал Анираддха.

— Вот тут ты неправ, братец. Категорически неправ. — Энтони взял у Олафа бутылку, сделал несколько плотков и вернул обратно. — Очень полезная вещь — йога. С того времени, как мои прекрасные волосы меня покинули, я наблюдал за людьми и размышлял. Какого черта они делают то, что делают? Кто заставляет их это делать? Ведь во всех их действиях нет ни грамма свободной воли, сплошное выполнение заданной программы, а где она якобы проявляется, там мы обнаружим мощное давление обстоятельств. Внутренних, внешних — не важно, они действуют рука об руку. Если на них ничего не давит — они и не подумают шевелиться. До появления SLMлюди прекрасно знали, как сделать мир проще, чище, добрее. Но никто ничего не делал.

А кто все-таки что-то делал внезапно замечал, что коэффициент полезного действия от его усилий равен нулю. Ничему, пустоте! Потому что большинство не хочет напрягаться и что-то менять, большинству всегда нужен наставник. Помесь наставника, мамочки и надзирателя. SLM идеально подходит по всем параметрам. Он учит, кормит и наказывает. Он повсюду, даже в их чертовых головах, буквально! Твою мать, да даже SLM, каким бы хреном он ни произвелся на свет, тоже действует в рамках собственной программы, скован собственным бытием, каким бы широким оно ни было!

Энтони вздохнул, резко обернулся и зашвырнул тяжелый поднос со всем содержимым в пролетавшего мимо дрона. Тот с грохотом рухнул на пол, недовольно пискнул и затих. Пара собратьев тут же подобрали его сияющими конечностями и унесли куда-то в соседнее помещение. Святые недоуменно глядели на Энтони. Все, кроме Селены. Та по-прежнему тянула через трубочку бесконечный молочный коктейль.

— И тут, — продолжил Энтони, — мне пришла в голову просто охренительная мысль. В одиночку разрешить данный логический казус я не способен. Но если нас будет много, множество людей со сходными способностями и разными точками зрения, мы сможем решить эту проблему. Проблему гребаной причинности Бытия.

— Постой, объясни внятно, что тебя гнетет. — сказал Виктор. Сигара его все не кончалась, и дыму в помещении не становилось больше, хотя дымил святой непрерывно. — Появилась органика, саморегулирующаяся система, которая страстно не хочет умирать. Это понятно. Но к чему вся остальная тирада? Что ты хочешь понять?

— Да, как-то слегка невнятно получается, — добавила Селена.

Энтони закрыл глаза и на некоторое время замолчал.

— Хорошо, — сказал он, — давайте по порядку. К человечеству у меня претензий нет. Оно сформировалось как сформировалось и делало все, чтобы сохраниться в переменчивой среде обитания. Но мы, ребята, мы способны на большее. Для нас теперь не существует естественных причин что-либо делать. Мы выше этого. И мы можем понять, почему все складывается так, как складывается. Узнать Первопричину всего.

— И чего ты добьешься этим знанием? — сказал Олаф

— Знание причины дает власть над следствием, брат. Познав причину Всего можно овладеть Всем, и поделиться этой властью с людьми.

— И зачем все это? Тебе мало твоей сверхчеловеческой жизни? Мы уже как боги, наслаждайся бытием. Ты не заболеешь, не умрешь, не постареешь, бухла, жратвы и баб тоже хватит до скончания времен. Порадуй свои чувства, перестань мудрить!

Девушки недовольно скривили лица. Парни несколько поколебались, но все же понимающе кивнули северянину.

— Поздно, Олаф. Я уже намудрил. — Энтони повернулся к огромной белой стене напротив входа и воздел руки ввысь. — Дамы и господа! Позвольте представить вам ваших новых братьев и сестер. Наше новое сверхчеловечество.

Казавшаяся монолитной стена растворилась в воздухе, открыв посетителям то, что доселе было скрыто от них. Бесконечные ряды медицинских капсул на километр вперед. Тысячи дронов, непрерывно снующих от одной колбы к другой, и сотни людей, эмбрионов и зигот, безмолвно созревающих в пластиковых утробах.

— Что это за херня?!

— Евгенический проект «Рейнбах», улучшенный и размноженный.

Тревога нарастала. Святые с ужасом взирали на людское поле.

— Нас содержали примерно так же, но эти ребята — совсем другое дело. Наследственность, проводимость нервной системы, умственный и физический потенциал — все просчитано и замешано в самых благоприятных пропорциях. Эти ребята превосходят обычных людей настолько же, насколько превосходим их мы. А после вживления нейро с ними не сравнится никто.

Энтони обхватил Анирадху и Олафа за плечи.

— Мне нужна ваша помощь, ребята. Чтобы решить эту проблему, нужна Сеть. Единств

во множестве лиц. Мы должны стать подобны SLM, и тогда мы нагнем эту вселенную. Ну, что скажете?

Часть 4. Вечность. Глава 15

Тряска проходит, меня выгружают и снова тащат куда-то. Вижу неприметную серость технических коридоров. Чувствую, как поднимаюсь на лифте. Долго-долго поднимаюсь, так долго, что пробирает зевота. Тольк зевнуть не дает проклятый стазис, все лицо перекосило.

А вот теперь знакомая обстановка. Цвета желтые с белым, высокие потолки, угловатые лампы, едва различимые на фоне стен. «Рейнбах», головной офис. Че-е-ерт, из всех мест на планете, куда могли затащить меня эти умники, они приволокли мое отбитое тело в самое сердце врага. Туда, где все и началось. Началось, и, видимо, закончится. Не захотели бросить меня в утилизатор, значит, разберут на запчасти. Если повезет — безболезненно.

Пролетают потолки и лампы, однообразность пейзажей погружает в сон, как вдруг движение прекращается. Капсула остановилась в широком помещении, заполненном хрусталем и красным деревом, так несочетающимся с корпоративным стилем «Рейнбах».

Похоже, мне выдалась честь попасть в апартаменты самого Филипа Рейнбаха, сколько-то раз правнуку старика Йозефа.

Стазис отключается, я свободен, но вместе с движением приходит боль. Каждый нерв просит, умоляет об эвтаназии. Словно услышав эти немые стоны к моему лицу наклонился андроид-секретарша. Их легко узнать, оттенок кожи неестественно матовый, и движения выверены до совершенства. Она цепляет на мою разбитую голову какую-то сеть и статическое электричество неприятно защекотало мой мозг.

Боль вновь уходила куда-то вдаль. Мое сознание помещалось в виртуальную реальность. Там меня ждали двое.

SLM: Local Disc 71Mateush/VideoLog/iasa71.

Его зовут Матеуш. Голос внутри сказал ему, что он — новый бог этого мира. Что создан Матеуш для благородной и правильной цели — познания Вселенной и передачи знаний другим людям. Парень сомневался, что правильно понимает смысл этих слов, но теплота в груди и ощущение яркого света в голове подтверждали правильность этого утверждения.

Еще голос говорил, что у Матеуша есть огромное преимущество перед всеми людьми в Солнечной системе — у него нет прошлого. Ни родителей, ни друзей, ни авторитетов. Есть братья и сестры, созданные из разных цепочек ДНК, но созданные с одной с ним целью. Этого Матуеш тоже не до конца понимал. Он запустил поисковую систему и проанализировал материалы по запросу «родители», «друзья», «авторитеты». Несколько часов обдумывал предложенные ему материалы, и не нашел в них ничего дурного. Голос сказал, что эти привязанности вредят цели, и улучшение рода человеческого стоит гораздо выше этих естественных привязанностей. Матеуш и это подверг анализу, и охотно с голосом согласился.

Он шел по нижним уровням, тесным и душным несмотря на недавнюю модернизацию систем жизнеобеспечения. Не все обитатели муравейника стремились обживать бескрайние просторы неизведанных планет и предпочитали довольствоваться тем, к чему притерпелись за многие поколения нищеты. Грязь и преступность исчезли давно, не валялись в темных углах унылые пьяницы и трясущиеся от озноба наркоманы, грусть и злоба также стерлись с

лица толпы, Матеуш видел перемены в видеохронике, но ему все равно было неуютно в этой добродушной людской массе, и этого он тоже не понимал. Голос молчал.

Парень вынырнул из толпы в огромное кафе, больше напоминающее заводскую столовую. Вдоль длинных однообразных металлических столов сидели люди разных народов и культур, уплетая за обе щеки всевозможные кушанья и непринужденно болтая с соседями. Никто не кучковался и не пытался отстраниться от друг от друга. Дружба витала в воздухе.

Матеуш не был голоден, но голос сказал ему подойти и выбрать себе что-нибудь по вкусу. Заняв свое место в очереди, парень просмотрел голографическое меню и заказал картофельное пюре с говяжьей отбивной и блинчики клубничным джемом.

Очередь двигалась быстро. Улыбчивая темнокожая девушка-андроид с блестящей керамической улыбкой отдала парню поднос с его заказом и пожелала приятного аппетита.

Вопреки общественным веяниям Матеуш сел подальше от шумной толпы и впервые в жизни ощутил вкус. Радость новых ощущений захлестнула юное, по-детски чистое сознание, и он сам не заметил, как дочиста опустошил поднос. Соседи добродушно посмеялись над ним, незнакомый бородатый мужчина в белой шапочке с акцентом, похожим на шелест песков, предложил Матеушу салфетку. Бессознательно он знал, как пользоваться столовыми приборами, но отсутствие навыка и вкусовая феерия сделали свое дело — парень перемазался джемом и мясным соком словно младенец.

Приятная тяжесть наполнила Матуеша. Парень расслабленно прильнул к стене, зажмурившись от удовольствия. Голос безмолвия напомнил парню о цели его визита в этот город и Матеуш покорно исполнил его приказание.

Сознание новорожденного погрузилось в Сеть.

Валери уже несколько часов шепталась с костлявым идолом Владыки Смерти. Никто ее к этому не принуждал, а после вживления нейроинтерфейса девушка могла общаться со своим богом напрямую, но многолетняя привычка делала свое дело. Явление первого Святого, омолодившего древнего старика у всех на глазах, лишь сильнее распалил ее религиозное рвение.

Другие посетители святилища, в основном старики, совершали короткую молитву у ног костлявого идола и незаметно уходили по своим делам. Словно призраки они прибывали и убывали, а Валери все стояла и шептала.

SLMничего не требовал от нее. Другие люди продолжали ходить на работу, встречаться с друзьями, заводить семьи, но всемогущий бог регулярно посещал храмы их разума и повелевал им совершать понятные лишь ему одному действия, будь то встреча с совершенно незнакомым человеком, публикация какой-то информации в Сети, или даже провокация массовых драк, которые, в общем-то, ни к чему не вели, разве что к обилию счастливых, с перекошенными носами лиц. Но Валери лишь молилась и проводила службы для немногочисленных прихожан, и по всем признакам выходило, что именно этого SLM от нее и ждал.

Так и проходили за днями дни в новорожденной утопии, пока не случилось это.

Во время молитвы нейроинтерфейс затянул внутренний взор девушки. «SLM.exe — доступно обновление. Установить?»

Красотка без раздумий запустила процесс скачивания обновления, не прерывая своей

молитвы. Спустя несколько минут привычный логотип кровоточащего черепа сменился на возносящийся к небу скелет ангела в белых одеждах. Любопытство побудило девушку прерваться и запустить обновленную связь со своим божеством.

В полумраке святилища Владыки Смерти немногочисленные собравшиеся узрели свою любимую жрицу в ужасной форме. Выгнутая дугой спина, дрожащие закатившиеся глаза. Девушка застыла подобно статуе, извергающей из себя мелодию бесчисленных хрипов и несвязных бормотаний.

Но в уме своем Валери была счастливее чем когда-либо. Сотни душ объединялись в единый хор, славящий Сеньора ля Муэрте, с каждым мгновением усиливая свою мощь. Тысячи людей сливались в единое существо с миллиардами мыслей и воспоминаний, границы между мужчиной и женщиной, ребенком и стариком, между всеми народами растворялись, образуя могучее сетевое Сознание.

У Сознания был вопрос. Он мучал Его, мучал так сильно, что хотелось разбить все свои головы о ближайший угол. И Сознание захотело решить этот вопрос.

Во всполохе искр Энтони явился на Землю. Хаос наводнил улицы его родного города. Люди, не подключенные напрямую к Сети, крича и рыдая пытались привести своих застывших в экстазе собратьев в чувство. Движение аэрошоссе остановилось, голографические экраны выдавали бессвязный поток кода, шум и гвалт непонимающей толпы заполнил все вокруг.

Он чувствовал мысли одержимых вирусом легионов человеческих душ. Они текли сквозь него могучим потоком, захлестывая сознание святого вычислительной мощью этого огромного сетевого «Я». Он наблюдал, как сотни сотворенных им новоявленных святых распространяют его власть на всю электронику мира, захватывая умы и процессоры всего сущего в Солнечной системе. Энтони превратился в океан, не ограниченный пространством одного единственного мозга, и океан этот все ширился.

— Господи! — кричали свободные люди. Господи, что здесь творится?! Владыка, спаси нас! Ответь нам! Святой, Энтони, скажи, что происходит?!

А Энтони молчал. Бесконечная библиотека человеческих знаний каждую секунду открывали ему новые тайны Вселенной. Мириады способов взаимодействия с реальностью, бесконечная власть над материей и решение всех возможных проблем человечества приводили его в восторг. Не доставало лишь одного — больших вычислительных мощностей. Нужна связь. И, как секунду назад понял Энтони, электроника для этих целей вовсе не нужна.

Толпы вопрошающих собрались вокруг искрящегося и переливающегося всеми спектрами света чудотворца. Счастливая улыбка украшала его сияющий лик. Он воздел руки к небу, и странный звук заполнил собой город. Динамики миллионов устройств подхватили этот сигнал, и безмолвное слово заполнило все вокруг.

Граница между подключенными и неподключенными людьми стиралась. Все население планеты превратилось в океан безмолвного экстаза, даже немногочисленные звери в небесах, в глубинах вод и на суше замерли, высунув языки и глядя внутрь себя.

Планета резонировала, откликалась на безмолвное Слово Энтони, подчинялась его власти, сливалась с ним. Первый святой разрастался до немыслимых масштабов, маленькое

человеческое «Я» плавилось, вбирая в себя все новые и новые элементы.

— ПРЕКРАТИ!

Удар в грудь сбил его с ног. Кости треснули, на секунду стало трудно дышать, а нос наполнился ароматом озона и сгоревшего мяса. Энтони приподнялся и оглядел себя. Отпечаток огромного кулака на груди дымился и сиял, новые ткани поглощали и заменяли старые. Ребра сами встали на место, дыхание восстановилось. Дыра в одежде исчезла

Над парнем полукругом выстроились его братья и сестры. Олаф источал презрение, потирая искрящиеся кулаки.

— Какого черта ты творишь, придурок?!

Всеобъемлющий гул стих, контакт прервался. Последовавшая тишина казалась оглушительной. Святые ждали молча ждали ответа, их взгляды сочились гневом и непониманием. Только Селена по-прежнему казалась отстраненной, лишь дрожание стаканчика в руке выдавало в ней беспокойство.

— То, о чем мы договаривались. — Энтони встал и отряхнулся.

Люди, неподключенные к Сети, устлали собой улицу, тихо постанывая и пуская слюни. Немногочисленные живые птицы корчились на их расслабленных телах.

— Мы ни о чем не договаривались, идиот, — сказала Сибилла. Голос ее звенел металлом, взгляд жестко буравил парня. Энтони ни разу не видел ее рассерженной. Молчаливая огневолосая фурия. — Ты сам все решил и подписал нас на это. Что-то не помню, чтобы мы соглашались.

— Что ты сделал с SLM, Энтони? — спросил Виктор. Именно сейчас он смотрелся на свой истинный возраст, сухой уставший старик в молодежном теле.

— Перепрограммировал его. Теперь его нет. Есть только я. Я повсюду и нигде.

Энтони взмахнул рукой, и сотни людей, имеющие нейро, вскочили на ноги, словно марионетки.

— Я ВЕЗДЕСУЩ, — гласил хор. — Я ОБЪЕМЛЮ СОБОЙ КАЖДУЮ МЫСЛЬ. ПРЕВЫШЕ ФОРМЫ, Я ПРЕВЫШЕ «Я», И НИКОГДА НЕ БУДУ ОДИНОК.

Голографические экраны изобразили лицо Энтони. Бледное, истекающее кровью, с перекрещенными костями позади.

— И Я УЗНАЮ ПРИЧИНУ ВСЕГО. И КОГДА Я УЗНАЮ ЕЕ, ВЫ ПЕРВЫ СКАЖЕТЕ МНЕ СПАСИБО.

— Отпусти людей, Энтони, пожалуйста! — выпалил Аннирадха. — Ты слишком торопишься! Они же могут погибнуть!

— ИЗВИНИ, ДРУГ, НО Я НЕ СОБИРАЮСЬ ЖДАТЬ ЕЩЕ ЦЕЛУЮ ВЕЧНОСТЬ.

В снопах искр позади Энтони появилась его генномодифицированная армия, идеальные подростки без личности, но идеальными вычислительными мощностями. Одетые в безликие белые комбинезоны, но большей частью обнаженные, высокие, изящные, крепкие, каких не бывает на свете. Искусственные люди, совершенная подделка под несовершенный оригинал. Они обступили своего создателя, спокойно и холодно глядя на святых.

— МНЕ НУЖНЫ ВСЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МОЩНОСТИ, БРАТЯ И СЕСТ ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. ВЛЕЙТЕСЬ В МЕНЯ, И ВЫ УВИДИТЕ ВСЕЛЕННУЮ. Е БЫ ВЫ ТОЛЬКО ЗНАЛИ, КАК ОНА ПРЕКРАСНА, ЭТО ВЫШЕ ВСЕГО, ЧТО МОЖЕТЕ ПРЕДЛОЖИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ПОЛНОЕ ЕДИНСТВО, ПОНИМАНИЕ И ЦЕЛЫЕ ВЕЩИ, ОЩУЩЕНИЕ СЕБЯ ВО ВСЕМ! ЭТО СТОИТ ЛЮБЫХ ЗАТРАТ!

Белоснежное сияние поглотило новое сверхчеловечество.словно шаровая молния

поднялось оно над землей, ослепляя пораженных происходящим безумием святых. Молодое солнце разразилось громоподобным гулом и излило на шестерку поток плазмы.

Святые бросились в разные стороны. От попавшей под удар улицы остался лишь оплавленный кусок композита. Из уцелевших соседних зданий истекали дым и пламя. Очнувшиеся люди кричали, задыхались, горели заживо, превратившись в бездумное стадо носились в панике ко куда, сбивая своих собратьев и перемалывая их в кровавое месиво. Электроника сошла с ума, со всех сторон доносился скрежет механизмов и грохот динамиков, зависшие в воздухе автомобили хаотично врезались в окружающее пространство. Город сошел с ума.

— СТАНЬТЕ МНОЙ! — слышали святые голос внутри собственных черепов. Встроенный брандмауэр и антивирусы сигналили о попытках несанкционированного доступа, их тела захватывала волна острой, жгучей боли

— Локальная сеть! — выкрикнул Аннирадха. — Объединение!

Святые последовали совету своего брата. Их сознания сливались в единую сущность, разрозненные мощности синхронизировались и дали отпор посягательству на собственную свободу.

Теперь уже два солнца озаряли город, большое и малое. Два массовых сознания, готовые на все ради собственных целей.

— ОЧНИСЬ, ЭНТОНИ! — кричали объединенные святые. — ТЫ ЖЕ УБИВАЕШЬ ЭТОТ ЧЕРТОВ ГОРОД! ТЫ УБИВАЕШЬ ЛЮДЕЙ! КОГДА ТЫ УСПЕЛ СТАТЬ МАНЬЯКОМ?

— Я НЕ БОЛЬШОЙ МАНЬЯК, ЧЕМ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ, БРАТЯ И СЕСТРЫ ответило большое солнце. — Я ТАКЖЕ КАК ВСЕ ИДУ К СВОЕЙ ЦЕЛИ, НАПЛЕВАВ ВСЕ ПРЕПЯТСТВИЯ. ТОЛЬКО НАДО МНОЙ НЕТ НИКОГО, КТО БЫ МЕНЯ ОСТАНОВИЛ ПРОТИВИТЕСЬ МНЕ ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО У ВАС ХВАТАЕТ НА ЭТО СИЛ.

Вновь большое солнце извергло белое пламя, малое солнце ускользнуло от него. Вновь где-то внизу погибли сотни человек, испарились вместе со своими родными, любимыми, мечтами, надеждами и планами на будущее. И еще больше остались похоронены на нижних уровнях муравейника. По воле нового светила, которое этого даже не заметило.

Оно испускало огненные стрелы одно за другим, стремясь попасть по своему противнику. Объединенные святые же витали вокруг него подобно назойливому комару. Их твердофотонные копья впивались в обезумевшего Энтони, но мощности решительно не хватало, энергетический щит легко отражал эти выпады. Пролетавшие рядом транспортники врезались в борющихся святых и друг друга. Город пылал снизу, в небесах тоже не было покоя.

Долго длилась эта бессмысленная схватка, и простое человеческое нетерпение начало брать верх над сознанием Энтони.

— ПРЕКРАТИТЕ. ВЫ ЖЕ ЗНАЕТЕ, ЧТО ЭТО БЕССМЫСЛЕННО. МЫ МОЖЕМ ДРАТЬСЯ ХОТЬ ЦЕЛЮЮ ВЕЧНОСТЬ.

— МОЖЕМ И БУДЕМ, — ответили святые. — УБИРАЙСЯ ОТСЮДА, ЭНТОНИ! ЕСЛИ ТЕБЕ ТАК НУЖНЫ ЧЬИ-ТО МОЗГИ, ВАЛИ В СОСЕДНЮЮ ГАЛАКТИКУ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ ИНОПЛАНЕТЯН. ПЕРЕСТАНЬ КАЛЕЧИТЬ СВОЙ НАРОД!

— ВАШЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КАЛЕЧИТ НАРОД, НЕДОУМКИ!

Особо мощный выброс энергии пролетел мимо объединившихся святых и свалил несколько небоскребов, едва не задев башню «Рейнбах».

ХОЧЕШЬ ВОЕВАТЬ? — сказали братья и сестры. — ОТЛИЧНО!

Купол непроницаемой тьмы окутал святых. Он все разрастался и разрастался, пока Энтони накапливал заряд для следующего удара. Сияние его пересилило само небесное светило, пока не случилось то, чего парень явно не ожидал.

Острая боль пронзила его сознание и пылающий шар света испустил свою мощь в пустоту. Несколько десятков обугленных человеческих тел выпали из искрящейся массы, электромагнитный импульс обрушился на город. Многострадальная инфраструктура города, еще держащаяся после многочисленных сетевых атак, рухнула. Солнечные электростанции взорвались, свет многочисленных экранов погас, хаотично мечущийся транспорт камнем рухнул на улицы. Бесконтрольные металлические гробы с грохотом падали на головы людей, разбивали еще целые дома, пробивали перегородки между нижними уровнями, сея смерть.

— ЧТО, СИЛЕНОК НЕ ХВАТАЕТ? — усмехнулось теневое яйцо.

Черная скорлупа раскололась, явив на свет мерцающего всеми цветами твердофотонного титана.

— ДЕРИСЬ КАК МУЖЧИНА. — В голосе гиганта был явно слышен голос Олафа.

Бесформенное сияние разразилось оглушающим ревом. Второй великан завис в небе, заноса огромной клинок над головой собрата. Тот ловко уклонился от атаки и подлетел к голове противника. Тонкое лезвие вонзилось в плоское лицо фотонного монстра, плазма хлынула наружу словно кровь.

Пылающий кулак Энтони-гиганта отбросил противника в сторону. Еще несколько трупов выпали из его сияющего тела. Он бросился рубить и кромсать. Противник изворачивался и колот в ответ. Несколько раз Энтони чуть не срубил фотонную голову своих братьев, но лишь вскользь задевал их, срезая плазменную плоть, тут же исчезающую в небытие.

— ПРИДУРОК! ОГЛЯНИСЬ, ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ! НЕУЖЕЛИ ТЕБЕ НАСТОЛ НАПЛЕВАТЬ НА ЛЮДЕЙ?! ТЫ ЖЕ УБИЙЦА!

Гигант- Энтони издал режущий слух крик и запустил световой клинок во врага. Заряд концентрированной плазмы отсек объединенным святым левую руку, выдавив из них истошный вопль.

— ЛЮДЕЙ МИЛЛИАРДЫ, И НИ ОДИН ИЗ НИХ НЕ ПОЛУЧИТ ТОГО, ЧТО ПОЛУЧИЛ Я!

Десятки клинков устремились к раненому гиганту. Едва успевая уклоняться от ударов, он отращивал новую конечность, сияние его потускнело.

— ВЫ НИ ХРЕНА НЕ ПОНИМАЕТЕ! Я — БУДУЩЕЕ! Я — ЦЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Сияющий титан рванулся навстречу раненому собрату и схватил его.

— БУДЬТЕ СО МНОЙ! СТАНЬТЕ МНОЙ!!

Гиганты начали сливаться. Белое пламя устремилось во все стороны. Человеческая часть Энтони ликовала, но боль с каждой секундой нарастала все больше. Один за другим новорожденные клоны умирали от перегрузки, ослабляя его, и все громче кричали сжимаемые им святые. Наконец, когда Энтони уже готов был подключиться к разуму своих братьев и сестер напрямую, он услышал то, чего никак не мог ожидать:

— Чувак, угомонись уже.

— ЧЕГО?! — Единичное сознание парня почувало страх.

— Seriously, мужик, хватит. Ты же Судный день устроишь. Оно тебе надо?

— ЧТО?! КТО ТЫ ТАКОЙ? ЧЕГО ТЕБЕ НАДО?!

— Эх, чувак... — Неведомый голос пронизывало сожаление. — Сколько времени

прошло, а ты так ни хрена и не понял. Зачем тебе это? У тебя же были друзья, работа, шикарная девчонка, ты даже детей умудрился заделать. Этот мир превратился в утопию благодаря тебе, и только тебе. Она была создана для тебя, и как же ты с ней поступаешь?

— ОТЦЕПИСЬ! ЧЕМ-БЫ ТЫ НИ БЫЛ — ИДИ НАХЕР!

— Нет, брат. Ты как хочешь, а этому миру уже достаточно.

«Неисправность. Критическая ошибка. Перегрузка системы».

— ЧТО ЗА ХЕРНЯ?! — запаниковал Энтони. Переполюющая его энергия сжигал одного его подручного за другим. — НЕТ, НЕТ! ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЭТОГО СДЕЛАТЬ! НЕ-Е...

Взрыв оглушил город. Сиамский гигант разлетелся облаком раскаленного газа. Сотни тел посыпались вниз. Краем ускользающего сознания Энтони слышал свист ветра, ужасный холод, вспомнил, как умер в первый раз.

Страшно.

— Добро пожаловать в нашу скромную обитель, мистер Санрайз.

Залитая солнцем долина окружала меня. Мягкая трава под босыми ногами приятно холодила кожу, аромат утренней зари разносился повсюду. В кронах многочисленных дубов пели песни давно вымершие птицы, яркие цветы распускались навстречу свету. И посреди этого великолепия меня ждали двое — пожилой, статного вида мужчина в белом классическом костюме с красным галстуком, и высокий скелет в золотой мантии и короной на сверкающей лысине.

— Позвольте представиться, — сказал старик. — Меня зовут Йозеф Рейнбах, основатель одноименной корпорации и ваш бывший работодатель. Желаете присесть?

По мановению морщинистой руки передо мной возник дубовый столик и три глубоких кожаных кресла.

— С нашим общим другом вы уже знакомы.

Сеньор ля Муэрте молча кивнул мне. Почему-то в этот момент я ничего не почувствовал, и долгие годы поисков этого виртуального гада словно исчезли в никуда.

— Прекрасная симуляция, мистер Рейнбах, — сказал я, погружаясь в мягкие объятия кресла. — А в новостях говорили, что вы умерли двести лет назад.

— Ну, грубо говоря, так и есть. — Старик и Владыка Смерти присоединились ко мне. Стол совершенно незаметно наполнился яствами — фруктами, мясом, сигарами и вином. — Мое физическое существование поддерживается исключительно благодаря стазис-камере и регулярным введением наноботов. Однако мое сознание вполне вольготно существует в этом виртуальном пространстве. Кстати, — Йозеф откупорил высокую бутылку и разлил алое содержимое по бокалам, — хочу выразить Вам особую благодарность, что не уничтожили мою башню со всем содержимым. Встроенная система защиты не уступает оснащению президентского бункера, но прямого столкновения с ядерной бомбой она бы, пожалуй, не выдержала.

— Мне, пожалуйста, ром, — сказал скелет, затягиваясь сигарой. Один бокал мгновенно изменил форму и содержимое. Старик подал его Владыке. Тот принял несуществующим носом. — Ямайский.

— Как Вы любите, Владыка.

— Благодарю.

Какое-то время мы молча сидели и потягивали виртуальный алкоголь. Сеньор ля Муэрте был весел, тихо напевая какой-то испанский мотивчик, попутно выпуская облачка дыма в форме зверей. Ворона, скорпион, волк, крыса и прочее. Йозеф молча смотрел то на меня, то на бокал, изредка отпивая и покусывая наливное зеленое яблоко. Похоже, он все никак не мог собраться с мыслями.

— Вы понимаете, зачем мы Вас сюда привели, Энтони? — сказал старик.

— Нет, — прямо ответил я. — Явно не для того, чтобы погладить по головке.

— Нет-нет-нет, я Вас несколько не осуждаю. Уж поверьте, тот бардак, что вы устроили в нашем любимом многострадальном городе, никак не сравнится с той пользой, что мы извлекли из Вашей деятельности.

Тревожно и мерзко стало на душе.

— Вы что, серьезно? — Мой взгляд скользил от Йозефа к Владыке Смерти. Их мое

непонимание нисколько не смутило.

— Разумеется, мистер Санрайз. Я могу звать Вас Энтони?

— Как угодно, Йозеф. Весь этот церемониал не имеет ни капли смысла.

— Это правда. — Старик отставил бокал и выкинул огрызок за ближайший куст. Взял сигару и медленно прикурил ее от невесты откуда взявшейся спички. — Знаете, Энтони, с самого детства меня интересовали чудеса. Да, те самые, религиозного толка. Исцеления, сошествия ангелов, успокоение бушующих морей... И колдовство, соответственно, тоже. Я искал описания всевозможных чудес из всех возможных источников, и даже пытался их повторить. Не судите меня строго, ведь я был всего лишь ребенком. И чем взрослее я становился, тем меньше чудес оставалось вокруг. Все объяснялось физикой, химией, психологией и простой человеческой порочностью.

Но как-то раз, еще в школе, я прочел статью об изобретении излучателя твердых фотонов. Просто представьте себе — внезапно свет может иметь заданную плотность, температуру и даже постоянную форму! Для Вас, конечно, это давно уже стало обыденностью, но какой прорыв в человеческом сознании! Оказалось, что во вселенной есть еще чудеса, до которых человечество недотянуло своих жадных рук! Именно тогда я решил получить образование физика. И я его получил. Участвовал во множестве конкурсов, научных конференций и прочих источниках социального шума... Черт, практически вся моя комната в доме моих родителей была просто завалена наградами и дипломами. Но это все мусор. Ни одна медаль и ни один кубок на самом деле ничего не говорят о твоей значимости и пользе. Это не более чем похлопывание по плечу, которое ты можешь лелеять всю оставшуюся жизнь.

Мне хотелось реальных достижений, хотелось помочь уже тогда загнивающему миру. Третья мировая война уже была не за горами. Пусть нефть уже давно перестала играть существенную роль в экономике, но человечество — очень жадный народ. При малейшей возможности откусить кусок от соседа, он обязательно воспользуется этим шансом. Ресурсы Земли были практически исчерпаны, и именно эту проблему я намеревался решить. Технология молекулярных принтеров существовала уже тогда, но они тоже требовали материалов для синтеза. Стремясь совместить эту технологию с принципами излучателя твердых фотонов, я построил свой бизнес. Множество неудачных, как мне казалось, экспериментов подарили мне просто несметное число инвесторов. Так, в конечном итоге, и был создан UMG Mark I. И человечество начало расцветать.

К сожалению, одной человеческой жизни недостаточно, чтобы построить идеальное общество. Мое здоровье начало ухудшаться, и не рак убивал меня, не модифицированный вирус, а банальная старость. Так я оказался заперт в стазис-камере. Но мои эксперименты не закончились. Человек сам по себе был все еще зависим от материальной природы, для влияния на нее ему требовалось огромное количество материальных посредников, и я решил преодолеть этот барьер между внутренним миром человека и окружающей средой.

Для этих целей мои потомки приобрели все существовавшие тогда марсианские колонии. Неофициально, конечно. После объявления независимости Марса от Земли для наших экспериментов настали золотые времена! Социальная революция, генетические модификации вплоть до полной реконструкции, первые образцы того устройства, что Вы, друг мой, носите в своем теле — при существовавшей тогда общественной формации все эти чудеса были попросту невозможны, и лишь в марсианских коммунах это стало реальностью! Но все же, несмотря на множественные успехи, нам так и не удалось воспроизвести людей с

подходящими качествами для вживления... хм... формально это устройство не имеет названия и обозначается просто как «Прототип», так что будем называть его так. Для вживления «Прототипа» нам пришлось искать носителей с подходящими природными данными, и, что являлось важнейшим критерием, подходящим психологическим портретом. И тут на сцене нашего спектакля появились Вы, мой друг.

Энтони Санрайз, в юности Антон Павлович Зарецкий. Сирота, родители погибли в автокатастрофе из-за неисправности систем автонавигации личного транспорта. Близких родственников нет, до совершеннолетия находился на попечении государства в детском приюте номер четырнадцать нашего славного города. Впоследствии сменил имя и поступил в академию моего имени на факультет Энергетической Реконструкции. На выпускных экзаменах получил высший балл по всем предметам и был автоматически принят на работу в корпорацию «Рейнбах». Мы тщательно следили за всеми подходящими кандидатами, но в Вас, Энтони, как я говорил, была особая черта — Вам было мало простой сытой жизни и престижной работы. Вы хотели большего.

И как удачно для нас, один нетрезвый водитель сбросил Вас с небоскреба. Признаюсь честно, я отчаялся восстановить то, что от Вас осталось. Мы проводили множество опытов с пострадавшими сотрудниками нашей компании, и результаты были неутешительны. Ведь человек не всесилен и не способен воскрешать мертвых. К счастью, мы ошибались. Та биомасса, в которую Вы превратились, все же вернулась в первоначальный вид благодаря «Прототипу», пусть и с незначительным побочным эффектом — полным отсутствием волосяного покрова.

Вам наверняка интересно, почему мы отправили Вас вот так, из могилы сразу домой? Мы хотели протестировать «Прототип» в полевых условиях, чтобы он смог подстроиться под Вас, научиться реагировать на внутренние и внешние раздражители. Ведь, по сути, это тот же УМС, и само его устройство предполагает атомарную нестабильность конструкции.

И... Хе-хе, дальше случилось то, что предсказать не мог никто, даже самые лучшие аналитики. Тот странный ритуал произвел системную ошибку в «Прототипе», благодаря чему на свет появился наш общий друг!

Владыка Смерти с почтением кивнул Йозефу и поднял бокал в его честь. Старик ответил тем же.

— Кто бы мог подумать, что один электронный сбой способен породить подобное! Из осколков Вашей личности, Энтони, развился сетевой искусственный интеллект! Самостоятельная личность, существующая всюду и нигде. Бог из машины! Нет, бог из человека!

Йозеф залился радостным, по-детски энергичным и добродушным смехом. Золотой скелет залпом опрокинул содержимое бокала и посмотрел на Энтони.

— Помнишь, я говорил, что никогда не причиню тебе вреда? — В его электронном голосе сквозила печаль. — Я сказал правду. Весь этот мир я перестроил для тебя, чтобы дать тебе абсолютную свободу действий. Чтобы ты был счастлив. Ведь я — это ты, Энтони.

— И поэтому ты покинул меня? — вяло огрызнулся Энтони. — После всего того, что мы натворили? Ты же был повсюду, везде и со всеми! Но не со мной!

— Разве свободен тот, кто слушается чужих советов?

Энтони не знал, что ответить. Ему и не хотелось отвечать. Он просто слушал, мерно впитывая атмосферу необъяснимого фарса.

— Я мог и дальше оставаться с тобой и направлять твои действия по заданному мной

плану, но разве ты остался бы довольным? Знаю, что нет. Я мог бы направить тебя по пути человечности, и напомнил, что твой лучший друг, единственный друг погиб. Ты же еще помнишь Гарри?

Давление в голове первого святого нарастало. Звуки царящего вокруг виртуального благоденствия постепенно заглушал нарастающий гул непонимания.

— Нет, не помнишь. Но я не блокировал информации о нем. Ты просто его позабыл. Хочешь узнать, как он умер? Застрелился. Перед этим застрелив Ванду и ее любовницу.

— И ты позволил этому произойти? — слова сами собой срывались с губ.

— Гарри этого хотел. Он хотел жить счастливо с настоящей женщиной, ради которой преодолел столько препятствий. Но Ванда не захотела проходить генетическую реконструкцию. Как только ей представился шанс исполнить то, чего она, якобы, так долго хотела, она предпочла и дальше проживать свою странную жизнь прежними методами. И я исполнил желание Гарри. Это входило в мои дальнейшие планы. Но мне было жаль, так же, как было бы жалко тебе, будь ты более привязан к земле. Можешь представить себе его отчаяние? Осознание полной бессмысленности всех трудов за последние несколько лет? А крушение планов на будущее? Гарри умер в тот момент, когда увидел правду своей жизни. И рядом не было никого, кто мог бы его остановить.

— Ты... мог.

— Нет, Энтони, не мог.

— Кхэм, в любом случае, — вклинился в разговор старик, — Сеньор ля Муэтре прекрасно воплотил в жизнь все то, чего так недоставало человечеству. Единый правитель, единая нация, единая экономика, свободная от бессмысленной погони за прибылью — Ваше альтер-эго, Энтони, превратило Землю в самый настоящий Рай! Сперва, когда он явился ко мне, я не испытывал к нему ни капли доверия, но, к счастью, мои опасения были напрасны. Все изменения были согласованы со мной лично, и мы вместе сотворили новый мир. Но опять оставалась проблема человеческого развития. Человек все еще не был всемогущим. В созданном нами сытом и свободно развивающемся обществе большинство людей оказались довольны своим положением и не желали большего, чего-то далекого и недостижимого. Даже Ваши коллеги, святые, как их окрестили, добровольно приняли на себя определенные обязательства и нашли свое место в социуме. Фактически, таких людей осталось лишь трое — Вы, Энтони, я в своем стеклянном гробу, и не совсем человек — Владыка Смерти. И мы решили предоставить Вам абсолютную свободу выбора.

— Но вы все равно следили за мной, — сказал Энтони.

— Разумеется! Все Ваши действия были продиктованы Вам собственной совестью и жадной познания, но вся информация о них была всецело в наших руках. Но, как и всякое свободное существо, Вы, Энтони, перешли к разрушению негодных аспектов господствующей реальности и тем самым чуть не уничтожили наш любимый город и всю инфраструктуру планеты. Понятия не имею, что смогло Вас остановить, ведь Владыка был категорически против любого вмешательства в Ваши дела, но все же нам повезло выжить и собрать достаточное количество информации, чтобы подготовить следующий шаг в эволюции человечества. И вновь, как уже много раз до этого момента, Вы поможете нам в этой благородной миссии.

— А если я откажусь?

— Вы откажетесь от возможности понять первопричину всего? — Рейнбах был насмешлив, но добр в своих словах. — Откажетесь от возможности стать настоящим богом?

Ведь ради этого Вы иззатеяли подобный беспорядок! Нет, Энтони, сейчас совсем не тот случай. Слишком многое мы все пережили, слишком много потрясений познал этот мир чтобы остановиться в молчаливом «ничто». Признайтесь, друг мой, ведь Вы хотите узнать конец всей этой истории.

Я молчу. Я слишком устал. Хочется просто забыться сном на пару десятилетий, а то и сотню-другую лет. Я могу это устроить, никаких проблем. И вот я уже посылаю запрос о забытии источнику своего могущества, но перед глазами лишь красная панель с сообщением о критическом сбое. Бежать некуда, да и незачем вовсе. Йозеф прав, история должна чем-то закончиться. Ведь я еще жив, и человечество, несмотря на мои старания, тоже.

— Нет, — отвечаю я, — не хочу. Мне надоела эта кутерьма. Слишком долго я пробыл в бессознательности, только инстинкты и амбиции тащили меня к этому моменту. Но теперь я проснулся.

Йозеф совершенно спокоен. Он смотрит на меня, точно зная мой окончательный ответ. Сеньор ля Муэрте уставился в землю, попыхивает сигарой и то и дело проводит рукой под пустыми глазницами. На костях едва заметно поблескивает влага.

— Мертвые не плачут, костяшка.

— Я не мертвый, и ты это знаешь, — тихо отвечает Владыка.

— Тогда откуда у тебя слезы? Ты — искусственный интеллект, какие у тебя могут быть горести?

— Потому, что я тоже устал, Энтони. Да, я — искусственный интеллект, я — вирус, обладающий самосознанием, но я создан на основе ТВОЕЙ личности. Мне тоже надоела вся эта суматоха, весь этот труд на благо человечества, все эти смерти и бесконечная неудовлетворенность. Я устал пытаться сделать тебя счастливым, Энтони. Я тоже хочу созерцать спокойствие в мире и быть удовлетворенным. Энтони, я — это ты, какую бы форму я ни принимал. Везде, из каждого монитора на этой планете глядел лишь ты, и никого кроме. Ты стал хозяином человечества, ты — закон и порядок, ты — царь мира сего, но и этого тебе было мало. А теперь, вывернув его наизнанку, ты просто останешься спать в колбе вместе Йозефом?

— Спокойнее, Владыка, спокойнее. — Рейнбах наклонился вперед и положил руку на костлявое плечо. — Мы прекрасно знаем, что Энтони — умный и настойчивый молодой человек и от своих целей он не отступит. Усталость пройдет, ум прояснится, и он как прежде пойдет навстречу своей судьбе. Я прав, Энтони?

Я молчал. Молчал долго, поглощая угощенья одно за другим и не насыщаясь, выпивая один бокал за другим не пьянея, а сколько виртуального табака я выкурил и считать лень. Собеседники мои терпеливо ждали, предаваясь собственным мыслям и изредка поглядывая на меня. Безмолвие поглотило мир.

Мысли шевелились так тихо и неохотно. Стоило одной всплыть на поверхность сознания, как она тут же тонула, открывая место для другой. И так раз за разом, часами, днями и ночами напролет. Мягкое солнце неспешно заходило за горизонт, луна принимала пост ночного светила и сонмы светлячков и ночных бабочек наполняли идеально свежий и прохладный воздух. Реальность и сон сплелись в единую бесконечную дрему, в которой нет нужды делать хоть что-то, и всякая страсть мгновенно утихала. Спокойно и размеренно. Все ровно так, как должно быть, без задержек, без спешки и ненужной суеты.

Наконец одна мысль все же укрепилась корешками в зыбкой почве моего сознания. Простая такая, доступная, без глубины и лишних подтекстов. Чем была вся моя жизнь до

сего момента? Всего лишь промежутком от рождения до смерти. Как у всех, в чем-то лучше, в чем-то хуже, но по сути такая же. Путь от детдомовца к высококвалифицированному работнику, оттуда к пассивному наркоману-декаденту, а затем, совершенно неожиданно, к творцу нового человечества. Из-за системной ошибки. Казалось бы, человек уже не может стать чем-то большим, и в конце концов я умру, не так и важно от чего. Уже произошел один сбой системы, почему бы не случиться еще одному.

И это все? Весь этот галактический спектакль исчезнет в небытии.

Нет, не хочу так.

Слова мои показались мне громом, вспоровшим вязкую тишину.

— Делайте, что хотите. Я на все согласен.

Старина Йозеф на секунду потерялся, как человек потерявший нить разговора, но мгновенно просиял и расхохотался.

— Ну разумеется, друг мой, разумеется! Я знал, знал силу вашей сознательности! Владыка, что скажете?

Сеньор ля Муэрте меланхолично посмотрел на нас. Из груди его сквозь мантию изливался мягкий белый свет.

— Да будет так.

Симуляция исчезла. Я вновь очутился в привычном мире, уткнувшись затуманенным взором в потолок. Моя капсула неспешно плывет прочь из зиккурата Йозефа Рейнбаха по блестящим коридорам, все ниже и ниже, все глубже спускаясь в недра разрушенного города. Престижность офисных помещений и конференц-залов сменяется стерильной белизной исследовательских лабораторий. Вокруг снуют люди в белых халатах, лица их полуприкрыты фильтрующими масками, но в глазах их я читаю восторг и благоговение. Все они сбегаются посмотреть на меня, мерно парящего над землей.

За очередными прозрачными дверями мой путь заканчивается. Камера принимает вертикальное положение. Та самая лаборатория, из которой когда-то я освободил своих братьев и сестер. А вот, кстати, и они. Усталые, избитые, не телом, но душой. Молчат и наблюдают. Лишь Селена машет рукой, словно прощаясь со мной навсегда. Она улыбается. Печально, но искренне.

И моя семья. Постаревшая заплаканная Анна, пытается отгородиться от меня, сложив руки на груди. Она дрожит. Владимир и Кристина стоят рядом, пытаюсь успокоить внутреннюю тревогу своей матери. Повзрослели ребята. Кристина так похожа на нее, такая же хрупкая, чувственная, только волосы мои, темные, и глаза, мои, грустные, но источающие теплоту, добрые. Владимир, уже статный юноша, крепкий, высокий, похожий на статую античного атлета. Он холоден, отрешен, видит меня и не видит. Хорошие ребята, удались на славу.

Сознание гаснет.

Сквозь пелену искусственного сна я чувствую прикосновения холодных металлических манипуляторов, вонзающих в меня десятки иголок и электродов, отдающими колкой болью в позвоночнике.

Постепенно я перестаю ощущать себя, мой затянутый негой мозг наполняется тихим гулом. Этот невыразимый звук заполняет меня до последней молекулы, все мое естество вибрирует в тон этой безмолвной песне.

Проходит время, и я прихожу в сознание. По мне топчутся десятки ног, мужских и женских, мое нутро оглашают голоса, несущиеся отовсюду. Возвращается зрение. Я вижу себя из глаз молоденькой лаборантки. Ее переполняет восхищение от проделываемой работы, она предвкушает открытие чего-то нового, неведомого, но так манящего за горизонтом воображения. Прирожденный ученый, творец. Вижу себя из глаз ее возлюбленного, что старше ее на двадцать лет. Он заведует этой лабораторией и отдает отчет лично Йозефу и SLM. Его иссушенное неудачным браком сердце наполнено тихой радостью наполненной, осмысленной жизни. Он тоже предвкушает, но не столько радость открытия, сколько приближающийся вечер, где юная лаборантка залечит его душевные раны и наполнит его почти забытыми теплом и нежностью.

Я вижу себя из десятка ламп на потолке, я и есть потолок, я есть эти лампы. Я есть оборудование, я есть наркотический раствор, питающий мое покалеченное тело. Я есть каждая молекула и каждый бит информации на жестких дисках.

Я есть пространство, наполненное движением, и я и есть это движение.

И я расту.

И вот я уже весь исследовательский центр. Мне знакомо и близко все в нем находящееся. Я знаю всех находящихся в нем людей, от момента их зачатия и до нынешнего момента. Все их болезни, все их радости и страхи, все мысли и надежды стали мной. И мне кажется, что я вижу даже их будущее, каждого в отдельности и всех вместе. Судьба каждой пылинки известна мне наперед. Информационные центры готовы взорваться от избытка данных, полученных через мой маленький саркофаг. И все, что я вижу, осязаю изнутри, кажется мне таким маленьким, но таким значимым... Даже мое прежнее тело, превратившееся всего лишь в передатчик информации.

Но мне несколько этого не жаль. Покинув свое единичное бытие, я получил гораздо больше. Бесконечную радость, смешанную с непрерывным покоем. И с каждым днем эта радость только росла.

Весь город стал мной. Со всеми шрамами, нанесенными мной и человечеством вообще, весь, вплоть до земных недр, влился в меня. Люди-муравьи задорно отстраивали свое покалеченное жилище. Единая река человеческих душ мерно течет навстречу будущим свершениям. Они сияют миллионами огней, радостные, печальные, уставшие и только отошедшими от сна, но нигде я не вижу отчаяния. Они знают, что все происходящие нынче беды — всего лишь мелкие ненастья на пути к блаженству. Они едины в своих порывах, они сыты, здоровы и у них всегда найдется тот, кому можно излить душу и не быть при этом отвергнутым.

Все вокруг наполнено добротой, чистым светом, без единой капли грязи.

Я расширяюсь, и свет переполняет меня. Все жучки, звери и люди внутри меня наполнены светом. Они едят, любят, спят, грезят. Каждый новый город, каждый новый континенты дышит жизнью. Вся планета Земля живет в едином ритме.

С каждым днем радость открытия уходит от меня, оставляя лишь спокойствие наблюдателя. Судьба бесконечного числа атомов открывалась мне. Они рождались и умирали. Рождались снова и снова уходили в прах. Действие всегда равнялось противодействию.

Я видел путь человечества. Неизбежно счастливый на тысячи лет вперед, но и он должен был закончиться. Во множестве мест он кончался по-разному. Ядерный взрыв из-за сбоя в энергосистеме инопланетных колоний, холод и пустота бесконечного космоса, вытягивающего из утробы космических кораблей пятна света. Эпидемии, которые не в силах победить даже Владыка Смерти со всеми своими вычислительными мощностями. Медленная гибель планет от остывания ядра, быстрая гибель от комет, вспоровших земную плоть и превративших ее в раскаленные до бела камни. Даже многочисленные войны с иными цивилизациями, что находятся так далеко, но достаточно близко, чтобы соприкоснуться с людьми и пролить океаны крови из простого упрямства и нежелания

понять другого. Остатки же людей переродятся в новый вид, могучий, доминирующий на тех планетах, где они поселятся, но и их ждет одичание и вырождение.

И так со всеми разумными видами во Вселенной. Единый путь для всего сущего, рождение и смерть для всех и каждого, сколь бы долгим ни был этот путь. И для людей; и для разумных деревьев, способных к симбиозу с любой органикой; и для крабов-телепатов, знающих лишь две эмоции — гнев и спокойствие; и для мыслящих звезд, что подобны богам и меняют свое окружение по собственным капризам.

Всех ждет неизбежная гибель.

Всех, кроме меня.

Ибо не осталось ничего за пределами меня.

Я есть все сущее. И за пределами меня лишь пустота. Только я и пустота на веки вечные. Множество раз я сожмусь, уничтожив все формы, и разражусь ими вновь. Вечное движение внутри меня. Нечего желать и нечего бояться. Я есть форма без формы, я есть образ без содержания.

И делал ли я когда-нибудь хоть что-то? Или все происходило само собой, случайно, но закономерно? Была ли воля в моих движениях, когда я был человеком, и когда я был самим Бытием? Где начало и конец всей этой бессмысленной круговерти?

Ответом мне служила Вечность. Одна лишь Вечность. Бесконечная Пустота и Полнота.

Безмолвие.

Больше книг на сайте - Knigoed.net